

СКОТТ В.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ГАЙ МЭННЕРИНГ,
ИЛИ АСТРОЛОГ

Собрание сочинений

Вальтер Скотт

Гай Мэннеринг, или Астролог

«Алгоритм»

1815

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Гай Мэннеринг, или Астролог / В. Скотт — «Алгоритм»,
1815 — (Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02522-8

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В данном томе публикуется роман «Гай Мэннеринг, или Астролог», принесший его автору мировую славу создателя исторического романа в Англии. Подобно другим «шотландским» романам писателя, он реалистически отображает жизнь Шотландии в один из самых важных этапов ее существования – в период решительной ломки сложившихся в стране социальных отношений и крушения старого феодально-патриархального строя. К «Гаю Мэннерингу» с полным правом можно отнести отзыв Гёте о первых трех романах Скотта: «Все в них прекрасно: материал, исполнение, действие, типы».

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02522-8

© Скотт В., 1815

© Алгоритм, 1815

Содержание

Предисловие	7
Глава I	16
Глава II	19
Глава III	24
Глава IV	29
Глава V	34
Глава VI	38
Глава VII	42
Глава VIII	46
Глава IX	50
Глава X	56
Глава XI	61
Глава XII	67
Глава XIII	73
Глава XIV	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79
Комментарии	

Вальтер Скотт

Гай Мэннеринг, или Астролог

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2009

* * *

*Пусть людям счастье иль страданье
Планет вещают сочетанья,
Зачем тревожить их покой
Игрой опасною такой?*

«Песнь последнего менестреля»^[1]

Предисловие

[2][3]

Повесть или роман «Уэверли» на первых порах, разумеется, очень медленно пролагал себе путь к читателям, но зато потом приобрел такую большую популярность, что автор решил написать еще одно произведение в этом роде. Он стал искать подходящий сюжет и подбирать название. Чтобы читатель мог представить себе, как пишутся романы, приведем тот рассказ, который послужил основой для «Гая Мэннеринга», и добавим к этому, что в процессе работы между ним и выросшей из него книгой не осталось даже и самого отдаленного сходства. Рассказ этот я слышал от одного старого слуги моего отца, славного старика шотландца, человека во всех отношениях безупречного, если не считать его пристрастия к «горной росе», которую он предпочитал другим, менее крепким напиткам.

Ко всем событиям, о которых будет идти речь, он относился с той же верой, что и к любому догмату своей религии.

Итак, по словам старого Мак-Кинли, некий почтенный пожилой господин во время своего путешествия по глухим местам Гэллоуэя^[4] был однажды застигнут на дороге наступившей темнотой. Он с трудом добрался до какой-то усадьбы, где его приняли со всем радушием, свойственным Шотландии того времени.

На хозяина дома, богатого помещика, произвела сильное впечатление почтенная внешность гостя, и он просил извинить его за царивший в доме беспорядок, которого приезжий не мог не заметить. Лэрд^[5] сообщил ему, что супруга его лежит в постели и вот-вот должна родить, добавив, что, хотя женаты они уже целых десять лет, это ее первые роды. Одновременно он выразил сожаление, что это обстоятельство помешает принять гостя так, как надлежало бы.

– Что вы, помилуйте, – ответил незнакомец, – мне ничего особенного не надо, и я думаю даже, что сумею воспользоваться предстоящим событием, чтобы отблагодарить вас за гостеприимство. Скажите мне точно час и минуту, когда родится ребенок, и я надеюсь, что смогу кое-что сообщить вам о том, что его ждет в нашем суетном и полном превратностей мире. Не скрою от вас, что я владею искусством читать и толковать движения небесных светил, влияющих на судьбы людей. В отличие от так называемых астрологов я занимался этой наукой не ради денег или другого вознаграждения. Я человек вполне обеспеченный и употребляю все знания, которыми владею, на благо тем, к кому я расположен.

Лэрд поклонился в знак уважения и благодарности, и путешественнику была предоставлена комната, откуда можно было хорошо видеть все звездное небо.

Гость провел часть ночи, созерцая расположение небесных тел и исчисляя их возможные влияния на судьбу ребенка, пока наконец результат этих наблюдений не заставил его послать за лэрдом; он принялся самым настойчивым образом упрашивать его, чтобы повитуха как-нибудь задержала наступление родов, хотя бы на пять минут. Ему сообщили, что это невозможно, и не успел слуга вернуться с ответом, как отца и его гостя известили о том, что леди родила мальчика.

На следующее утро за завтраком у астролога был такой сосредоточенный и мрачный вид, что отец новорожденного, который перед этим радовался при мысли о том, что у родового владения есть теперь наследник и оно после его смерти не перейдет к дальней родне, встревожился не на шутку. Он поспешно увел гостя в комнату, где они могли остаться наедине.

– Я вижу по вашему лицу, – сказал он, – что вы должны сообщить мне что-то недоброе о моем малютке. Может быть, Господу угодно будет лишить нас этой радости прежде, чем дитя подрастет и достигнет совершеннолетия? Или, может быть, сыну моему суждено стать недостойным той любви, которую мы ему готовим?

– Ни то ни другое, – ответил незнакомец. – Если только мои знания не обманывают меня, ребенок переживет и младенческий и детский возраст и своим характером и способностями оправдает все надежды родителей. Но, несмотря на то, что многое в его гороскопе^[6] сулит ему счастье, все же значительный перевес приобретает какое-то злое влияние, которое грозит ему нечестивым и несчастным для него искусом, когда он достигнет возраста двадцати одного года. Год этот, как явствует из расположения созвездий, будет для него критическим. Но вся моя наука бессильна сказать, в каком виде явится ему испытание, и какого оно будет характера – я не знаю.

– Так выходит, что ваши знания не могут защитить его от беды, которая ему угрожает? – спросил охваченный беспокойством отец.

– Нет, это не так, – сказал незнакомец, – они могут дать ему защиту. Влияние созвездий могущественно, но Тот, Кто создал небо и звезды, могущественнее всего, надо только обратиться к Нему с верою и любовью. Вам следует посвятить вашего сына всецело служению Создателю, приложив к этому такое же рвение, как родители Самуила, которые посвятили своего сына служению храму^[7]. Вы должны относиться к нему как к существу, занимающему особое место в мире. В его детские и отроческие годы вы должны окружить его людьми набожными и добродетельными и, елико возможно, следить за тем, чтобы он не знал никакого зла и даже не слышал о нем. Он должен воспитываться в самых строгих правилах нравственности и религии. Пусть он растет в стороне от мирской жизни, чтобы его не коснулись людские заблуждения или пороки. Короче говоря, уберегите его, насколько это возможно, от всяческого греха, не считая, разумеется, греха первородного, доставшегося всем нам, жалким смертным, от Адама. Перед тем как ему исполнится двадцать один год, в жизни его должен наступить критический момент. Если только он переживет его – он будет счастлив и благополучен в своей земной жизни и станет избранником Неба. Но если случится иначе... – Тут астролог замолчал и глубоко вздохнул.

– Сэр, – сказал еще более встревожившийся отец, – ваши слова исполнены такой доброты, ваш совет так много для меня значит, что я отнесусь с величайшим вниманием ко всему, что вы говорите. Но не можете ли вы оказывать мне помощь и в дальнейшем? Поверьте, я сумею отблагодарить вас.

– Я не могу требовать, да и не заслуживаю никакой благодарности за доброе дело, – сказал незнакомец, – а тем более за то, что приложу все мои силы к спасению от страшной судьбы невинного младенца, который родился этой ночью при столь удивительных сочетаниях планет. Я укажу вам, где меня найти: вы можете время от времени писать мне о том, как мальчик преуспевает в христианской вере. Если вы воспитаете его так, как я советую вам, я хотел бы, чтобы он явился ко мне, когда будет приближаться этот роковой и критический момент его жизни, то есть перед тем, как ему минет двадцать один год. Если вы исполните все, как я вам говорю, то я смею надеяться, что Господь защитит Своего верного слугу во время самого страшного из испытаний, которые готовит ему судьба.

Таинственный незнакомец уехал, но слова его оставили глубокий след в памяти лэрда. Жена его умерла, когда ребенок был еще совсем маленьким. Смерть ее, кажется, тоже была предсказана астрологом, и, таким образом, доверие, с которым лэрд относился к этой науке, столь распространенной в его время, еще больше укрепилось. В силу этого были приняты все меры, чтобы осуществить тот строгий, почти даже аскетический план воспитания, который был предписан мудрым звездочетом. Воспитание мальчика было поручено наставнику, человеку весьма строгих правил, слуг ему выбрали из числа самых преданных людей, и сам отец неустанно следил за его развитием.

Годы младенчества, детства и отрочества прошли так, как только мог желать отец. Даже юного назареянина и то вряд ли воспитывали в большей строгости. Все дурное устранялось

от его взоров. Он повсюду слышал одни только возвышенные истины и видел одни только достойные примеры.

Однако, когда он стал старше, отца, который неусыпно за ним следил, охватил страх. Какая-то тайная грусть владела юношей, и с годами он становился все мрачней и мрачней. Слезы, которые появлялись у него без всякой причины, бессонница, задумчивые прогулки при лунном свете и тоска, причины которой не удавалось узнать, – все это расшатывало его здоровье и даже угрожало рассудку. Отец написал обо всем астрологу, и тот ответил, что это нарушившееся душевное равновесие – знак того, что испытание уже началось и что несчастному юноше придется не раз вступать в поединок со злом, причем борьба эта будет принимать все более ожесточенный характер. Единственное, что ему остается сделать, чтобы спасти себя, – это упорно изучать Священное Писание. «Он страдает, – писал мудрец, – от пробудившихся чудовищ – страстей, они дремали в нем до известного периода жизни, как дремлют они и в других людях. Теперь этот период наступил, и лучше, гораздо лучше, если он будет мучиться сейчас в борьбе со своими страстями, чем впоследствии – от раскаяния в том, что позволил себе грешить, безрассудно их удовлетворяя».

От природы юноша был наделен таким благородством, что разум и религия помогли ему одолеть приступы тоски, которая по временам им овладевала. И только на двадцать первом году жизни приступы эти приняли такой характер, что отец стал страшиться за сына. Казалось, что неотвязная и жестокая душевная болезнь доводила его до отчаяния и лишала веры. Но юноша был по-прежнему вежливым, обходительным и кротким; он покорно выполнял все желания отца и, как только мог, боролся с мрачными мыслями, которые, казалось, внушал ему злой дух, призывая его, как нечестивую жену Иова^[8], проклясть Бога и умереть.

Наконец настало время, когда он должен был совершить представлявшееся тогда длинным и даже опасным путешествие, чтобы повидать своего покровителя – человека, некогда составившего его гороскоп. Путь его проходил по местам, где ему интересно было побывать, и путешествие это доставило ему больше радости, чем он ожидал. Поэтому он прибыл в назначенное место только в самый канун дня своего рождения, около полудня. Казалось, что поток новых и приятных впечатлений с такою силою захватил его, что он едва не позабыл того, что отец говорил ему о цели его поездки. Наконец он остановился перед большим, но уединенно расположенным старинным домом, где и жил друг его отца.

Слуга, вышедший, чтобы принять лошадь, сказал, что его ждут уже целых два дня. Юношу провели в кабинет, и там его встретил тот самый человек, который был некогда гостем его отца, ныне уже почтенный старец. Он посмотрел на него серьезным, но вместе с тем довольным взглядом.

– Послушай, юноша, – сказал он, – зачем было так медлить в столь важном путешествии?

– Я думал, – ответил его гость, краснея и потупив глаза, – что нет никакой беды, если я еду медленно и дорогой уделяю внимание тому, что мне интересно; все равно ведь я прибыл к вам сегодня, а это как раз тот срок, который мне назначил отец.

– Ты заслуживаешь порицания за эту медлительность, – ответил мудрец, – ведь это враг рода человеческого направлял твои шаги в сторону. Но вот ты наконец явился, и будем надеяться, что все кончится благополучно, хоть поединок, в который тебе надлежит вступить, будет тем страшнее, чем больше ты его будешь откладывать. Но прежде всего тебе надо подкрепиться. Пищу надо вкушать согласно велениям природы: утолять голод, но не разжигать аппетит.

С этими словами старец повел гостя в столовую, где его ожидал скромный завтрак. Вместе с ними за стол села девушка лет восемнадцати, которая была так хороша собой, что едва только она вошла в комнату, как наш юноша позабыл о своей странной, таинственной судьбе и все внимание устремил на нее. Говорила она мало и в разговоре касалась только предметов самых серьезных. По просьбе отца она села за клавикулы и стала петь, но пела она только

гимны. Потом, по знаку старца, она вышла из комнаты и, уходя, взглянула на юношу с каким-то невыразимым участием и беспокойством.

Тогда старик пригласил гостя к себе в кабинет и там стал говорить с ним о важнейших догматах религии, чтобы удостовериться в том, что молодой человек может объяснить, почему и как он верит. Во время этой беседы юноша чувствовал, как, помимо воли, мысли его отвлекаются от предмета разговора и перед глазами встает образ красавицы, которая только что разделяла их трапезу.

Астролог каждый раз замечал его рассеянность и укоризненно покачивал головой. Но в целом ответы юноши его удовлетворили.

Вечером, после омовения, гостю велели облечься в широкую одежду без рукавов и с открытой шеей, вроде той, какую носят армяне. Затем расчесали его длинные до плеч волосы и босым провели его в дальнюю комнату; там ничего не было, кроме лампы, стула и стола, на котором лежала Библия.

– Здесь, – сказал астролог, – я должен оставить тебя одного в самые критические минуты твоей жизни. Если ты сумеешь, вспоминая те великие истины, о которых мы с тобой говорили, отразить сейчас все соблазны, которые грозят твоему мужеству и твоей вере, ты потом не будешь знать страха ни перед чем. Но испытание будет суровым и трудным. – Глаза старца наполнились слезами. – Дорогое дитя, – сказал он торжественно, прерывающимся от волнения голосом, – еще в минуту твоего рождения я предвидел это страшное испытание. Дай бог, чтобы ты с твердостью его перенес.

Юноша остался один. И сразу же, подобно сонму дьяволов, на него ринулись воспоминания о его бывших грехах, вольных и невольных. Эти угрызения были тем страшнее, что воспитание приучило его судить себя строго. Они кидались на него словно фурии, стегали его своими огненными бичами и, казалось, стремились довести его до полного отчаяния. В то время, когда он боролся с этими ужасными воспоминаниями, чувства его пришли в смятение, но воля была тверда. Вдруг он услышал, что кто-то отвечает софизмами на все его доводы и что в споре участвуют не только его собственные мысли. Злой дух пробрался к нему в комнату и принял телесное обличие. Пользуясь своей властью над скорбящими душами, он убеждал юношу в безнадежности его положения; он подстрекал его к самоубийству, как к самому действенному средству избавиться от грехов. Среди других грехов в самых мрачных красках изображалась его медлительность во время пути и то внимание, которое он уделял утром красавице дочери, вместо того чтобы сосредоточиться на религиозных поучениях ее отца. Ему доказывали, что, согрешив перед источником света, он теперь неминуемо должен подчиниться князю тьмы.

Чем ближе становилась роковая минута, тем неистовее и тем страшнее присутствие злого духа смущало несчастную жертву; узел нечестивых софизмов завязывался все туже и туже; так, во всяком случае, казалось юноше, которого эти тенета оплетали со всех сторон. У него не хватало сил найти слова прощения или произнести всемогущее имя того, на кого он возлагал все надежды. Но вера не покидала его, хотя он в течение какого-то времени был не в силах выразить ее словами.

– Что бы ты ни говорил, – ответил он искустителю, – я знаю, что в этой книге заключено и прощение грехов моих, и спасение души.

Как раз в это мгновение раздался бой часов, возвещавших о том, что страшному испытанию настал конец. К юноше сразу же вернулись и речь, и способность мыслить; он погрузился в молитву и в пламенных словах ее выразил свою веру в истину и Творца. Сраженный дьявол удалился с дикими стенаниями. Старец вошел в комнату и со слезами на глазах поздравил своего гостя с победой в роковом поединке.

Впоследствии юноша женился на красавице, которая так пленила его с первого взгляда, и они жили тихо и счастливо. На этом кончается легенда, рассказанная Джоном Мак-Кинли.

Автору «Уэверли» представилось, что можно написать интересную и, может быть, в некотором роде поучительную повесть из жизни человека, судьба которого предопределена. Вмешательство некоего злого духа разбивает все его усилия стать нравственным и добрым, но в конце концов он выходит победителем из этой страшной борьбы. Словом, задумано было нечто похожее на «Сказку о Синтраме и его товарищах» барона Ламотт Фуке. Впрочем, даже если это произведение и было в то время уже написано, автор «Уэверли» его не знал.

План этот ясно виден в первых трех-четыре главы романа, но, обдумывая дальнейший ход событий, автор вынужден был отказаться от своего первоначального замысла. Здравое мышление убедило его, что астрология, хотя ее значение признавал некогда даже Бэкон^[9], в настоящее время уже не пользуется прежним влиянием на умы людей, и на ее выкладки никак нельзя построить романа. Помимо этого, стало ясно, что для развития подобного сюжета не только потребовалось бы больше таланта, чем автор чувствовал в себе, но и пришлось бы вдаваться в обсуждение теорий и доктрин, слишком серьезных для рамок повести, ставящей себе совсем иные задачи.

План был изменен в то время, когда роман уже печатался, и первые листы сохранили поэтому следы первоначального замысла. Но теперь они стали в нем только ненужным привеском. Причина этого несоответствия уже объяснена и должны извинения принесены.

Здесь стоит упомянуть о том, что хотя астрология и стала вызывать всеобщее презрение и была вытеснена более грубыми и лишенными всякой прелести суевериями, у нее есть отдельные приверженцы даже в наши дни.

Одним из самых примечательных адептов этой забытой и всеми презираемой науки был известный фокусник, ныне уже умерший, большой мастер своего искусства. Естественно было предположить, что, зная в силу особенностей своей профессии тысячу разных способов обманывать человеческий глаз, он меньше, чем кто-либо другой, мог поддаваться влиянию вымыслов, порожденных суеверием. Впрочем, как раз привычка к запутанным вычислениям, которые какими-то неисповедимыми даже для самого престижиста путями помогают показывать карточные фокусы и т. п., и привела, быть может, этого джентльмена к изучению комбинаций планет и звезд в небе, с тем чтобы таким путем предсказывать будущее.

Он составил свой собственный гороскоп, сделав все выкладки по правилам, которые он изучил, читая лучшие сочинения по астрологии. В этих вычислениях все относившееся к прошлому совпало с тем, что действительно имело место в его жизни. Но в том, что касалось будущего, он столкнулся с неожиданными трудностями. Оказалось, что в гороскопе имеются какие-то два года, относительно которых никак нельзя с точностью установить, будет ли данное лицо в это время в живых или нет. Встревоженный столь удивительным обстоятельством, фокусник показал гороскоп одному из своих собратьев по астрологии, которого эти данные точно так же привели в смущение. Выходило, что в такой-то момент человек, на которого составлен гороскоп, будет еще жив, а к такому-то сроку, вне всякого сомнения, уже умрет. Между этими датами оказывался промежуток в два года, и нельзя было с уверенностью сказать, что он означает – жизнь или смерть.

Астролог записал это удивительное обстоятельство в свой дневник и после этого по-прежнему выступал перед зрителями в разных частях Англии и ее владений. Так продолжалось, пока не истек период, в течение которого, согласно гороскопу, он должен был, вне всякого сомнения, оставаться в живых. И вот наконец, в минуту, когда он занимал собравшуюся в зале многочисленную публику, руки, которые могли ввести в заблуждение даже самого зоркого наблюдателя, вдруг беспомощно повисли; он выронил карты и упал: его разбил паралич. В таком состоянии он прожил еще два года, после чего наступила смерть. Я слышал, что дневник этого астролога скоро будет издан.

Приведенный мною факт, если только он верен, являет собой одно из тех необыкновенных совпадений, которые иногда имеют место в жизни. Такого рода вещи не укладываются ни

в какие расчеты, но без них, однако, будущее перестало бы быть для смертных, заглядывающих в него, той темной бездной, какой Господу угодно было его сотворить. Если бы все совершалось всегда только обычным порядком, будущую судьбу можно было бы рассчитать по правилам арифметики, как рассчитывают комбинации в карточной игре. Но разные необыкновенные события и удивительные случайности как бы бросают вызов всем человеческим расчетам и окутывают грядущее непроницаемым мраком.

К только что рассказанной истории можно добавить еще одну, относящуюся к сравнительно недавнему времени. Автор получил письмо от некоего человека, весьма сведущего в тайных науках. Господин этот был столь любезен, что предложил составить гороскоп автора «Гая Мэннеринга», полагая, что тот сам сочувственно относится к таинственной науке, называемой астрологией. Но даже если бы автор этого пожелал, составить его гороскоп оказалось бы невозможным, так как всех тех, кто мог бы с точностью указать час и минуту его рождения, давно уже нет на свете.

Таким образом, после того как автор познакомил читателя с первоначальным замыслом или с общим наброском романа, от которого он вскоре отказался, ему остается еще сказать несколько слов о прототипах основных персонажей «Гая Мэннеринга» в соответствии с планом настоящего издания.

Некоторые обстоятельства личной жизни, связанные с особенностями тех мест, где жил автор, дали ему возможность много услышать об этих падших людях, которых мы называем цыганами; кое-что он даже видел сам. В большинстве случаев цыгане – смешанное племя, состоящее из выходцев из Египта, появившихся в Европе приблизительно в начале пятнадцатого века, и разных бродяг европейского происхождения.

Цыганка, послужившая прототипом Мег Меррилиз, была хорошо известна в середине прошлого столетия под именем Джин Гордон; жила она в деревне Керк Иетхолм, в Чевиотских горах, неподалеку от английской границы. Автор сообщал уже кой-какие сведения об этой замечательной личности в одном из ранних номеров «Блэквуд мэгэзин»^[10]. Вот они.

«Отец мой помнил старую Джин Гордон из Иетхолма, которая пользовалась большой властью среди своих соотечественников. Она была очень похожа на Мег Меррилиз и в той же мере была наделена беззаветной преданностью – этой добродетелью дикарей. Она часто пользовалась гостеприимством на ферме Лохсайд, близ Иетхолма, и в силу этого старательно воздерживалась от воровства во владениях фермера. Но зато сыновья ее (а у нее их было девять) не отличались такой щепетильностью и преспокойным образом украли у своего доброго покровителя супоросую свинью. Джин была огорчена их неблагодарностью, и стыд заставил ее покинуть Лохсайд на несколько лет.

Однажды у лохсайдского фермера не оказалось денег, чтобы внести арендную плату, и он отправился занять их в Ньюкасл. Это ему удалось, но, когда он возвращался обратно по Чевиотским горам, его там застала ночь, и он сбился с дороги.

Огонек, мерцавший в окне большого пустого амбара, оставшегося от не существующей уже фермы, подал ему надежду найти ночлег. В ответ на его стук дверь отворилась, и он увидел перед собой Джин Гордон. Ее весьма заметная фигура (в ней было почти шесть футов роста) и столь же удивительная одежда не оставляли ни малейшего сомнения, что это была она, хотя и прошло уже немало лет с тех пор, как он видел ее в последний раз. Встреча с этой особой в столь уединенном месте, да еще, по-видимому, неподалеку от стоянки табора, была для бедного фермера неприятной неожиданностью: все его деньги были при нем, и потеря их означала для него полное разорение.

– Э, да это почтенный лохсайдский фермер! – радостно воскликнула Джин. – Слезайте же, слезайте; для чего это вам ночью ехать, коли рядом друг живет.

Фермеру ничего не оставалось, как сойти с лошади и принять предложенный цыганкой ужин и ночлег.

В амбаре лежали большие куски мяса, неизвестно где раздобытого, и шли приготовления к обильному ужину, который, как заметил еще больше встревожившийся фермер, приготовлялся на десять или двенадцать человек, по-видимому таких же отпетых, как и сама хозяйка.

Джин подтвердила его подозрения. Она напомнила ему о краже свиньи и рассказала, как она терзалась потом этим поступком. Подобно другим философам, она утверждала, что мир с каждым днем становится хуже, и, подобно другим матерям, говорила, что дети совсем отбились от рук и нарушают старинный цыганский закон – не посягать на собственность их благодетелей.

В конце концов она осведомилась о том, сколько у него с собой денег, и настоятельно попросила, или даже приказала, отдать их ей на хранение, так как ребята, как она называла своих сыновей, скоро вернутся. Фермер, у которого другого выхода не было, рассказал Джин о своей поездке и передал ей деньги на сохранение. Несколько шиллингов она велела ему оставить в кармане, сказав, что если у него совершенно не найдут денег, то это покажется подозрительным.

После этого она постелила фермеру постель на соломе, и он прилег, но, разумеется, ему было не до сна.

Около полуночи разбойники вернулись, нагруженные разной добычей, и принялись обсуждать свои похождения в таких выражениях, от которых нашего фермера бросило в дрожь. Вскоре они обнаружили непрошеного гостя и спросили Джин, кого это она у себя приютила.

– Да это наш славный лохсайдский фермер, – ответила Джин. – Он, бедный, в Ньюкасл ездил денег достать, чтобы аренду уплатить, и ни один черт там не захотел раскошелиться, так что теперь вот он едет назад с пустым кошельком и с тяжелым сердцем.

– Что ж, может быть, это и так, – ответил один из разбойников, – но все же надо сначала пошарить у него в карманах, чтобы узнать, правду ли он говорит.

Джин стала громко возражать, говоря, что с гостями так не поступают, но переубедить их она не смогла. Вскоре фермер услышал сдавленный шепот и шаги около своей постели и понял, что разбойники обыскивают его платье. Когда они нашли деньги, которые, вняв благоразумному совету Джин, фермер оставил при себе, бандиты стали совещаться, забрать их или нет. Но Джин стала отчаянно протестовать, и они этих денег не тронули. После этого они поужинали и легли спать.

Едва только рассвело, как Джин разбудила гостя, привела его лошадь, которая ночь простояла под навесом, и сама еще проводила его несколько миль, пока он наконец не выехал на дорогу в Лохсайд. Там она отдала ему все деньги, и никакие просьбы не могли заставить ее принять даже гинеи.

Старики в Джедбурге рассказывали мне, что все сыновья Джин были приговорены к смерти в один и тот же день. Говорят, что мнения судей на их счет разделились, но что один из ревнителей правосудия, который во время этого спора тихо спал, вдруг проснулся и громко вскрикнул: «Повесить их всех!» Единогласного решения шотландские законы не требуют, и, таким образом, приговор был вынесен. Джин присутствовала при этом. Она только сказала: «Господи, защити невинные души!» Ее собственная казнь сопровождалась дикими надругательствами, которых она вовсе не заслуживала. Одним из ее недостатков, а может быть, впрочем, одним из достоинств, пусть это уже решит сам читатель, была ее верность якобитам^[11]. Случилось так, что она была в Карлайле, то ли в дни ярмарки, то ли просто в один из базарных дней, – это было вскоре после 1746 года^[12]; там она громко высказала свои политические симпатии, которые разъярили толпу местных жителей. Ревностные в своих верноподданнических чувствах, когда проявление их не грозило никакой опасностью, и не в меру кроткие, когда им пришлось покориться гордым шотландцам в 1745 году, жители города приняли решение утопить Джин Гордон в Идене. Это было, кстати сказать, не таким простым делом, потому что Джин была женщиной недюжинной силы. Борясь со своими убийцами, она не раз высовывала

голову из воды и, пока только могла, продолжала выкрикивать: «Карл еще вернется, Карл вернется!» В детстве в тех местах, где она когда-то жила, мне не раз приходилось слышать рассказы о ее смерти, и я горько плакал от жалости к бедной Джин Гордон.

Перед тем как расстаться с пограничными цыганами, скажу еще, что однажды мой дед, проезжая через Чартерхаузские болота, которые тогда еще занимали большие пространства, неожиданно очутился среди большой компании цыган, пировавших в кустах. Они тут же схватили под уздцы его лошадь и стали громко кричать (а большинство их хорошо знало деда), что ему не раз случалось угощать их, а теперь вот он должен остаться и отведать их угощения. Дед мой сначала встревожился, потому что, как и у лохсайдского фермера, у него была при себе порядочная сумма денег и ему не хотелось ею рисковать. Тем не менее, будучи человеком веселым и бесстрашным, он принял их приглашение и разделил с ними ужин, состоявший из разной дичи, свинины, домашней птицы и т. п. Очевидно, все это было добыто самым откровенным грабежом. Обед прошел очень весело, но потом кто-то из старых цыган стал делать ему знаки, чтобы он уезжал, пока

Кипит еще веселый, шумный пир;

и тогда он сел на коня и уехал, правда не простившись со своими радушными хозяевами, но зато и не обидев их. В пирушке этой, по-видимому, принимала участие и Джин Гордон» («Блэквуд мэгэзин», т. I).

После того как всех сыновей Джин постигло несчастье и они

Не избежали виселицы злой,

у нее осталась еще внучка, которая ее пережила, и мне случалось не раз ее видеть. Точно так же как у доктора Джонсона^[13] сохранилось смутное воспоминание о королеве Анне, величественной женщине в черном платье и в бриллиантах, так и в моей памяти, как что-то очень для меня значительное, остался образ женщины необычайно высокого роста, одетой в длинный красный плащ. Помнится, когда я встретил ее в первый раз, она дала мне яблоко, но, несмотря на это, я взирал на нее с не меньшим почтением и даже страхом, чем будущий доктор, сторонник партии тори и Высокой церкви, смотрел на королеву. По-моему, эта женщина была именно та самая Мэдж Гордон, о которой говорится в статье, где есть упоминание о ее матери Джин. Но статья эта написана не мною, а другим автором.

«Покойная Мэдж Гордон была в то время признанной королевой иетхолмских кланов. Она была, если не ошибаюсь, внучкой знаменитой Джин Гордон и, по-видимому, была на нее очень похожа. Вот сведения о ней, почерпнутые из письма одного нашего приятеля, который в течение многих лет имел возможность наблюдать жизнь иетхолмских цыган.

Мэдж Гордон происходила по материнской линии от семьи Фаа, а замужем была за неким Янгом. Это была женщина примечательная – высокого роста и очень властного вида. У нее был большой орлиный нос, пронзительные, даже и в старости, глаза, густые волосы, которые падали ей на плечи из-под соломенной цыганской шапочки, короткий, какого-то особенного покроя плащ; ходила она всегда с палкой, такой же длинной, как и она сама. Я хорошо ее помню: когда я был еще ребенком, она каждую неделю приходила к моему отцу просить милостыню, и я всегда глядел на Мэдж с тайным трепетом. Говорила она очень возбужденно (обычно она громко на что-нибудь жаловалась). При этом она стучала палкой по полу и так грозно выпрямлялась, что заставляла присутствующих насторожиться. Она утверждала, что может привести из самых глухих уголков страны каких-то друзей, которые отомстят за нее, в то время как она сама будет спокойно сидеть в своей хижине. Часто она хвасталась тем, что было время, когда ее гораздо больше слушались, чем теперь, что, когда она выходила замуж, одних только осед-

ланных ослов у нее было пятьдесят, а неоседланных и не сосчитать. Если Джин Гордон явилась прототипом характера Мег Меррилиз, то внешний облик ее неизвестный автор, по всей вероятности, списал с Мэдж» («Блэквуд мэгэзин», т. I).

Насколько прав в своем предположении остроумный блэквудский корреспондент и насколько он ошибается, читателю уже известно.

Перейдем теперь к персонажу совершенно иного рода, к Домини Сэмсону. Читатель, конечно, согласится, что бедный, скромный и смиренный учитель, проложивший себе дорогу сквозь дебри классической филологии, но в жизни не сумевший найти себе пути, – довольно частое явление в Шотландии, где есть люди, способные переносить и голод и жажду, лишь бы утолить жажду знаний, заставляющую их изучать греческий язык и латынь. Но есть и вполне определенный прототип нашего доброго Домини, хотя по некоторым причинам мне приходится говорить о нем только в самых общих чертах.

Человек, на которого походил Сэмсон, действительно был наставником в семействе одного богатого джентльмена. Воспитанники его уже успели вырасти и найти себе место в свете, а их бывший учитель все еще продолжал жить в семье, что вообще нередко случалось в прежнее время в Шотландии, где охотно предоставляли кров и стол людям смиренным и бедным.

Предки лэрда жили безрассудно и расточительно. Сам же он был человеком бездеятельным и к тому же неудачником. Смерть похитила его сыновей, которые своими успехами, может быть, сумели бы в какой-то мере уравновесить жизненные неудачи своего бездарного отца. Долги его все росли, а состояние уменьшалось, пока наконец не наступило полное разорение. Имение было продано, и старику предстояло покинуть дом, где жили его предки, чтобы переселиться неизвестно куда. И вот, подобно какому-нибудь старому шкафу, который еще долго мог бы стоять в своем углу, но который распадается вдруг на куски, едва только его начнут передвигать на новое место, старик упал и умер от паралича. Наш ученый в эту минуту как бы пробудился от сна. Он увидел, что покровитель его умер и что единственная дочь старика, женщина уже не очень молодая, утратившая всякое обаяние и красоту, если они у нее вообще когда-нибудь были, осталась бездомною сиротою без всяких средств к жизни. Он обратился к ней приблизительно в тех же выражениях, в которых Сэмсон обращается к мисс Бертрам, и высказал ей свою решимость не покидать ее. Все случившееся как бы пробудило дремавшие в нем таланты; он открыл небольшую школу и поддерживал дочь своего покровителя до конца ее жизни, причем относился к ней с той же почтительностью и благоговейным вниманием, как и в дни ее былого благополучия.

Такова в общих чертах истинная история Домини Сэмсона. Хотя он и не знал ни романтических увлечений, ни страстей, прямота и простодушие этого человека могут взволновать сердце читателя и заставить его прослезиться совершенно так же, как и переживания более возвышенной и более утонченной души.

Эти предварительные заметки о романе «Гай Мэннеринг» и о некоторых его персонажах избавят автора от необходимости писать длинные примечания.

Эбботсфорд, 1 августа 1829 года

Глава I

Когда, окидывая взглядом эту безлюдную местность, он видел вокруг одни только пустынные поля, голые деревья, окутанные туманом холмы и затопленные водою низины, он должен был признать, что ему не справиться с чувством грусти и что его тянет домой.

«Путешествие Уильяма Марвела» («Бездельник», № 49)^[14]

В начале ноября 17.. года молодой англичанин, только что окончивший Оксфордский университет, воспользовался свободным временем, чтобы побывать в северных областях Англии; любопытство заставило его заглянуть и в граничившую с ними страну. В тот день, с которого мы начинаем наш рассказ, он посетил развалины монастыря в графстве Дамфрис^[15] и провел почти весь день, зарисовывая их с разных точек. Когда он вскочил на лошадь, чтобы ехать обратно, наступили уже короткие и унылые осенние сумерки. Путь его лежал через темные болотистые пространства, расстилавшиеся на много миль вокруг. Над всей этой низиной, словно островки, тут и там поднимались пригорки с клочками ржаных полей, которые даже и в эту осеннюю пору были зелены, а по временам появлялась какая-нибудь хижина или ферма, укрытая тенью одинокой ивы и обсаженная кустами бузины. Эти удаленные друг от друга строения сообщались между собой извилистыми тропинками, терявшимися в болоте, пробираться по которому было под силу только местным жителям. Проезжая дорога, правда, была довольна хорошей и безопасной, и на ней не приходилось бояться наступления темноты. Но все-таки не слишком приятно путешествовать одному, да еще в ночное время, по незнакомой стране, и ничто, пожалуй, не могло дать такую богатую пищу для воображения, как та обстановка, которая в эти часы окружала Мэннеринга.

По мере того как свет становился все более тусклым, а болотистая низина вокруг все чернее и чернее, путешественник наш все настойчивее расспрашивал каждого случайного встречного о том, какое расстояние отделяет его от деревни Кипплтринган, где он предполагал остановиться на ночлег. Люди, в свою очередь, задавали ему вопросы, касающиеся тех мест, откуда он ехал. Пока еще было достаточно светло для того, чтобы по одежде и по всему облику узнать в нем дворянина, эти перекрестные вопросы задавались обычно в форме предположения, вроде того как: «Вы изволили ездить в старое аббатство Холикрос, сэр?» или: «Ваша честь, верно, следует из замка Пудерлупат?» Но когда стало так темно, что ничего не было видно и встречные слышали один только его голос, ему говорили: «И чего это тебя занесло так далеко в эту темь?» или: «Эй, друг, ты что, не здешний, что ли?» Ответы, которые он получал, не только никак не вязались один с другим, но и сами по себе были далеки от точности. Вначале до Кипплтрингана оставалось «порядком», потом это «порядком» уже более точно определялось как «три мили», потом от «трех миль» оставалось «чуть побольше мили», но вдруг эта миля снова превращалась в «четыре мили с лихвой». Под конец женский голос, только что унимавший плачущего ребенка, которого женщина несла на руках, уверил Гая Мэннеринга, что «дорога до Кипплтрингана еще длинная-преддлинная, да и тяжелая для пешеходов». Бедная лошадь Мэннеринга считала, должно быть, что и для нее дорога столь же неудобна, как и для этой женщины; едва только боков ее касались шпоры, она начинала тяжело дышать и спотыкалась о каждый камень, а их на дороге было немало.

Мэннеринг потерял терпение. Вдалеке по временам мелькали какие-то огоньки, вселяя в него обманчивую надежду, что путь его приходит к концу. Но, как только он подъезжал к ним, он с разочарованием убеждался, что это мерцали огни тех домиков, которые время от времени скрашивали однообразие огромного болота. И наконец, в довершение всех его невзгод, дорога вдруг раздвоилась. И если бы даже было достаточно светло, чтобы разглядеть остатки столба,

когда-то поставленного на перекрестке, то и это не помогло бы, так как, по существующему в Северной Англии похвальному обычаю, как только на столбе бывала сделана надпись, ее кто-нибудь всегда умудрялся стереть. Поэтому путник наш был вынужден, подобно странствующим рыцарям былых времен, довериться чутью своего коня, который без всяких колебаний выбрал дорогу, ведущую влево, и прибавил ходу, позволяя своему седоку надеяться, что до места ночлега остается уже недалеко. Но надежда эта не слишком быстро сбывалась, и Мэннеринг, которому от нетерпения каждый кусок пути казался чуть ли не вдвое длиннее, начал уже думать, что Кипплтринган и на самом деле удаляется от него по мере того, как он едет вперед.

Небо было теперь почти сплошь затянуто тучами, и только кое-где слабым колеблющимся светом светились звезды. До сих пор ничто не нарушало тишины, царившей вокруг, если не считать глубокого буханья птицы бугая, разновидности большой выпи, и вздохов ветра, гулявшего по унылым низинам. Теперь к этому присоединился еще отдаленный рев океана, к которому наш путешественник, по-видимому, быстро приближался. Впрочем, это обстоятельство никак не могло его успокоить. В этих местах дороги часто тянутся вдоль морского берега и легко затопляются приливами, которые достигают большой высоты и надвигаются очень стремительно; иные дороги даже пересекаются заливами и маленькими бухточками, переход через которые бывает безопасен только в часы отлива. И, во всяком случае, не следовало делать таких переходов темной ночью на усталой лошади, да еще в незнакомом краю. Поэтому Мэннеринг твердо решил, что, если только не найдется проводника, который поможет ему разыскать эту злополучную деревню Кипплтринган, он заночует где угодно, как только доберется до первого жилья, пусть даже самого бедного.

Жалкая лачуга, оказавшаяся на его пути, как будто давала возможность осуществить это намерение. Он отыскал дверь, что было не так легко, и стал стучать. В ответ послышался женский голос и твяканье дворняжки, причем последняя просто надрывалась от лая, в то время как женщина ей визгливо вторила. Постепенно звуки человеческого голоса заглушили все остальное, и так как лай в это время сменился жалобным воем, то можно было думать, что здесь в дело вмешался не только голос.

– Долго ты еще будешь глотку драть, – это были первые слова, которые донеслись из дома, – дашь ты мне наконец поговорить с человеком?

– Скажите, хозяйка, далеко ли отсюда до Кипплтрингана?

– До Кипплтрингана!!! – последовал ответ, причем в голосе слышалось такое удивление, которое нам трудно передать даже тремя восклицательными знаками. – Эх вы! До Кипплтрингана надо было взять левее, а теперь придется ехать назад до ложбины, а потом прямо по ложбине до самой Беленлоун, а там...

– Хозяюшка, это просто немыслимо! Моя лошадь совсем выбилась из сил, пустите меня переночевать.

– Ей-богу, никак нельзя. Я осталась совсем одна. Джеймс уехал на ярмарку в Драмсхурлох баранов продавать, а где это видано, чтобы женщина к себе в дом разных бродяг пускала.

– Но что же мне тогда делать, хозяйюшка, не могу же я оставаться ночевать на дороге.

– А уж этого я не знаю, разве вот вы съедете с пригорка да попроситесь на ночлег в замок. Это дело верное, вас там примут, будь вы хоть знатный, хоть простак какой.

«Да уж другого такого простака не сыскать, чтобы стал блуждать тут в потемках», – подумал Мэннеринг, который плохо ее понял. – Но как же мне все-таки добраться до *замка*, как вы его называете?

– Держитесь правой стороны до самого конца дороги. Осторожнее только, не попадите в помойку.

– Ну, если опять начнутся разные *налево* и *направо*, я совсем пропал. Неужели никто не может проводить меня до *замка*? Я хорошо заплачу.

Слово *заплачу* возымело магическое действие.

– Джок, остолоп ты этакий, – крикнул тот же голос из глубины дома, – ты что, будешь тут дрыхнуть, а молодому господину придется одному искать дорогу в замок? Вставай, лодырь несчастный, и выведи господина на большую дорогу. Он проводит вас туда, сэр, и уж поверьте, что вас там хорошо примут. Они никому не отказывают, а вы приедете, по-моему, как раз вовремя, потому что лакей лэрда, не тот, что у него в камердинерах, а попроще, только что ездил за бабкой; так вот он и завернул к нам пару кружек двухпенсового пива распить и сказал, что у леди начались уже схватки.

– Может быть, являться в такое время в незнакомый дом не совсем удобно? – сказал Мэннеринг.

– Ну, об этом нечего заботиться, дом у них большущий, а когда ждут приплода, у всех на душе весело.

К тому времени Джок разобрался уже во всех прорехах своей рваной куртки и еще более рваных штанов и высунулся из двери; это был белоголовый босой, неуклюжий мальчуган лет двенадцати; таким он, во всяком случае, казался при свете свечи, которую его полуодетая мать старалась направить на незнакомца, оставаясь сама в темноте. Джок пошел налево задами, взяв под уздцы лошадь Мэннеринга, и довольно ловко повел ее по тропинке, окаймлявшей огромную помойную яму, близость которой уже всячески давала себя чувствовать. Потом юный проводник потянул обессиленную лошадь по узкой неровной дороге, а там проломал, как он выразился, *лазейку* в старой, сложенной из камня ограде и протаскил послушное животное сквозь пролом, с грохотом обваливая камни на пути. Наконец через эти ворота он вышел на какую-то дорогу, похожую на аллею, хотя деревья были кое-где вырублены. Рев океана слышался теперь совсем близко и во всей своей силе, и только что взошедшая луна тусклым светом озаряла башни большого разрушенного замка. Мэннеринг с безотрадным чувством посмотрел на эти развалины.

– Послушай, мальчуган, – сказал он, – какой же это дом?

– Так ведь здесь когда-то, давным-давно, лэрды жили – это старый замок Элленгауэн, здесь водятся привидения, но вам их нечего бояться; что до меня, я их и вообще-то никогда не видел. А вот мы и пришли к новому замку.

И действительно, оставив развалины по правую руку и сделав еще несколько шагов, путешественник наш очутился у дверей не очень большого дома. Мальчик принялся громко стучать. Мэннеринг объяснил слуге, кто он такой, и в это время хозяин дома, услышав из гостиной его голос, вышел к нему и радушно пригласил его быть гостем Элленгауэна. Мальчика, который получил полкроны и весь сиял от радости, отпустили домой. Усталую лошадь отвели в конюшню, а Мэннеринг через несколько минут сидел уже в теплой комнате за ужином, который с дороги казался ему особенно вкусным.

Глава II

*...врезется сюда,
Отхватит от земель моих отборных
Изрядный кус, огромный полукруг.*

«Генрих IV», ч. I¹⁶

Общество, собравшееся в гостиной Элленгауэна, состояло из лэрда и еще одного человека, которого можно было принять за сельского учителя или за причетника; вряд ли это мог быть священник, приехавший в гости к лэрду, – он был для этого слишком плохо одет.

Сам лэрд был одной из тех ничем не замечательных личностей, которых часто можно встретить в сельских местностях. Такого рода людей Филдинг^[17] называл *feras con sumere nati*¹; но страсть к охоте свидетельствует уже о наличии некоторой энергии, а Бертрам, даже если эта энергия у него когда-то и была, теперь, во всяком случае, ее лишился. Единственной чертой характера, которая выражалась на его довольно красивом лице, было какое-то добродушное безразличие ко всему окружающему. И действительно, физиономия его запечатлела ту внутреннюю пустоту, которая сопровождала всю его жизнь. Покамест наш лэрд занимается длинными разглагольствованиями о том, как удобно и полезно обертывать стремяна пучком соломы, когда случится ехать в холодный вечер, я попытаюсь дать читателю представление о нем самом и о стиле его речей.

У Годфри Бертрама Элленгауэна, как и у некоторых других лэрдов его времени, было много прославленных предков, но мало денег. Род его уходил своими корнями так далеко в глубь времен, что самые первые представители его терялись где-то в варварских веках независимости Гэллоуэя. На родословном древе его, кроме христианских и рыцарских имен Годфри, Гилбертов, Деннисов и Роландов, которым конца не было, были и языческие, относившиеся к еще более отдаленным временам, – Арты, Кнарты, Донагилды и Хэнлоны. Действительно, когда-то все они были людьми буйного нрава, повелителями обширных незаселенных земель и вождями большого племени Мак-Дингауэев и лишь значительно позднее приняли норманнское имя Бертрамов. Они воевали, поднимали восстания, терпели поражения; потом их покоряли, им отрубали головы, их вешали – словом, с ними на протяжении многих столетий происходило все то, что приличествует каждому знаменитому роду. Но постепенно они потеряли свое высокое положение, и прежние главари государственных заговоров и крамол, Бертрамы, Мак-Дингауэи и Элленгауэны, снизошли до роли их простых соучастников. Наиболее роковым в этом смысле для них явилось семнадцатое столетие, когда, казалось, сам враг рода человеческого вселил в них дух протеста, неизменно ставивший их в оппозицию к существующему порядку. Они вели себя как раз наперекор правилам известного пастора Брея^[18] и с таким же упорством вставали на защиту слабых, с каким этот почтенный служитель церкви тяготел к сильному миру сего. И, подобно ему, они получили за все должную награду.

Аллан Бертрам Элленгауэн, который процветал *tempore Caroli Primi*², был, как утверждает самое авторитетное для меня лицо, сэр Роберт Дуглас^[19], в своей родословной шотландских баронетов (см. это сочинение на имя «Элленгауэн»), непоколебимым роялистом, исполненным решимости защищать священную особу короля. Он действовал заодно со знаменитым маркизом Монтрозом^[20] и другими ревностными и благородными патриотами, причем

¹ Рожденными для того, чтобы истреблять дичь (*лат.*).

² Во времена Карла I* (*лат.*). * Карл I – король Англии и Шотландии (1625–1649) из династии Стюартов, казненный во время революции XVII в.

в борьбе этой понес большие потери. Милостью священной особы его величества он был возведен в рыцарское достоинство, а парламентом осужден в 1642 году как злонамеренный и потом вторично как резолюционист – в 1648 году. Эти два взаимоисключающих эпитета «злонамеренный»^[21] и «резолюционист»^[22] стоили бедному сэру Аллану половины его родовых владений. Его сын Деннис Бертрам женился на дочери одного из видных фанатиков тех времен, заседавших в Государственном совете^[23], и союзом этим спас остаток отцовского состояния. Но коварной судьбе угодно было, чтобы он увлекся не только красотой, но и политическими идеями своей жены, и вот какими словами характеризует его Роберт Дуглас:

«Это был человек выдающихся способностей и к тому же очень решительный, и это побудило западные графства избрать его одним из представителей дворянства, которым было поручено представить тайному совету Карла II их жалобу на вторжение северошотландских горцев в 1678 году^[24]. За выполнение этого патриотического долга на него, однако, был наложен штраф, для уплаты которого он должен был заложить половину доставшегося ему от отца поместья. Может быть, путем строгой экономии он и возместил бы эту потерю, но, как только вспыхнуло восстание Аргайла^[25], Деннис Бертрам снова попал в немилость; к нему начали относиться недоверчиво, сослали его в замок Даннотар на берегу Мернса, и там он погиб при попытке бежать из подземелья, называвшегося Пещерой вигов^[26], где он находился в заключении вместе с восемьюдесятью своими сподвижниками. Заимодавец его вступил тогда во владение его земель, выражаясь словами Хотспера – «врезался» к нему и отнял у Бертрама еще один огромный участок оставшегося поместья.

Донохо Бертрам, у которого и в имени и в характере было что-то ирландское, унаследовал уже урезанные земли Элленгауэнов. Он выгнал из дома преподобного Аарона Мак-Брайера, капеллана своей матери (рассказывают, что они не поделили между собой прелестей молоденькой молочницы), ежедневно напивался пьяным, провозглашая здоровье короля, совета и епископов, устраивал оргии с лэрдом Лэггом, Теофилом Оглторпом^[27] и сэром Джеймсом Тернером^[28] и наконец, сев на своего серого мерина, присоединился к Клайверсу в Киллиенкрэнки^[29]. В схватке при Данкелде^[30] в 1689 году какой-то камеронец^[31] застрелил его серебряной пуговицей (считалось, что дьявол делал его неуязвимым для свинца и железа), и место, где он погребен, поныне еще зовется «Могилой нечестивого лэрда».

Сын его Льюис проявил больше благоразумия, чем можно было ждать, зная его предков. Он всячески старался сохранить доставшуюся ему часть поместий, разоренных как разгульной жизнью Донохо, так и различными штрафами и конфискациями. И хотя он тоже не избежал роковой судьбы, которая втягивала всех Элленгауэнов в политику, у него все-таки хватило благоразумия, перед тем как выступить вместе с лордом Кенмором в 1715 году, поручить свое состояние доверенным лицам, для того чтобы избежать расплаты в случае, если бы графу Мару не удалось свергнуть протестантскую династию^[32]. Но когда он очутился, как говорится, между Сциллой и Харибдой, ему удалось спасти свое состояние, только прибегнув к новой тяжбе, результатом которой явился еще один дележ родовых владений. Но все же это был человек решительный. Он продал часть земель и расстался со старым замком, где род его в период упадка ютился, говоря словами одного фермера, «как мышь в щели»; он снес тогда часть этих древних развалин и построил из старого камня небольшой трехэтажный дом с фасадом, походившим на гренадерскую шапку, со слуховым окном в середине, напоминавшим единственный глаз циклопа, еще двумя окнами по бокам и дверью между ними, которая вела в зал и гостиную, освещенную со всех четырех сторон.

Таков был новый замок Элленгауэн, где мы оставили нашего героя, которому, может быть, тогда было не так скучно, как сейчас читателю. В этот-то дом и переселился Льюис Бертрам, полный твердой решимости восстановить материальное благополучие своей семьи. Он захватил в свои руки часть земли, часть взял в аренду у соседних помещиков, покупал и продавал в Северной Шотландии крупный рогатый скот и чевиотских овец, ездил по рынкам и

ярмаркам, торговался там, как только мог, и всеми силами одолевал нужду. Но, приобретая себе состояние, он одновременно проигрывал в общественном мнении; его собратья лэрды смотрели косо на эти его коммерческие операции и сельскохозяйственные затеи; сами они больше всего на свете интересовались петушиными боями, охотой и скачками, лишь изредка разнообразя эти развлечения какой-нибудь безрассудной дуэлью. В глазах этих соседей образ жизни Элленгауэна унижал его дворянское достоинство; он же, в свою очередь, почел за благо постепенно избавляться от их общества, снизойдя до того, чтобы стать обыкновенным помещиком-фермером, – положение по тому времени незавидное. Но в самом разгаре его замыслов смерть оборвала их, и все скудные остатки большого поместья перешли к единственному его сыну Годфри Бертраму, который теперь и являлся их владельцем.

Опасность спекуляций, которыми занимался его отец, скоро дала себя знать. Без самоличного и неусыпного надзора лэрда Льюиса все начатые им предприятия пришли в упадок; они не только перестали давать доход, но даже стали убыточными. Годфри, у которого не было ни малейшей энергии, чтобы предотвратить эти беды или достойно их встретить, во всем положился на другого человека. Он не заводил ни конюшен, ни псарни, ни всего того, с чего в этих местах люди обычно начинают разоряться, но, как и многие его соседи, он завел себе управляющего, и это оказалось разорительнее, чем все остальное. Под мудрым руководством этого управляющего маленькие долги превратились в большие от выросших процентов, временные обязательства перешли в наследственные, и ко всему присоединились еще немалые судебные издержки. По своей натуре Элленгауэн не имел ни малейшей склонности к сутяжничеству, но тем не менее ему пришлось оплачивать расходы по тяжбам, о существовании которых он даже и не знал. Соседи предрекали ему полное разорение. Высшие сословия не без злорадства считали его уже конченным человеком, а низшие, видя, в какое зависимое положение он попал, относились к нему скорее сочувственно. Простые люди его даже любили и при разделе общинного выгона, а также в тех случаях, когда ловили браконьера или заставляли кого-то за незаконной порубкой леса – словом, всегда, когда помещики так или иначе ущемляли их интересы, они говорили друг другу: «Ах, если бы у нашего доброго Элленгауэна были такие владения, как у его деда, он не потерпел бы, чтобы обижали бедных». Однако это хорошее мнение о нем никогда не мешало им при всяком удобном случае извлекать из его доброты какую-то пользу для себя: они пасли скот на его пастбищах, воровали у него лес, охотились за дичью на его угодьях и так далее, – «наш добрый лэрд этого и не увидит, никогда ведь он в наши дела мешаться не станет». Разносчики, цыгане, медники и бродяги всех мастей постоянно толпились в людских Элленгауэна и находили себе приют на кухне, а лэрд, «славный человек», большой охотник поболтать, как и вообще все слабохарактерные люди, любил в награду за свое гостеприимство выслушивать разные новости, которые они ему рассказывали.

Одно только обстоятельство помогло Элленгауэну избежать полнейшего разорения. Это был его брак с женщиной, которая принесла ему около четырех тысяч фунтов стерлингов приданого. Никто из соседей не мог понять, что, собственно, заставило ее выйти за него замуж и отдать ему все свое состояние, – не иначе как это был его высокий рост, статная фигура, красота, хорошее воспитание и отменное добродушие. Могло иметь значение и то, что сама она уже достигла критического возраста двадцати восьми лет и у нее не было близких родных, которые могли бы повлиять на ее решение.

Ради этой-то дамы (рожавшей в первый раз) и был так стремительно послан в Кипплингринг тот нарочный, о котором рассказывала вечером Мэннерингу старуха.

Мы уже много всего сказали о самом лэрде, но нам остается еще познакомить читателя с его собеседником. Это был Эйбл Сэмсон, которого по случаю того, что он был учителем, называли Домини Сэмсон. Он был родом из простых, но удивительная серьезность его, проявившаяся у него с младенческих лет, вселила в его родителей надежду, что их дитяtko «пробьет», как они говорили, себе дорогу к церковной кафедре. Во имя этой честолюбивой цели они вся-

чески ограничивали и урезывали себя, вставляли раньше, ложились позднее, сидели на одном черством хлебе и холодной воде – все это для того, чтобы предоставить Эйблу возможность учиться. А тем временем долговязая нескладная фигура Сэмсона, его молчаливая важность и какая-то несуразная привычка шевелить руками и ногами и кривить лицо в то время, как он отвечал урок, сделали бедного Сэмсона посмешищем в глазах всех его школьных товарищей. Те же самые свойства стяжали ему не менее печальную известность и в колледже в Глазго. Добрая половина уличных мальчишек собиралась всегда в одни и те же часы поглядеть, как Домини Сэмсон (он уже достиг этого почетного звания), окончив урок греческого языка, сходил вниз по лестнице с лексиконом под мышкой, широко расставляя свои длинные неуклюжие ноги и странно двигая огромными плечами, то поднимавшими, то опускавшими мешковатый и поношенный черный кафтан, его неизменную и к тому же единственную одежду. Когда он начинал говорить, все старания учителей (даже если это был учитель богословия) сдержат неукротимый смех студентов, а порой даже и свой собственный, ни к чему не приводили. Вытянутое бледное лицо Сэмсона, выпученные глаза, необъятная нижняя челюсть, которая, казалось, открывалась и закрывалась не усилием воли, а помещенным где-то внутри сложным механизмом, резкий и пронзительный голос, переходивший в совиные крики, когда его просили произнести что-нибудь отчетливее, – все это было новым источником веселья в дополнение к дырявому кафтану и рваным башмакам, которые служили законным поводом для насмешек над бедными школярами еще со времен Ювенала^[33]. Никто, однако, не видел, чтобы Сэмсон когда-нибудь вышел из себя или сделал хоть малейшую попытку отплатить своим мучителям. Он ускользал из колледжа самыми потаенными ходами и прятался в своем жалком жилище, где за восемнадцать пенсов в неделю ему было позволено возлежать на соломенном тюфяке и, если хозяйка была в хорошем настроении, готовиться к занятиям у топившегося камина. И, невзирая на все эти неблагоприятные условия, он все же изучил и греческий и латинский языки и постиг кое-какие науки.

По истечении некоторого времени Эйбл Сэмсон, кандидат богословия, получил право читать проповеди, но, увы, то ли из-да собственной застенчивости, то ли из-за сильной и непреодолимой смешливости, которая овладела слушателями при первой же его попытке заговорить, он так и не смог произнести ни единого звука из тех слов, которые приготовил для своей будущей паствы. Он только вздохнул, лицо его безобразно перекошилось, глаза выкатились, так что слушатели думали, что они вот-вот выскочат из глазниц; потом он захлопнул Библию, кинулся вниз по лестнице, чуть было не передавил сидевших на ступеньках старух и получил за все это прозвище «немного проповедника». Так он и вернулся в родные места с поверженными во прах надеждами и чаяниями, чтобы разделить с родителями их нищету. У него не было ни друга, ни близкого человека, почти никаких знакомых, и никто не мог сказать с уверенностью, как Домини Сэмсон перенес свой провал, которым в течение недели развлекался весь город. Невозможно даже и перечислить всех шуток, сочиненных по случаю этого происшествия, начиная от баллады под названием «Загадка Сэмсона», написанной по этому поводу молодым самодовольным студентом словесности, и кончая колкой остротой самого ректора, заявившего, что хорошо еще, что беглец не уподобился своему тезке-силачу и не унес с собою ворот колледжа^[34].

Однако, по всей видимости, душевное равновесие Сэмсона было непоколебимо. Он хотел помочь родителям и для этого устроил у себя школу. Скоро у него появилось много учеников, но доходы его были не очень-то велики. Действительно, он обучал детей фермеров, не назначая никакой определенной платы, а бедных – и просто даром, и, к стыду фермеров, надо заметить, что заработок учителя при таких обстоятельствах не мог сравниться с тем, что мог заработать хороший пахарь. Но у Сэмсона был отличный почерк, и он еще прирабатывал, переписывая счета и составляя письма для Элленгауэна. Отдалившийся от светского общества лэрд постепенно привык проводить время с Домини Сэмсоном. О настоящих разговорах между ними,

конечно, не могло быть и речи, но Домини был внимательным слушателем и, кроме того, умел довольно ловко мешать угли в камине. Он пробовал даже снимать нагар со свеч, но потерпел неудачу и, дважды погрузив гостиную в полную темноту, вынужден был сложить с себя эту почетную обязанность. Таким образом, за все гостеприимство лэрда он оплачивал единственно тем, что одновременно со своим хозяином аккуратно наливал себе в стакан столько же пива, сколько и тот, и издавал какие-то неясные звуки в знак одобрения длинных и бессвязных рассказов Элленгауэна.

В одну из таких минут Мэннеринг и увидел впервые его высокую, неуклюжую и костлявую фигуру в поношенном черном кафтане, с не слишком чистым цветным платком на худой и жилистой шее, в серых штанах, темно-синих чулках и подбитых гвоздями башмаках с узкими медными пряжками.

Вот вкратце описание жизни и судеб тех двух людей, в приятном обществе которых Мэннеринг проводил теперь время.

Глава III

*История давно знавала
Пророчеств памятных немало.
Судеб, событий повороты
Предсказывали звездочеты,
Астрологи, жрецы, халдеи
И всех столетий чародеи.*

«Гудибрас»^[35]

Хозяин дома сразу же сообщил Мэннерингу, какие обстоятельства заставляют жену его лежать в постели, прося извинить ее за то, что она не приветствует его сама и не может заняться устройством его ночлега. Эти же особые обстоятельства послужили предлогом, чтобы распить с гостем лишнюю бутылку хорошего вина.

– Я не могу спокойно уснуть, – сказал лэрд, и в голосе его послышались уже нотки пробуждающегося отцовского чувства, – пока не узнаю, что все обошлось благополучно, и, если вам не слишком хочется спать, сэр, и вы соизволите оказать мне и Домини честь посидеть с нами, я уверен, что ждать нам придется не очень долго. Старуха Хауетсон – баба толковая, тут как-то вот с одной девицей беда приключилась... Недалеко отсюда она жила... Нечего качать головой, Домини, ручаюсь вам, что церковь все свое сполна получила, чего же ей еще надо?.. А брюхатой эта девица еще до венца стала, и, представьте, тот, кто на ней женился, и любил ее и уважал ничуть не меньше... Вот какие дела, мистер Мэннеринг, а живут они сейчас в Эннене и друг в друге души не чают, – шестеро таких ребятишек у них, что просто не наглядеться; кудрявенький Годфри – самый старший, их желанное дитя, если хотите, так он сейчас уже на таможенной яхте... У меня, знаете, есть родственник, он тоже в таможне служит, комиссар Бертрам. А должность эту он получил, когда в графстве шла великая борьба; вы, наверно, об этом слышали, ведь жалобу тогда подавали в Палату общин... Что до меня, то я голосовал за лэрда Бэлраддери, но, знаете, отец мой был якобитом и участвовал в восстании Кенмора, поэтому он никогда не принимал присяги...^[36] Словом, я хорошенько не знаю, как все это получилось, но, что я ни говорил и что ни делал, они исключили меня из списков, хотя в то же время управляющему моему отличным образом разрешили подать свой голос за старого сэра Томаса Киттлкорта. Так вот, я хотел вам сказать, что бабушка Хауетсон очень проворна, и как только эта девица...

На этом месте отрывочный и бессвязный рассказ лэрда был прерван: на лестнице, которая вела на кухню, кто-то вдруг запел во весь голос. Верхние ноты были слишком уж высоки для мужчины, нижние чересчур низки для женщины. До слуха Мэннеринга долетели следующие слова:

В доме ладятся дела,
Коль хозяйка родила.
Пусть малышка, пусть малыш, –
Бога ты благодаришь.

– Это Мег Меррилиз, цыганка, клянусь самим Богом, – сказал мистер Бертрам. Домини, который сидел, положив ногу на ногу, издал какой-то неопределенный звук, похожий на стон, а потом, пустив густые клубы табачного дыма, растопырил свои длинные ноги и, переставив их, снова скрестил.

– Чем вы недовольны, Домини? Поверьте, что в песнях Мег нет ничего худого.

– Ну, и хорошего тоже нет, – ответил Домини Сэмсон голосом, ни с чем не сообразная пронзительность которого была под стать всей его неуклюжей фигуре. Это были первые его слова, услышанные Мэннерингом, а так как последний не без любопытства ожидал, когда этому умевшему пить, есть, курить и двигаться автомату настанет черед заговорить, то резкие и скрипучие звуки, которые он сейчас услышал, немало его позабавили. Но в это мгновение дверь отворилась, и в комнату вошла Мег Меррилиз.

Вид ее поразил Мэннеринга. Это была женщина шести футов ростом; поверх платья на ней был надет мужской плащ, в руках она держала здоровенную терновую дубину, и вся ее одежда, если не считать юбок, более походила на мужскую, чем на женскую. Ее черные волосы выбивались из-под старомодной шапочки, извиваясь точно змеи Горгоны и еще более усиливая необычайную суровость ее загорелого лица, на которое падали их тени, в то время как в блуждающих глазах горел какой-то дикий огонек то ли подлинного, то ли напускного безумия.

– Вот это хорошо, Элленгауэн, – сказала она, – леди уже слегла, а я тем временем на ярмарке в Драмсхурлохе. Кто же стал бы отгонять от нее злых духов? А если, помилуй бог, на младенца напали бы эльфы и ведьмы? Кто бы тогда прочел над бедняжкой заклинание святого Кольма? – И, не дожидаясь ответа, она запела:

Клевер, папорота цвет
Отгоняет ведьм навет.
Кто в Андреев день постится,
С тем беда не приключится.

Матерь Божия с ребенком
Или Кольм святой с котенком,
Михаил с копьем придет:
Нечисть в дом не попадет.

Она пропела это дикое заклинание высоким резким голосом и, подпрыгнув три раза вверх так высоко, что едва не стукнулась о потолок, в заключение сказала:

– А теперь, лэрд, не угостите ли вы меня стаканчиком водки?

– Сейчас тебе подадут, Мег; садись там у двери и расскажи нам, что нового на ярмарке в Драмсхурлохе.

– Верите, лэрд, очень там не хватало вас и таких, как вы. Уж больно девочки там хорошие были, не считая меня, и ни один черт ничего им не подарил.

– Скажи-ка, Мег, а много ли цыган в тюрьму посадили?

– Ей-богу же, только трех, лэрд, потому что на ярмарке больше их и не было, кроме меня, как я вам уже сказала, и я даже удрала оттуда, потому что не к чему мне в разные ссоры ввязываться. А тут еще Данбог прогнал Реда Роттена и Джона Янга со своей земли – будь он проклят! Какой он дворянин, ни капли в нем нет дворянской крови! Места ему, что ли, не хватало в пустом доме, что он и двоих бедняков не мог у себя приютить! Испугался он, должно быть, что они репы у него с дороги оберут или из гнилой березовой коры кашу себе сварят. Но есть и повыше его, кто все видит, – так вот, не запел бы еще как-нибудь на зорьке у него в амбарах красный петух.

– Тише! Тсс, Мег! Не дело говоришь!

– Что это все значит? – тихо спросил Мэннеринг Сэмсона.

– Пожаром грозит, – отвечал немногословный Домини.

– Скажите же, ради всего святого, кто она такая?

– Потаскуха, воровка, ведьма и цыганка, – ответил Сэмсон.

– Вот уж истинно говорю вам, лэрд, – продолжала Мег, пока они перешептывались между собой, – только такому человеку, как вы, можно всю правду выложить; говорят, что этот Дан-бог – такой же дворянин, как тот нищий, который там вон внизу себе лачугу сколотил. А вы ведь, лэрд, действительно настоящий дворянин, и не первая сотня лет идет уже вашему дворянству, и вы никогда не будете бедняков со своей земли гнать, как бездомных собак. И знайте, что никто из нас на ваше добро руки не поднимет, будь у вас одних каплунов столько, сколько листьев на дубе. А теперь взгляните кто-нибудь на часы да скажите мне точно час и минуту, когда дитя родится, а я скажу вам, что его ждет.

– Ладно, Мег, мы и без тебя все узнаем, у нас тут есть студент из Оксфорда; он лучше тебя его судьбу предскажет – он ее по звездам прочтет.

– Ну, конечно, сэр, – сказал Мэннеринг в тон простодушному хозяину, – я составлю его гороскоп по закону тройственности, как учат Пифагор^[37], Гиппократ^[38], Диоклес^[39] и Авиценна^[40]. Или я начну *ab hora questionis*³, как учат Хейли^[41], Мессагала^[42], Ганвехис и Гвидо Бонат^[43].

Одной из черт характера Сэмсона, особенно расположивших к нему Бертрама, было то, что он не догадывался, когда над ним подтрунивали, так что лэрду, чье не слишком удачное остроумие не шло дальше самых плоских шуток, было особенно легко потешаться над простодушным Домини. Сам же Домини вообще никогда не смеялся и не принимал участия в смехе, поводом к которому служила его собственная простота; говорят, что он рассмеялся всего только один раз в жизни, и в эту достопамятную минуту у хозяйки его квартиры сделался выкидыш, то ли от удивления по поводу столь неожиданного события, то ли от того, что она испугалась ужасных конвульсий, которыми сопровождалось это разразившееся вдруг громахание. Когда он в конце концов понимал, что с ним пошутили, то единственным, что изрекал этот мрачный человек, были слова: «Удивительно!» или: «Очень занятно», которые он произносил по слогам, не дрогнув при этом ни одним мускулом лица.

В данном случае он подозрительно и странно посмотрел на юного астролога, как будто сомневаясь в том, правильно ли он понял его ответ.

– Боюсь, сэр, – сказал Мэннеринг, оборачиваясь к Сэмсону, – что вы принадлежите к тем несчастным, которым слабое зрение мешает проникнуть в звездные сферы и разгадать тайны, начертанные на небесах; недоверие и предрассудки заслоняют таким людям истину.

– В самом деле, – ответил Сэмсон, – я держусь того же мнения, что и Исаак Ньютон^[44], кавалер, директор Монетного двора его величества, что наука астрологии есть вещь совершенно пустая, легковесная и ничего не стоящая, – с этими словами он сомкнул свои широко разъятые, как у оракула, челюсти.

– Право же, – возразил ему Мэннеринг, – мне очень грустно видеть, что человек вашего ума и образования впадает вдруг в такое удивительное заблуждение и слепнет. Может ли сравниться коротенькое, совсем недавно получившее известность и, можно сказать, провинциальное имя Исаака Ньютона со звучными именами таких авторитетов, как Дариот^[45], Бонат, Птолемей^[46], Хейли, Эцтлер, Дитерик^[47], Найбоб^[48], Харфурт, Заэль^[49], Таустеттор, Агриппа^[50], Дурет^[51], Магинус^[52], Ориген^[53] и Арголь?^[54] Разве не все, как христиане, так и язычники, как евреи, так и правочерные, как поэты, так и философы, – разве не все они признают влияние звезд на судьбу?

– *Communis error* – всеобщее заблуждение, – отвечал непоколебимый Домини Сэмсон.

– Нет, это не так, – возразил ему молодой англичанин, – это твердое и обоснованное убеждение.

– Это уловки обманщиков, плутов и шарлатанов, – сказал Сэмсон.

³ С самого начала (*лат.*).

– *Abusus non tollit usum* – злоупотребление какой-нибудь вещью никак не исключает законного ее применения.

Во время этого спора Элленгауэн был похож на охотника, который неожиданно попал в поставленный им же силлок. Он поочередно поворачивал голову в сторону то одного, то другого собеседника и, видя, с какой серьезностью Мэннеринг парировал доводы своего противника и сколько учености он выказал в этом споре, начинал уже, кажется, верить, что тот не шутит. Что касается Мег, то она уставила на астролога свой дикий взгляд, потрясенная его абракадаброй, еще более непонятной, чем ее собственная.

Мэннеринг использовал это преимущество и пустил в ход весь трудный ученый лексикон, который хранился в его поразительной памяти и который, как это станет видно из последующего изложения, был ему известен еще с детских лет.

Знаки зодиака и планеты в шестерном, четверном и тройном соединении или противостоянии, дома светил с фазами луны, часами, минутами^[55]; альмутен^[56], альмоходен, анахибазон^[57], катахибазон^[58] – тысячи разных терминов подобного же звучания и значения снова и снова посыпались как из рога изобилия на нашего бесстрашного Домини, природная недоверчивость которого позволила ему выдержать эту беспощадную бурю.

Наконец радостное известие, что леди подарила своему супругу чудесного мальчика и сама чувствует себя хорошо, прервало затянувшийся спор. Бертрам кинулся в комнату жены, Мег Меррилиз спустилась вниз на кухню, чтобы отвесть свою порцию гронинг-молта и кен-но⁴, а Мэннеринг, поглядев на часы и заметив очень точно час и минуту, когда родился ребенок, со всей подобающей учтивостью попросил, чтобы Домини указал ему какое-нибудь место, откуда можно было бы взглянуть на ночное небо.

Сэмсон, ни слова не говоря, встал и распахнул стеклянную дверь, которая вела на старинную террасу позади нового дома, примыкавшую к развалинам старого замка. Поднявшийся ветер разогнал тучи, которые только что перед этим застилали небо. Полная луна светила прямо над его головой, а вокруг в безоблачном просторе во всем своем великолепии сияли все ближние и дальние звезды. Неожиданная картина, которую их сияние открыло Мэннерингу, глубоко его поразила.

Мы уже говорили, что в конце своего пути наш путешественник приближался к берегу моря, сам, однако, не зная, далеко ли ему до него оставалось. Теперь он увидел, что развалины замка Элленгауэн были расположены на возвышении, или, скорее, на выступе скалы, которая составляла одну из сторон тихой морской бухты. Новый дом, пристроенный совсем вплотную к замку, стоял, однако, чуть ниже, а за ним берег спускался прямо к морю естественными уступами, на которых виднелись одинокие старые деревья, и кончался белой песчаной отмелью.

Другая сторона бухты, та, что была прямо против замка, представляла собой живописный мыс, полого спускавшийся к берегу и весь покрытый рощами, которые в этом зеленом краю доходят до самого моря. Из-за деревьев виднелась рыбацкая хижина. Даже сквозь эту густую тьму видно было, как на берегу передвигаются какие-то огоньки: возможно, что это выгружали контрабанду с люгера, прибывшего с острова Мэн^[59] и стоявшего на якоре где-то неподалеку. Едва только там внизу заметили свет в доме, как крики «берегись, гаси огонь» всполошили людей на берегу, и огни тут же потухли.

⁴ Гронинг-молт, упоминаемый в тексте, – это пиво, которое варят, чтобы распить по случаю благополучного разрешения родильницы от бремени. Кен-но более древнего происхождения и, возможно даже, восходит к тайным обрядам *Bona Deae**. Женщины готовят большой жирный сыр, причем все делается втайне; сыр предназначается для угощения кумушек, которые прислуживали во время родов. Сыр этот называется кен-но (не знаю), потому что ни один мужчина о нем ничего не знает. С особенной тщательностью его скрывают от хозяина. Поэтому тот должен вести себя, как будто он ничего и не подозревает. Он усердно угощает женщин и удивляется, что они упорно отказываются. Но как только он уходит, приносят кен-но, и каждая из кумушек получает свою порцию и запивает ее гронинг-молтом. Остатки женщины делят между собой и с той же напускной таинственностью уносят домой большие куски сыра. (Примеч. авт.)* ...к тайным обрядам *Bona Deae* (лат.) – *Bona Dea* – добрая богиня. Итальяское божество плодородия, в Риме считалось покровительницей женщин.

Был час ночи. Местность поражала своей красотой. Старые серые башни развалин, частью еще уцелевшие, частью разрушенные, и там и сям покрытые ржавыми пятнами, напоминавшими об их глубокой древности, кое-где обвитые плющом, поднимались над краем темной скалы направо от Мэннеринга. Перед ним расстился безмятежный залив: легкие курчавые волны катились одна за другой, сверкая в лучах луны, и, ударяясь о серебристый берег, рассыпались нежно шуршавшей воздушной пеной. Слева лесные массивы вдавались далеко в океан; луна своим колеблющимся сиянием озаряла их волнистые контуры, создавая изумительную игру света и тени, чащ и прогалин, на которой отдыхает глаз, стремясь в то же время проникнуть глубже во все хитросплетения этой лесной панорамы. Наверху по небу плыли планеты, каждая в ореоле своего собственного сияния, отличавшего ее от меньших по размеру или более далеких звезд. Воображение удивительнейшим образом может обманывать даже тех, чья воля вызвала его к жизни, и Мэннеринг, разглядывая сверкающие небесные тела, готов был почти согласиться с тем, что они действительно влияют на события человеческой жизни, как склонны были тогда думать люди суеверные. Но Мэннеринг был влюбленным юношей, и возможно, что он находился во власти чувств, высказанных одним поэтом наших дней:

Любовь приют свой в сказке обретает:
Она легко заводит талисманы
И в духов разных верит упоенно,
В богов – ведь и сама она богиня,
И в существа, что древностью воспеты,
И прелести и чар их знает силу,
В дриадах лесных, и фавнов, и сатиров
На горных склонах, в нимф, потоком бурным
От глаз укрытых... Все теперь пропало:
Им места в жизни не оставил разум.
Но, видно, есть у сердца свой язык,
Он имена их прежние вспомнит,
Что ныне отошли к далеким звездам.
Все духи, боги все, что здесь меж нами
Когда-то жили, землю поделив
По-дружески с людьми, во мгле кромешной
Над нами кружат и судьбу влюбленных
Вершат оттуда; так и в наши дни
Юпитер все великое приносит,
Венера все прекрасное дарит^[60].

Однако в скором времени эти раздумья уступили место другим. «Увы, – подумал он, – мой добрый старый учитель, который так глубоко вникал в споры между Хейдоном и Чемберсом^[61] по поводу астрологии, посмотрел бы на все это другими глазами и действительно попытался бы, изучив расположение этих небесных светил, сделать выводы об их возможном влиянии на судьбу новорожденного, как будто путь небесных тел или их свечение могли заступить место божественного промысла или, по меньшей мере, управлять людьми в согласии с волей Господней. Мир праху его! Тех знаний, которые он передал мне, достаточно, чтобы составить гороскоп, и поэтому я сразу же этим займусь». Раздумывая обо всем этом, Гай Мэннеринг записал расположение всех главных небесных тел и вернулся в дом. Лэрд встретил его в гостиной и, сияя от счастья, объявил ему, что новорожденный – здоровый, хорошенький мальчуган и что следовало бы по этому поводу еще выпить. Но Мэннеринг отказался, сославшись на усталость. Тогда лэрд провел гостя в приготовленную для него комнату и простился с ним до утра.

Глава IV

*Как следует взглядишь: увидишь сам
Ты в доме жизни некий знак злоеущий,
То тайный враг: сулит тебе беду
Звезды твоей сиянье – не дремли же!*

Колридж^[62], из Шиллера

В середине семнадцатого века верование в астрологию было распространено повсеместно. К концу столетия престиж ее уже поколебался и многое стало ставиться под сомнение, а к началу восемнадцатого века к астрологии начали относиться с явным недоверием и даже с насмешкой. Но у нее все же было немало приверженцев, и даже среди ученых. Людям усидчивым и серьезным жаль было расставаться с вычислениями, которые были главным предметом их занятий с молодых лет; им не хотелось спускаться с той высоты, на которую воображаемая способность предсказывать судьбу по звездам возводила их над всеми остальными людьми.

В числе тех, кто с неослабной верой лелеял это мнимое преимущество, был и старый священник, которому юный Мэннеринг был отдан на воспитание. Не щадя глаз, он всматривался в звезды и переутомлял мозг, исчисляя их различные сочетания. Естественно, что это увлечение передалось и ученику. В течение некоторого времени он прилежно трудился, чтобы овладеть приемами астрологических вычислений, и, прежде чем он мог убедиться в их нелепости, сам Уильям Лили^[63] признал бы за ним «и редкостное воображение, и проницательность мысли во всем, что касалось составления гороскопов».

На другое утро, лишь только на осеннем небе забрезжил рассвет, Мэннеринг поднялся с постели и занялся составлением гороскопа юного наследника Элленгауэнов. Он взялся за это дело *secundum artem*⁵ отчасти для того, чтобы соблюсти приличия, отчасти просто из любопытства, чтобы проверить, помнит ли он и может ли еще применять все правила этой мнимой науки. И вот он начертил на бумаге звездное небо, разделив его на двенадцать домов, расположил в них планеты по таблице и внес поправки в соответствии с днем, часом и минутой рождения ребенка. Чтобы не докучать читателю теми предсказаниями, которые присяжные звездочеты извлекли бы из всех этих комбинаций, скажу только, что на чертеже был один знак, который сразу же приковал к себе внимание нашего астролога. Марс, господствуя над двенадцатым домом, угрожал новорожденному^[64] ребенку пленом или внезапной насильственной смертью. Сделав дальнейшие вычисления, которыми, как утверждают прорицатели, можно проверить силу этого враждебного влияния, Мэннеринг нашел, что три периода жизни будут особенно опасны для новорожденного: *пятый, десятый и двадцать первый* годы его жизни.

Замечательнее всего было то, что Мэннеринг как-то раз уже занимался подобными пустяками по настоянию Софии Уэлвуд, молодой леди, в которую он был влюблен, и что точно такое же расположение планет угрожало и ей смертью или пленом на тридцать девятом году жизни. Девушке этой было тогда восемнадцать лет: таким образом, получалось, – если верить тем и этим вычислениям, – что один и тот же год грозил одинаковыми бедами ей и только что появившемуся на свет младенцу. Пораженный этим совпадением, Мэннеринг еще раз проверил свои вычисления с самого начала, и новый результат еще больше сблизил предсказанные события, так что в конце концов оказалось, что один и тот же месяц и день должны были стать роковыми для обоих.

⁵ По всем правилам (лат.).

Само собой разумеется, что, рассказывая об этом, мы не придаем никакого значения сведениям, полученным подобным способом. Но часто случается, – и такова уж свойственная нам любовь ко всему чудесному, – что мы сами охотно содействуем тому, чтобы подобного рода чувства одержали верх над рассудком. Было ли совпадение, о котором я рассказал, на самом деле одной из тех удивительных случайностей, которые иногда происходят наперекор всем человеческим расчетам, или Мэннеринг, заблудившись в лабиринте разных выкладок и путанных астрологических терминов, сам того не замечая, дважды ухватился за одну и ту же нить, чтобы выбраться из затруднительного положения, или, наконец, фантазия его, прельстившись внешним сходством отдельных черт, невольно восполнила это сходство и во всем остальном, – сейчас уже невозможно установить. Но так или иначе результаты полностью сошлись, и это его поразило.

Он не мог не удивляться столь странному и неожиданному совпадению. «Неужели же в это дело вмешался дьявол, чтобы отомстить нам за то, что мы обращаем в шутку науку, которая своим происхождением обязана колдовству? Или, может быть, как это допускают Бэкон и сэр Томас Браун, в строго и правильно понятой астрологии и на самом деле скрыта какая-то истина и не следует начисто отрицать влияние звезд на судьбу человека, хотя при всем этом и необходимо относиться крайне подозрительно к этой науке в тех случаях, когда она становится достоянием плутов, утверждающих, что они ее знают».

Поразмыслив, он отверг свое предположение как фантастическое и решил, что эти ученые пришли к подобному выводу только потому, что не решались сразу поколебать глубоко укоренившиеся предрассудки своего времени, или потому, что сами они не до конца освободились от заразного влияния этого суеверия. Однако результат его выкладок произвел на него такое неприятное впечатление, что, подобно Просперо^[65], он мысленно простился со своим искусством и решил никогда больше ни в шутку, ни всерьез не браться за астрологию.

Он долго обдумывал, что теперь сказать лэрду Элленгауэну относительно гороскопа его первенца; в конце концов он решил прямо высказать ему все те выводы, которые он сделал, одновременно убедив его в неосновательности той науки, на которой они были основаны. Приняв это решение, он вышел на террасу.

Если пейзаж, открывавшийся вокруг замка Элленгауэнов, был хорош при лунном свете, то и под лучами восходящего солнца он не потерял своей красоты. Земля даже теперь, в ноябре, как будто улыбалась, обласканная солнцем. Крутые ступеньки вели с террасы вверх, на прилегающую возвышенность, и, поднявшись по ним, Мэннеринг очутился прямо перед старым замком. Замок этот состоял из двух массивных круглых башен, мрачные контуры которых выступали далеко вперед на обоих углах соединявшей их куртины, или крепостной стены; они прикрывали собою главный вход, открывавшийся в середине этой стены величественной аркой, которая вела во внутренний двор замка. Высеченный на камне родовой герб грозно нависал над воротами; у самого входа видны были следы приспособлений, некогда опускавших решетку и поднимающих мост. Грубые, деревенского вида ворота, сколоченные из молодых сосен, являлись теперь единственной защитой этой некогда неприступной твердыни. Вид с эспланады перед замком был великолепен.

Все унылые места, которые Мэннеринг проезжал накануне, были скрыты теперь за холмом, и расстилавшийся перед ним пейзаж радовал глаз сочетанием гор и долин с рекой, которая появлялась то тут, то там, а потом совсем исчезала, прячась между высокими берегами, покрытыми густым лесом. Шпиль церкви и несколько видневшихся поодаль домиков указывали, что на месте впадения реки в океан была расположена деревня. Поля были хорошо возделаны, разделявшие их низенькие изгороди окаймляли подножия холмов, иногда взбираясь на самые склоны их. Над ними расстилались зеленые пастбища, на которых паслись стада крупного рогатого скота, составлявшие главное богатство края в те времена; доносившееся издали мычание коров оживляло эту мертвую тишину. Чуть выше темнели еще более далекие холмы,

а еще дальше, на горизонте, высились поросшие кустарником горы. Они служили естественным обрамлением для возделанных полей; отделяя их от остального мира, они накладывали на все окрестности печать отрадного уединения.

Морской берег, который был весь теперь на виду, красотой и разнообразием своих очертаний не уступал панораме холмов и гор. Местами его крутые утесы были увенчаны развалинами старинных зданий, башен или маяков, которые в прежнее время обычно располагались неподалеку друг от друга: таким образом, в случае вторжения врага или междоусобной войны можно было легко сообщить об этом сигналами и своевременно получить помощь. Замок Элленгауэн возвышался над всеми этими развалинами и своими огромными размерами и местоположением лишний раз подтверждал предание о том, что владельцы его были некогда первыми людьми среди всей окрестной знати. В других местах берег был более отлогим и весь был изрезан маленькими бухточками, а кое-где вдавался в море лесистыми мысами.

Картина эта, настолько непохожая на то, что предвещала вчерашняя дорога, произвела на Мэннеринга неизгладимое впечатление. Он видел перед собой вполне современный дом; в архитектурном отношении это было действительно довольно неуклюжее здание, но зато место было выбрано удачно – со всех сторон его окружала чудесная природа.

«Каким счастьем было бы жить в таком уединении! – подумалось нашему герою. – С одной стороны, поразительные остатки бывшего величия, словно сознающие, какое чувство родовой гордости они собой внушают; с другой – изящество и комфорт, которых вполне достаточно, чтобы удовлетворить не слишком требовательного человека. Быть бы здесь с тобою, София!..»

Но не будем больше подслушивать мечты влюбленного. Мэннеринг постоял так с минуту, скрестив на груди руки, а потом направился к развалинам замка.

Войдя в ворота, он увидел, что грубое величие внутреннего двора в полной мере соответствовало всему внешнему облику замка. С одной стороны тянулся ряд огромных высоких окон, разделенных каменными средниками; окна эти некогда освещали большой зал замка. С другой стороны – несколько зданий различной высоты. Построенные в разное время, они были расположены так, что со стороны фасада представлялись чем-то единым. Окна и двери были отделаны кружевной резьбой и грубыми изваяниями, частью уцелевшими, а частью уже обломанными, перевитыми плющом и другими вьющимися растениями, пышно разросшимися среди этих руин. Прямо напротив входа тоже некогда стояли какие-то замковые постройки, но эта часть замка больше всего подвергалась разрушениям; молва связывала их с длительной междоусобной войной, когда замок обстреливали с парламентских кораблей, которыми командовал Дин^[66]. Через пролом в стене Мэннерингу было видно море и небольшое судно, которое все еще продолжало стоять на середине залива⁶. В то время, когда Мэннеринг оглядывал развалины, он услышал откуда-то слева, из глубины дома, голос цыганки, виденной им накануне. Скоро он отыскал отверстие, сквозь которое он мог ее видеть, сам оставаясь незамеченным. И он невольно подумал, что весь ее облик, и поза, и работа, которой она занималась, делали ее похожей на древнюю сивиллу.

Она сидела на камне в углу комнаты, пол которой был вымощен. Вокруг было чисто подметено, чтобы ничто не мешало веретену кружиться. Яркий солнечный луч, проникая в комнату сквозь высокое узкое окно, падал на ее дикий наряд, на странные черты ее лица и на работу, от которой она ни на минуту не отрывалась. Остальная часть комнаты была погружена во мрак. Одежда ее представляла смесь чего-то восточного с национальным костюмом шотландской крестьянки. Она пряла нить из шерстяных волокон трех разных цветов: черного, белого и серого, пользуясь для этого ручным веретеном, которое сейчас почти уже вышло из

⁶ В нашем описании эти развалины напоминают прекрасные руины Карлаверокского замка в шести-семи милях от графства Дамфрис, близ Лохар-мосс. (Примеч. авт.)

употребления. Сидя за веретеном, она пела, и, по-видимому, это были какие-то заклинания. Мэннеринг, вначале тщетно старавшийся разобрать слова, попробовал потом в поэтической форме передать то, что ему удалось уловить из этой странной песни:

Вертись, кружись, веретено, –
Со счастьем горе сплетено;
С покоем – буря, страх с мечтой
Сольются в жизни начатой.

Чуть сердце детское забьется,
Как пряжа вещая прядется,
И роем сумрачных видений
Над колыбелью реют тени.

Безумств неистовых чреда,
И вслед за радостью – беда;
Тревог, сомнений и тягот
Несется страшный хоровод.

И тени мечутся вокруг,
То рвутся ввысь, то никнут вдруг.
Вертись, кружись, веретено, –
Со счастьем горе сплетено!

Прежде чем наш переводчик, или, лучше сказать, вольный подражатель, мысленно сложил эти строки и в то время как он все еще бормотал их про себя, отыскивая рифму к слову «веретено», работа сивиллы была окончена и вся шерсть выпрядена. Она взяла веретено, обмотанное теперь уже пряжей, и стала измерять длину нитки, перекидывая ее через локоть и натягивая между большим и указательным пальцами. Когда она измерила ее всю, она пробормотала: «Моток, да не целый; полных семьдесят лет, да только нить три раза порвана, три раза связывать надо; его счастье, если все три раза проскочит».

Герой наш уже собирался было заговорить с прорицательницей, как вдруг чей-то голос, такой же хриплый, как и ревели внизу и заглушавшие его волны, дважды прокричал, и каждый раз все нетерпеливее:

– Мег, Мег Меррилиз! Цыганка, ведьма, чертовка!
– Сейчас иду, капитан, – ответила Мег.

Но через несколько минут ее нетерпеливый хозяин явился к ней сам откуда-то из развалин замка.

По виду это был моряк, не очень высокий, с лицом, огрубевшим от бесчисленных встреч с норд-остом. Он был человеком удивительно крепкого, коренастого телосложения; казалось, что никакой рост не помог бы его противнику одолеть его в схватке. Черты его были грубы и, что еще того хуже, на лице его не было и следа того веселого добродушия, того беспечного любопытства ко всему окружающему, какие бывают у моряков во время их пребывания на суше. Качества эти, может быть, не меньше, чем все остальное, содействуют большой популярности наших моряков и хорошему отношению к ним, которое распространено у нас в обществе. Их отвага, смелость и стойкость – все это, вызывая к себе уважение, вместе с тем как будто даже несколько принижает в их присутствии мирных жителей суши. Но заслужить уважение людей отнюдь не то же самое, что завоевать их любовь, а чувство собственной приниженности тоже не очень-то располагает к этой любви. Зато разные мальчишеские выходки, безудержное весе-

лье, неизменно хорошее расположение духа матроса, когда он отдыхает на берегу, смягчают собой все эти суровые черты его характера. Ничего этого не было в лице «капитана»; напротив, угрюмый и даже дикий взгляд омрачал его черты, которые и без того были неприятны и грубы.

– Где ты, чертова кукла? – сказал он с каким-то иностранным акцентом, хотя по-английски он говорил совершенно правильно. – Donner und Blitzen!⁷ Мы ждем уже целых полчаса. Иди и благослови наш корабль на дорогу, а потом катись ко всем чертям!

В эту минуту он заметил Мэннеринга, который, чтобы подслушать заклинания Мег Меррилиз, так плотно прижался к выступу стены, что можно было подумать, что он от кого-то прячется. Капитан (так он себя именовал) замер от удивления и сразу же сунул руку за пазуху, как будто для того, чтобы достать оружие.

– А ты, братец, что тут делаешь? Небось подглядываешь?

Но, прежде чем Мэннеринг, озадаченный этим движением моряка и его наглым тоном, успел ответить, цыганка вышла из-под свода, где она сидела, и подошла к ним. Глядя на Мэннеринга, моряк спросил ее вполголоса:

– Ищейка, что ли?

Она отвечала ему так же тихо, на воровском наречии цыган:

– Заткни глотку, это господин из замка.

Мрачное лицо незнакомца прояснилось.

– Мое вам почтение, сэр. Я вижу, что вы гость моего друга мистера Бертрама; извините меня, я вас принял за другого.

– А вы, очевидно, капитан того корабля, который стоит в заливе?

– Ну да, сэр; я Дирк Хаттерайк, капитан люгера «Юнгфрау Хагенслапен», судна, которое здесь всем известно, и я не стыжусь ни имени своего, ни корабля, и уж если на то пошло, то и груза тоже.

– Для этого, наверно, и нет причины.

– Нет. Tausend Donner!⁸ Я ведь здорово торгую, только что нагрузился там в Дугласе, на острове Мэн. Чистый коньяк, настоящий хи-чун и су-чонг^[67], мехельские кружева. Стоит вам только захотеть... Коньяк что надо. Целые сто бочек сегодня ночью выгрузили.

– Право же, я здесь только проездом, и мне ничего этого сейчас не нужно.

– Ну, в таком случае до свидания, потому что дело не ждет; или, может быть, поднимемся ко мне на корабль и хватим там глоток спиртного, да и чаю вы себе там полный мешок наберете. Дирк Хаттерайк умеет гостей принимать.

В человеке этом сочетались бесстыдство, грубость и подозрительность, и все это, вместе взятое, было отвратительно. Он вел себя как подлец, сознающий, что к нему относятся с недоверием, но старающийся заглушить в себе это сознание напускной развязностью. Мэннеринг сразу же отказался от его предложений, и тогда, буркнув: «Ну ладно, прощайте», Хаттерайк скрылся вместе с цыганкой среди развалин замка. Очень узенькая лестница вела оттуда прямо к морю и была устроена там, очевидно, для прохода войск во время осады. По ней-то и спустилась к морю эта достойная пара; приятная наружность сочеталась в каждом из них с не менее почтенным ремеслом. Человек, называвший себя капитаном, сел в небольшую лодку вместе с двумя какими-то людьми, которые, должно быть, его дожидались, а цыганка осталась на берегу и, отчаянно жестикулируя, что-то приговаривала или пела.

⁷ Гром и молния! (нем. ругательство.)

⁸ Тысяча громов! (нем.)

Глава V

*Поместья вы разграбили мои,
Вы в парки вторглись и леса срубили,
С окон моих сорвали древний герб,
Девиз мой стерли. Если бы не память
Людская и не кровь, что в этих жилах,
Кто б дворянина распознал во мне?*

«Ричард II»^[68]

Едва только лодка, на которой отправился наш достойный капитан, доставила его на судно, там начали поднимать паруса, и люгер стал готовиться к отплытию. После трех пушечных выстрелов в честь замка Элленгауэн он помчался на всех парусах, гонимый ветром, который уносил его все дальше от берега.

– Ну-ну, – сказал лэрд, подойдя к Мэннерингу, которого он давно уже искал. – Вот они: глядите, как они идут, наши контрабандисты, – капитан Дирк Хаттерайк на своей «Юнгфрау Хагенслапен», полуголландец, полумэнец, получерт. Выставляйте бушприт, ставьте грот-марселя, брамселя, бом-брамселя и трюмселя и утекайте! А там догоняй кто может! Этот молодец, мистер Мэннеринг, гроза всех таможенных крейсеров. Они ничего не могут с ним поделать, он каждый раз или чем-нибудь насолит им, или просто от них уйдет... Да, кстати, насчет таможи, я пришел звать вас на завтрак и угощу вас чаем, тем самым, который...

Мэннеринг между тем заметил, что в потоке слов, хлынувшем из уст мистера Бертрама, мысли все каким-то странным образом цеплялись одна за другую,

Как нижутся жемчужинки на нить,

и поэтому, пока их поток не унес его собеседника еще дальше от первоначального предмета их разговора, он вернулся к нему, начав, со своей стороны, расспрашивать о Дирке Хаттерайке.

– О, это... это да, ничего, негодяй известный. Никто с ним не хочет связываться: это контрабандист – когда пушки лежат балластом, капер^[69] и даже пират – когда они подняты наверх. Таможенным с ним просто сладу нет, ни один рэмзейский бандит^[70] им столько хлопот не причинил, сколько он.

– Но послушайте, сэр, если он на самом деле такой, то почему же он находит покровительство и защиту здесь на берегу?

– А вот почему, мистер Мэннеринг: людям нужны чай и водка, а сюда они таким путем только и попадают, да и рассчитываться за них с ним легко – возьмет да подкатит бочку-другую или фунтов двенадцать чаю к вам домой притащит; а свяжитесь только с Данкеном Роббом, кипплтринганским купцом, так он вам такой счет к Рождеству преподнесет, что и не выговоришь, и плати ему не иначе как наличными или вексель выдавай, да срок чтоб покороче был. А Хаттерайк – тот и досками, и лесом, и ячменем берет, ну, словом, что только у кого есть. Я вам насчет этого интересную историю расскажу. Жил тут когда-то лэрд Гадженфорд, у него много кур было, ну, знаете, таких, которыми фермеры расплачиваются со своим хозяином... Ко мне так всегда попадают самые тощие – бабушка Финнистон прислала мне на прошлой неделе трех, так на них и глядеть-то страшно, а ведь у нее двенадцать мер посеяно на корм; супруг ее Данкен Финнистон – тот, который умер (все мы умрем, мистер Мэннеринг, этого нам

не миновать)... Ну а пока что давайте не терять времени и жить – завтрак на столе, и Домини приготовился уже читать молитву.

Домини действительно прочел молитву, и длиной своей она превзошла все, что он произносил до сих пор в присутствии Мэннеринга. Чай, привезенный, вне всякого сомнения, капитаном Хаттерайком, Мэннеринг похвалил. Тем не менее он все же, хоть и очень вежливо, заметил, как опасно бывает оказывать поддержку таким отчаянным лицам, как этот капитан.

– Если бы это еще было с ведома таможенных, тогда другое дело...

– Ах, что толку в этих таможенных, – мистер Бертрам не способен был мыслить отвлеченно, и его представление о таможне сводилось к разным чиновникам, смотрителям, сборщикам и контролерам, которых ему случалось знать лично, – эти таможенники сами пусть за себя думают, нечего им помогать – к тому же они могут и солдат себе на помощь взять, а что до справедливости, то вы удивитесь, мистер Мэннеринг, тому, что я вам сейчас скажу, но, знаете, я ведь не состою мировым судьей.

Мэннеринг изобразил на лице то удивление, которого от него ждали, но в глубине души подумал, что почтенные судьи не очень-то много потеряли, оставшись без помощи этого добродушного лэрда. Бертрам напал сейчас на одну из своих любимых тем и продолжал с большим увлечением говорить о том, что у него наболело.

– Нет, сэр, имени Годфри Бертрама Элленгауэна нет в списке судей нашего графства, хотя нет, пожалуй, ни одного самого захудалого пахаря, которому не приходилось бы ездить четыре раза в год на заседания и приписывать к своему имени букв М. С.^[71] Я очень хорошо знаю, кому я этим обязан. Перед последними выборами сэр Томас Киттлкорт заявил, что сживет меня со свету, если я не стану на его сторону; а так как я решил подать голос за кровного родственника, за троюродного брата моего, лэрда Бэлраддери, то они исключили меня из списка землевладельцев, и вот начались новые выборы кандидатов в судьи, а меня там и нет! И они еще утверждают, что произошло это потому, что я позволил Дэвиду Мак-Гаффогу, констеблю, писать исполнительные листы и вести дела как ему вздумается, будто я кукла какая! В этом нет ни слова правды; за всю мою жизнь я выдал только семь исполнительных листов, и все-то до единого писал Домини, и если бы не это злополучное дело с Сэнди Мак-Грутаром, которого констебли заперли на двое или трое суток... там вон, в старом замке, покамест не представился случай отправить его в тюрьму графства... Мне ведь все это не дешево обошлось. Но я знаю, чего хочет сэр Томас, точно такая же штука была и с местом в Килмагердлской церкви... Разве я не больше имел права сидеть там на передней скамье, прямо против священника, чем Мак-Кроски из Криохстона, сын церковного старосты Мак-Кроски, самого простого дамфризского ткача.

Мэннеринг согласился с лэрдом, что все эти претензии были справедливы.

– Да к тому же, мистер Мэннеринг, здесь была еще целая история с дорогой и с пограничной плотиной... И, поверьте, все это дело рук сэра Томаса, и я прямо сказал, что знаю, откуда ветер дует, пусть как хотят понимают. Стал бы разве кто-нибудь из дворян проводить дорогу прямо через угол плотины и отрезать, как мой управляющий правильно заметил, целых пол-акра отличного пастбища? Да еще тут было дело, когда выбирали сборщика податей...

– Само собой разумеется, сэр, тяжело встречать невнимание к себе в местах, где, судя по размерам владений, предки ваши занимали такое видное положение.

– Совершенно верно, мистер Мэннеринг, я человек простой и не особенно-то обращаю на это внимание; надо сказать, я просто забываю об этом. Но послушали бы вы, что мой отец рассказывал, какие прежде битвы вели Мак-Дингауэи, которые и есть теперешние Бертрамы, с ирландцами и здешними горцами, теми, что приезжали в своих повозках из Илэя и Кентайра, да как они в Святую землю ходили, в Иерусалим и в Иерихон, со всем своим кланом...^[72] Уж лучше бы они поехали куда-нибудь на Ямайку^[73], как дядюшка сэра Томаса Киттлкорта!.. Да еще как они привезли домой разные реликвии, вроде тех, что у католиков, и знамя, что лежит

там вон, на чердаке. Если бы они привозили вместо этого побольше муската и рома, дела наши были бы теперь в лучшем положении. А что до старого дома Киттлкорта, так его и сравнить нельзя с замком Элленгауэнов, там, наверно, и сорока футов нет в длину... Но вы ничего не едите, мистер Мэннеринг, вы и к мясу даже не притронулись. Не угодно ли семги? Эту рыбу вот Джон Хей поймал, уже больше трех недель, у нас на реке, за Хемпсидским бродом...

Вначале, когда лэрд был еще охвачен порывом негодования, ему приходилось держаться какого-то одного предмета разговора, теперь же он снова перешел к своей бессвязной болтовне. Благодаря этому у Мэннеринга оказалось много свободного времени, чтобы подумать обо всех отрицательных сторонах того положения, которое еще час тому назад казалось ему достойным зависти. Перед ним был помещик, лучшим качеством которого было его полнейшее добродушие; и что же, этот человек втихомолку раздражался и ворчал на других, причем из-за сущих пустяков, которые и в сравнение не могли идти с настоящим жизненным горем. Но Провидение справедливо. Тем, кто на пути своем не встречает больших потрясений, достаются мелкие неприятности, которые в такой же мере нарушают их душевный покой. Каждому из читателей случалось, вероятно, наблюдать, как ни природное спокойствие, ни мудрость, приобретенная в жизни, не избавляют провинциальных дворян от огорчений, связанных с выборами, судебными сессиями и собраниями доверенных лиц.

Мэннеринг, которого интересовали обычаи и нравы страны, воспользовался тем, что добрейший мистер Бертрам прервал на мгновение поток своих излияний, чтобы осведомиться, чего же капитан Хаттерайк так настойчиво добивался от цыганки.

– Да, должно быть, просил ее благословить корабль. Надо вам сказать, мистер Мэннеринг, что эти вольные купцы, которых закон именует контрабандистами, обходятся совсем без религии, но зато полны суеверий. И у них в ходу множество разных заклинаний, заговоров – словом, всякого вздора.

– Суета! – заметил Домини. – И еще хуже: тут сам дьявол руку приложил. Заклинания, заговоры и амулеты – это все его принадлежности, это самые отборные стрелы из колчана Аваддона^[74].

– Помолчите лучше, Домини, никогда вы другим ничего сказать не дадите. (Заметим, кстати, что это были первые слова, сказанные нашим бедным учителем за целое утро, если не считать молитвы перед завтраком.) Мистер Мэннеринг из-за вас и слова не может вымолвить! Итак, мистер Мэннеринг, раз уж речь зашла об астрологии, заклинаниях и тому подобных вещах, скажите, удалось ли вам заняться тем, о чем мы с вами говорили вчера вечером?

– Я начинаю думать, мистер Бертрам, так же, как и ваш почтенный друг, что я играл в опасную игру, и хоть ни вы, ни я и ни один из здравомыслящих людей не станет верить предсказаниям астрологии, иногда, однако, случалось, что попытки узнать будущее, предпринятые ради шутки, имели потом глубокое и неблагоприятное влияние на поступки и характеры людей; поэтому я бы очень хотел, чтобы вы избавили меня от необходимости отвечать сейчас на ваш вопрос.

Само собой разумеется, что такой уклончивый ответ только разжег любопытство лэрда. Мэннеринг, однако, решил не подвергать ребенка всем неприятностям, которые могли осложнить его жизнь, если бы отец узнал о грозившей ему опасности. Поэтому он передал Бертраму гороскоп в запечатанном конверте, прося его не срывать печать, раньше чем не пройдет пять лет и не минует ноябрь последнего года. По истечении этого срока он разрешал вскрыть конверт, считая, что если первый роковой период окончится для ребенка благополучно, то остальным предсказаниям верить никто не будет. Бертрам охотно обещал ему поступить в точности, как он говорил, а Мэннеринг, дабы утвердить его в этом решении, намекнул еще, что в противном случае ребенка неминуемо постигнет беда. Оставшаяся часть дня, которую Мэннеринг, по просьбе Бертрама, провел в Элленгауэне, не ознаменовалась никакими событиями, а на следующее утро наш путешественник сел на коня, любезно попрощался с гостеприимным

хозяином и его неизменным собеседником, пожелал еще раз всего наилучшего семье лэрда, а потом, поворотив коня в сторону Англии, скрылся от взоров обитателей Элленгауэна. Он скроется также и от взоров наших читателей, чтобы появиться снова уже в другой, более поздний период своей жизни, о котором и будет идти речь в нашем рассказе.

Глава VI

*...А вот судья.
Он пузо отрастил на каплунах.
Суровый взгляд, седая борода
И ворохи готовых назиданий, –
Чтоб роль свою играть.*

«Как вам это понравится?»^[75]

Когда миссис Бертрам поправилась уже настолько, что ей можно было рассказать обо всем, что произошло за время ее болезни, комната ее просто гудела от всевозможных толков о красавце студенте из Оксфорда, предсказавшем по звездам судьбу молодого лэрда, – «да благословит Господь этого молодого красавчика!». Много говорилось о внешности, голосе и манерах гостя, не забыли также и о его коне, об узде, седле и стременах. Все это, вместе взятое, произвело сильное впечатление на миссис Бертрам, так как леди эта была не в малой степени суеверна.

Как только она смогла взяться за работу, она первым делом сшила маленький бархатный мешочек для хранения гороскопа, переданного ей лэрдом. Ей очень хотелось сорвать печать, но суеверие оказалось сильнее, чем любопытство, и у нее хватило духу обернуть конверт двумя листами пергамента, чтобы не повредить печать, и сшить эти листы. Потом она положила все в бархатный мешочек и повесила в виде талисмана ребенку на шею; таким образом она и решила хранить его, пока не настанет пора удовлетворить ее любопытство.

Отец же решил сделать все от него зависящее для того, чтобы мальчик мог получить хорошее образование, и так как предполагалось начать его обучение с самого раннего возраста, то Домини Сэмсона без особого труда уговорили отказаться от своей должности сельского учителя и переехать на постоянное жительство в замок, причем жалованье ему назначили меньше того, которое получал лакей. За это скудное вознаграждение Домини согласился передать будущему лэрду Элленгауэну все те знания, которые у него были, и все светские манеры, которых у него, сказать по правде, вовсе не было, но об отсутствии которых он так и не догадывался. Это, впрочем, было и в интересах самого лэрда, так как он приобретал тем самым постоянного слушателя, которому мог рассказывать с глазу на глаз все свои истории и к тому же свободно подшучивать над ним при гостях.

Года через четыре после этого в графстве, где находился замок Элленгауэн, произошли большие перемены.

Наблюдавшие за ходом событий давно уже считали, что в стране готовится смена министерства. И в конце концов, после соответственного количества надежд, опасений и отсрочек, после слухов, как достоверных, так порой и не очень-то достоверных или даже совсем недостоверных, после многочисленных пирушек в клубах, за которыми одни кричали «да здравствует такой-то», а другие – «долой такого-то», после разных поездок верхом и в каретах, после всяких адресов и протестов, после подачи голосов «за» и «против», – последний удар был нанесен, министерство пало, а за ним, как и следовало ожидать, был распущен парламент.

Сэр Томас Киттлкорт, подобно другим членам парламента, оказавшимся в одинаковом положении с ним, примчался на почтовых в свое графство, но встретил там довольно холодный прием. Он был сторонником прежнего правительства, а друзья вновь сформированного уже деятельно собирали голоса в пользу Джона Фезерхеда, эсквайра^[76], у которого были самые лучшие борзые собаки и самые замечательные конюшни в целом графстве. В числе присоединившихся к этому движению был некий Гилберт Глоссин, писец в *** и доверенный лэрда

Элленгауэна. Этот достойный джентльмен, очевидно, или получил в свое время отказ в какой-либо просьбе от бывшего члена парламента, или, что столь же вероятно, сумел добиться через его посредство всего, что ему могло тогда понадобиться, и в силу этого ожидал для себя новых благ только от другой партии. У Глоссина был один голос по имени Элленгауэн, а теперь он решил помочь своему патрону получить еще один голос – он не сомневался в том, что Бертрам примкнет к той же стороне. Он без труда убедил Элленгауэна, что для него будет выгодно стать во главе как можно большего числа избирателей, и немедленно начал набирать голоса по способу, известному каждому шотландскому законоведу. Способ этот состоял в том, что большое поместье разделялось на более мелкие участки, причем фиктивные владельцы их получали избирательные права. Баронство было так обширно, что, урезав и сократив один участок, увеличив за его счет другой и создавая новоиспеченных лэрдов во всех владениях, полученных Бертрамом от короля, они в решающий день возглавили целый десяток новых фиктивных избирателей. Это мощное подкрепление и решило исход борьбы, который без этого был бы сомнителен. Лэрд и его доверенный разделили выпавшую им честь, награда же досталась исключительно последнему. Гилберт Глоссин был назначен секретарем местного суда, а имя Годфри Бертрама было внесено в новый список судей сразу же после первого заседания парламента.

Это было пределом всех мечтаний нашего честолюбивого Бертрама, и вовсе не потому, что ему по душе были хлопоты и ответственность, связанные с должностью судьи. Нет, ему казалось, что он заслужил право получить эту почетную должность и что до этого она ускользала от него исключительно по вине злонамеренных людей. Но существует старая и верная шотландская пословица: «Не давай дураку ножа в руки», то есть ничего такого, чем он мог бы нанести вред другому. Едва только Бертрам вступил в права судьи, которых он так долго домогался, как он начал проявлять больше строгости, нежели снисхождения, и начисто разрушил сложившееся ранее мнение о своей флегматичности и добродушии. Мы где-то читали рассказ об одном мировом судье, который, едва его избрали на эту должность, послал письмо книгопродавцу и, вместо того чтобы написать: «Пришлите мне свод законов, необходимых мировому судье», написал: «Пришлите мне взвод драконов, необходимых мировому судье». Можно с уверенностью сказать, что, вступив в свои права, этот ученый муж начал действительно по-драконовски расправляться с существующими положениями юриспруденции. Бертрам не был таким невеждой в английском языке, как его досточтимый предшественник, но зато по части расправы с людьми он, безусловно, превзошел остальных.

Он самым серьезным образом считал полученную им почетную должность знаком личного расположения короля, забывая, что еще совсем недавно сам уверял, что лишился права, подобающего всем людям его звания, просто-напросто в результате мелких интриг внутри его партии. Он приказал своему верному адъютанту Домини прочесть вслух указ об его утверждении, и при первых же словах: «Королю угодно было назначить», – он воскликнул в порыве признательности: «Какой благородный человек! Уж конечно, не могло это ему быть более угодно, чем мне».

Поэтому, не желая ограничивать свою благодарность одними чувствами или словами, он дал волю своему внезапно вспыхнувшему служебному рвению, стараясь доказать неутомимой деятельностью, как много для него значит оказанная ему честь. Новая метла, говорят, хорошо метет. И я сам могу засвидетельствовать, как при появлении в доме новой служанки древние, потомственные, ставшие уже неотъемлемой принадлежностью дома пауки, которые во время мирного царствования ее предшественницы свили себе паутину на нижних полках моей библиотеки (где находились преимущественно книги по богословию и юриспруденции), пускались бежать во всю прыть. Так вот и лэрд Элленгауэн безжалостно взялся за судебские реформы на горе разным заслуженным ворами и мошенникам, которые уже не менее полстолетия были его соседями. Он натворил чудес наподобие герцога Хамфри^[77]. С помощью своего судебного

жезла он сделал так, что хромы зашагали, слепые прозрели, а разбитые параличом стали трудиться. Он выслеживал браконьеров и тех, кто тайком ловил рыбу, воровал фрукты и охотился на голубей. Его новые коллеги превозносили его, и за ним установилась слава деятельного судьи.

Но все эти добрые дела имели и свою дурную сторону. Уничтожая даже самое очевидное, но застарелое зло, делать это следует всегда осторожно. Рвение нашего почтенного друга ставило в тяжелое положение некоторых людей, чью праздность и тунеядство он совсем еще недавно до такой степени поощрял своею же собственною *lachesse*⁹, что они уже не могли отделаться от этих привычек; они действительно до такой степени потеряли способность к какому бы то ни было труду, что превратились, по их собственному выражению, в людей, которым каждый добрый христианин должен помогать. Всем известный нищий, который уже лет двадцать регулярно обходил соседние поместья и которого принимали там скорее как смиренного гостя, чем как назойливого попрошайку, был отправлен в ближайший работный дом. Дряхлая старуха, которую все время перетаскивали на носилках из дома в дом и которую, как стершуюся монету, каждый старался поскорее сбыть другому, причем она требовала носильщиков едва ли не громче, чем требуют почтовых лошадей, – и та не миновала этой плачевной участи. Дурачок Джок, полуидиот-полуплут, который уже добрых полвека служил забавой всем подрастающим поколениям мальчишек, был заключен в местную тюрьму, где, лишенный солнца и воздуха, единственного, чему он мог еще радоваться в жизни, заболел и через шесть месяцев умер. Старый матрос, который столько времени оглашал прокопченные стены кухонь песнями о капитане Уорде^[78] и о храбром адмирале Бенбоу^[79], был изгнан из пределов графства за то только, что будто бы говорил с сильным ирландским акцентом. Усердие нового судьи в деле управления местной полицией дошло до того, что он запретил даже приезжать в графство бродячим торговцам, которые до этого появлялись там ежегодно.

Все это не могло пройти незамеченным и не вызвать нареканий. Сами-то мы ведь не из дерева и не из камня, и то, что стало для нас любимым и привычным, нельзя отодрать так легко и безболезненно, как мох или старую кору. Жене фермера было не по себе оттого, что она не знала, что творится на свете, а может быть, и оттого, что она лишилась удовольствия раздавать милостыню в виде пригоршней овсяной муки нищим, которые приносили ей новости. В хозяйстве всегда чего-то недоставало из-за того, что торговцы перестали ходить со своими товарами по домам. Дети лишены были игрушек и лакомств, молодым женщинам не хватало булавок, лент, гребней и новых песенок, а старухи не могли уже, как прежде, менять яйца на соль и на нюхательный или курительный табак. Все эти перемены вызвали недовольство не в меру ретивым лэрдом Элленгауэном, и недовольство это стало тем более явным оттого, что прежде он пользовался такой любовью. Даже древность его рода стала доводом против него. «Не беда, если это делает какой-нибудь Гринсайд, или Бернвил, или Вьюфорт, – говорили люди, – они ведь здесь совсем недавно, но Элленгауэн! Это имя испокон века славится, и чтобы он вдруг стал так притеснять бедных! Деда его прозвали нечестивым лэрдом, но тот, хоть и буйствовал изрядно, когда выпьет в компании, – а бывало это нередко, – никогда бы себя таким позором не покрыл. Нет уж! В старом замке раньше камин горел, словно костер, и на дворе у него не меньше бедняков собиралось кости глотать, чем наверху дворян пировало. А леди в рождественский сочельник каждый год нищим по двенадцати серебряных монет подавала в память двенадцати апостолов. Говорили, что у папистов^[80] такой обычай есть; ну, господам нашим не худо иной раз у этих папистов поучиться. Они помогали бедным не так, как нынче водится, когда раз в неделю, в субботу, им сунут шестипенсовую монетку, а все шесть дней только и знают что стегать, дубасить и давать пинки».

⁹ Беспечностью (*неправ. фр.*).

Такие толки шли в каждом кабаке за кружкой пива, в трех-четыре милях от Элленгауэна, что и составляло диаметр орбиты, главным светилом которой являлся наш друг Годфри Бертрам, эсквайр, М. С. Еще больше развязались злые языки, когда был изгнан цыганский табор, в течение многих лет располагавшийся во владениях Элленгауэна, табор, с одной из представительниц которого наш читатель уже немного знаком.

Глава VII

*Сюда, возжди растрепанных полков,
Родня по крови. Вор – наш грозный возждь,
И все вы, как бы там вы ни звались –
Пройдоха, Пустомеля, Крыса, Конь,
Монах и Нищий, – все ко мне сюда!*

«Куст нищего»^[81]

Хотя все знают, что представляют собою цыгане, некогда наводнявшие большинство европейских стран, да и теперь еще в какой-то мере существующие как самостоятельная народность, читатель простит меня, если я расскажу немного об их положении в Шотландии. Хорошо известно, что в прежние времена один из шотландских королей^[82] признавал за цыганами право быть самостоятельным и независимым народом и что впоследствии положение их ухудшилось с введением закона, который приравнивал их к самым обыкновенным ворами и предписывал наказывать их наравне с теми. Несмотря на строгость и этих и некоторых других законоположений, цыгане благоденствовали среди бедствий, которыми была охвачена страна, и таборы их получали значительные пополнения из числа тех, кого голод, угнетение или меч войны лишали привычных средств к существованию. Благодаря этому притоку новых людей цыгане в значительной мере утратили свои национальные особенности и стали каким-то смешанным племенем, сочетавшим лень и склонность к воровству своих восточных предков с жестокостью, которую они, возможно, переняли от влившихся в их ряды северян. Цыгане кочевали, разделившись на отдельные группы, и у них были свои законы, по которым каждый табор не должен был переходить границы определенного района. Малейшее вторжение в пределы, установленные для другого табора, служило причиной отчаянных схваток, в которых нередко проливалось много крови.

Некий Флетчер из Солтуна^[83], человек патристически настроенный, около столетия тому назад так изобразил этих разбойников, что мои читатели, прочтя его описание, будут, вероятно, изумлены:

«В Шотландии имеется сейчас (не считая множества бедных семейств, живущих на скудное церковное подаяние, и других, страдающих различными недугами от плохого питания) двести тысяч человек, занимающихся попрошайничеством, и хотя число их, может быть, даже удвоилось из-за страшного бедствия, постигшего теперь страну, в прежнее время тоже было около сотни тысяч бродяг, которые жили, не только не признавая законов государства и не подчиняясь им, но и не считаясь ни с какими божескими и человеческими законами. Ни одному чиновнику не удалось увидеть, как умирают эти несчастные и крестят ли они своих детей. Среди них часто происходили убийства. Словом, мало того, что цыгане эти являются невыносимой обузой для местных жителей (ибо этим последним приходится наделять хлебом или другими продуктами, по меньшей мере, человек сорок в день, чтобы только не подвергнуться нападению с их стороны), они грабят еще и разных бедняков, дома которых отстоят далеко от селений. В урожайные годы многие тысячи цыган собираются в горах, где они пируют и бесчинствуют по нескольку дней подряд, а на всех свадьбах, похоронах, а также на ярмарках или других сборищах они всегда тут как тут и, как мужчины, так и женщины, напиваются, ругаются, богохульствуют и дерутся между собой».

Несмотря на то что приведенный отрывок рисует картину весьма печальную и даже такой яркий и красноречивый поборник свободы, как Флетчер, единственным выходом из создавшегося положения считает введение системы домашнего рабства, – само время, улучшивши-

еся условия жизни и укрепившиеся законы постепенно ограничили распространение этого страшного зла. Шайки цыган, бродяг или жестянщиков, как люди называли этих бандитов, стали менее многочисленны, а некоторые из них и вовсе исчезли. Однако все же их осталось немало, и, во всяком случае, достаточно, чтобы повергать местных жителей в тревогу и навсегда лишить их покоя. Некоторые ремесла целиком перешли в руки этих бродяг, особенно же изготовление деревянных тарелок, роговых ложек и вся премудрость жестяного дела. К этому присоединилась еще и мелкая торговля грубыми гончарными изделиями. Таковы были те видимые пути, которыми цыгане добывали себе средства к существованию. У каждого табора обычно имелось постоянное место сборищ, где на время цыгане разбивали лагерь; вблизи него они воздерживались от грабежей. У них были свои способности и таланты, которые делали их пребывание тем желательным и даже полезным. Многие из них были, например, хорошими музыкантами, и нередко оказывалось, что любимый скрипач или волынщик целой округи был цыганом. Они искусно охотились на дичь и на выдру и были хорошими рыболовами. Цыгане разводили самых лучших и самых храбрых терьеров; иногда у них можно было купить хороших легавых. Зимой женщины гадали, мужчины показывали фокусы, и все это часто помогало скоротать какой-нибудь ненастный или просто скучный вечер в доме фермера. Их дикий нрав и неукротимая гордость, с которой они презирали повседневный труд, заставляли бояться их – и боязнь эта еще усиливалась оттого, что бродяги эти были народом злопамятным и стоило кому-нибудь оскорбить их, как ничто уже, ни страх, ни совесть, не могло удержать их от жестокой мести. Одним словом, это были своего рода шотландские *парии*, жившие среди европейских поселенцев наподобие каких-то диких индейцев, так что судить о них приходилось тоже больше по их собственным обычаям, нравам и взглядам, не причисляя их к цивилизованной части общества. Отдельные шайки цыган существуют и поныне; тяготеют они по преимуществу к таким местам, откуда легко бывает сбежать на незаселенные земли или в соседние владения. Да и черты их характера не очень-то смягчились. Численность их, однако, настолько уменьшилась, что вместо ста тысяч, как это выходило по подсчетам Флетчера, во всей Шотландии теперь, пожалуй, не насчитать и пятисот цыган.

Табор, к которому принадлежала Мег Меррилиз, давно уже более или менее оседло обосновался, насколько это вообще было возможно для цыган с их привычкой к кочевой жизни, в узком ущелье на землях Элленгауэна. Там они выстроили себе несколько хижин, привыкли называть их своим «убежищем» и, возвращаясь с кочевья, не тревожимые никем, укрывались там, точь-в-точь как воронье, рассеявшееся вокруг них на старых ясенях. Они так давно здесь поселились, что их считали в некотором роде собственниками жалких лачуг, в которых они жили. Говорят, что еще в давние времена они отплачивали лэрду за это покровительство, оказывая ему помощь на войне или, что чаще бывало, принимая участие в нападениях на соседние земли, принадлежавшие баронетам, с которыми лэрду случалось быть в ссоре. Впоследствии они стали оказывать услуги более мирного характера. Женщины вязали перчатки для леди и шерстяное белье для лэрда, которые торжественно вручались им на Рождество. Старые сивиллы благословляли брачную постель лэрда, когда он венчался, и колыбель, когда на свет появлялся новорожденный. Мужчины склеивали для «ее милости» разбитый фарфор и помогали лэрду на охоте, подрезали подъязычные уздечки собакам и уши щенкам терьеров. Дети собирали орехи в лесу, клюкву на болотах и грибы и несли все это в замок в виде дани. Такого рода добровольные услуги и признание своей зависимости от лэрда в одних случаях вознаграждались его заступничеством, в других – попустительством; иногда же, если обстоятельства побуждали лэрда проявить щедрость, он угощал их остатками со своего стола, пивом и водкой. Эти взаимные услуги, обмен которыми велся уже не менее двух столетий, делали цыган, живших в Дернклю, своего рода привилегированными обитателями поместья Элленгауэн. «Плуты» были добрыми приятелями лэрда, и он считал бы себя обиженным, если бы его

покровительства оказалось вдруг недостаточно, чтобы защитить их от существующего закона и от местных его ревнителей. Но этой дружбе скоро должен был прийти конец.

Дернклёйские цыгане заботились только о своей собственной братии, и их нимало не тревожило, что судья слишком строго обходился со всеми прочими бродягами и плутами. Они были уверены, что решимость лэрда изгнать всех нищих и бродяг не касалась тех, которые обосновались на его собственной территории и занимались своим ремеслом с его непосредственного согласия, то ли высказанного вслух, то ли молчаливого, да и сам Бертрам не очень-то торопился употребить недавно приобретенную им власть против этих старожилов его владений. Обстоятельства, однако, его к этому принудили.

На одной из судебных сессий некий дворянин, принадлежавший к враждебной лэрду партии, публично упрекнул нашего нового судью в том, что, проявляя такое рвение к общественным делам и стремясь завоевать славу деятельного судьи, он в то же время привлекает у себя табор отъявленных мошенников, известных по всей стране, и разрешает им укрываться в расстоянии какой-нибудь мили от своего замка. На это нечего было возразить, ибо факт был слишком очевиден и хорошо всем известен. Лэрду пришлось проглотить эту пилюлю, а по дороге домой он задумался над тем, как легче всего избавиться от этих кочевников, которые вдруг так замарали его ничем не запятнанную славу судьи. Едва он принял решение воспользоваться первым же поводом, чтобы поссориться с дернклёйскими париями, как случай представился сам собой.

Как только Бертрам сделался блюстителем общественного порядка, он велел починить и навесить ворота у входа в аллею, ведущую к замку. Раньше эти ворота болтались на одной петле и постоянно оставались гостеприимно отворенными; теперь же их навесили как следует и старательно покрасили. Лэрд приказал также закрыть все бреши в изгороди столбами и хитро перевитым кустарником. До этого маленькие цыганята забирались в сад искать птичьи гнезда, старшие, проходя тем же садом, сокращали себе дорогу, а парни и девушки любили устраивать там по вечерам свидания; все это раньше никому не мешало, и на это не требовалось ничего разрешения. Но этим блаженным дням настал теперь конец, и грозная надпись на одной стороне ворот гласила: «Буду наказывать, следуя законам (по ошибке было написано: «преследуя законом» – *l'un vaut bien l'autre*¹⁰), каждого, кто будет пойман за оградой». С другой стороны для симметрии было помещено предостережение, что расставлены силки и капканы такой страшной силы, что, как говорилось в заглавной части объявления и как было отмечено выразительным *nota bene*¹¹, «если человек попадется, то у лошади его все кости будут переломаны».

Невзирая на эти угрозы, шестеро цыганских мальчиков и девочек, уже не очень маленьких, уселись верхом на новые ворота и стали качаться на них и сплетать венки из цветов, нарванных, очевидно, по ту сторону ограды. Со всею яростью, может быть, впрочем, напускной, которую он только был способен проявить, лэрд приказал им слезть с ворот, но они не обратили на это ни малейшего внимания. Тогда он начал стаскивать их, одного за другим вниз; они не давались, и каждый из этих крепких черномазых плутов вцеплялся что было силы в ворота, а едва только его стаскивали на землю, как он взбирался на них снова.

Тогда лэрд позвал на помощь слугу, угрюмого парня, который тут же пустил в ход хлыст. Несколько взмахов этого хлыста разогнали всю ораву, и мирным отношениям между замком Элленгауэн и дернклёйскими цыганами пришел конец.

Цыгане первое время никак не могли представить себе, что им и на самом деле объявлена война, но потом они своими глазами увидели, что детей их секут, если поймают за оградой замка, что ослов, оставленных на лугу или даже, вопреки всем шоссейным законам, просто

¹⁰ Одно стоит другого (*фр.*).

¹¹ Обрати внимание (*лат.*).

пасущихся около дороги, забирают, что констебль начал наводить подробные справки о том, на какие средства цыгане существуют, и выразил удивление, что эти люди спят целыми днями в своих лачугах, а большую часть ночи пропадают неизвестно где.

Когда дело дошло до этого, цыгане уже без всяких колебаний решили свести свои счета с лэрдом. Они стали очищать курятники Элленгауэна, красть развешанное для просушки белье, вылавливать рыбу в прудах, уводить собак, подрезали немало молодых деревьев, а с иных содрали кору. Они причинили и много других мелких неприятностей, и все это делалось преднамеренно, чтобы досадить Бертраму. А в ответ только и сыпались беспощадные приказы: выследить, разыскать, захватить, арестовать; и, несмотря на всю ловкость, кое-кто из цыган не смог увильнуть от расплаты. Одного молодого, здорового парня, который выходил иногда в море ловить рыбу, отдали в матросы, двух детей крепко высекли, а одну старуху цыганку отправили в исправительный дом.

Однако цыгане и не подумали оставить свое насиженное место, да и Бертраму не особенно хотелось, чтобы они лишились своего давнего «убежища», и все эти мелкие враждебные действия, о которых мы говорили, продолжались в течение нескольких месяцев, не усиливаясь, но и не ослабевая ни с той ни с другой стороны.

Глава VIII

*Так, сызмала воспитанный на ложе
Из икуры барса, дикий краснокожий,
С тоскою увидав, как чужаки
Свой белый город строят у реки
В местах родных, – и хижину, и горы,
И вод Огайо тихие просторы
Бросает в гнев и в конце концов
Бежит куда-то прочь от пришлецов,
Всё дальше в глушь, в нетронутые чащи
С их тьмою, с их прохладною живящей.*

«Сцены детства»^[84]

Описывая начало и дальнейший ход этой маронской войны^[85] в Шотландии, мы не должны упускать из виду, что годы шли своим чередом и что маленькому Гарри Бертраму (одному из самых живых и резвых мальчуганов, которые когда-либо размахивали деревянным мечом и щеголяли в картонном шлеме) скоро уже должно было исполниться пять лет. Рано развившаяся природная смелость сделала из него маленького путешественника. Он отлично знал каждый лужок и каждую ложину в окрестностях Элленгауэна и мог рассказать на своем детском языке, в каком овраге растут самые красивые цветы и в какой роще уже созрели орехи. Он уже не раз пугал слуг, карабкаясь по развалинам старого замка, и даже потихоньку убегал к цыганским хижинам.

Оттуда его обычно приводила домой Мег Меррилиз; хотя, после того как племянника ее забрали в матросы, никакая сила не заставила бы ее прийти в замок, неприязнь ее к лэрду не распространялась, по-видимому, на ребенка. Напротив, она часто поджидала его где-нибудь, когда он гулял, пела ему цыганские песни, катала его на своем осле и старалась сунуть ему в карман кусок пряника или румяное яблоко. Многолетняя привязанность этой женщины к семье лэрдов теперь, когда ее так грубо оттолкнули, не находила себе другого исхода, и Мег как будто радовалась тому, что есть еще существо, на которое она сможет излить всю теплоту этого чувства. Она сто раз повторяла, что юный Гарри будет гордостью всего рода и что старый дуб не давал еще такого отростка, начиная с самой смерти Артура Мак-Дингауэя, убитого в сражении при Кровавой Бухте; теперешний же ствол этого рода годится только на то, чтобы топить печи. Однажды, когда ребенок захворал, она просидела всю ночь под его окном, напевая свои заклинания против болезни, и ничто не могло заставить ее ни войти в дом, ни оставить свой пост до тех пор, пока она не узнала, что опасность миновала.

Такая привязанность цыганки к ребенку стала казаться подозрительной, но не самому лэрду, который вовсе не был склонен так поспешно подозревать людей во всем дурном, а его жене, женщине слабой и недалекой. Сейчас она была на последнем месяце второй беременности, и, так как сама она уже не могла выходить, а нянька, которой был поручен ребенок, была молода и легкомысленна, леди просила Домини Сэмсона присматривать за мальчиком во время его прогулок. Домини любил своего маленького ученика и был в восторге, оттого что сумел научить его читать по складам трехсложные слова. От одной мысли о том, что это маленькое чудо могут украсть цыгане, подобно тому как это случилось с Адамам Смитом¹², ему

¹² Отец экономической философии действительно в детстве был однажды украден цыганами и провел несколько часов в их таборе. (Примеч. авт.)

становилось не по себе, и поэтому, хоть подобные прогулки и шли вразрез со всеми его привычками, он с готовностью взялся сопровождать маленького Гарри. Гуляя с ним, Домини ничего не стоило остановиться где-либо на дороге и заняться решением математической задачи. При всем этом он, однако, не спускал глаз с малютки, шалости которого не раз ставили его в весьма затруднительное положение. Два раза за бедным учителем гналась бодливая корова; однажды, переходя по камням ручей, он споткнулся и упал в воду; еще как-то, пытаясь сорвать для будущего лэрда водяную лилию, он увяз по пояс в Лохендском болоте. Деревенские женщины, которые на этот раз выручили Домини из беды, пришли к убеждению, что «огородное пугало и то лучше бы о ребенке позаботилось», но наш добрый Домини сносил все свои злоключения с непоколебимой серьезностью и с невозмутимым спокойствием. Слово «у-ди-ви-тельно!» было по-прежнему единственным восклицанием, когда-либо срывавшимися с уст этого терпеливого человека.

Лэрд к тому времени решился раз и навсегда покончить с обитателями Дернклю. Старые слуги, узнав об этом, только качали головой; даже Домини Сэмсон и тот осмелился высказать вслух свое неодобрение. Но так как оно было выражено загадочными словами: «*Ne moveas Camerinam*»¹³, то Бертрам не понял ни намека, ни языка, на котором это было сказано, и изгнание цыган начало осуществляться по всем правилам закона. Явившийся для этой цели чиновник пометил двери каждой хижины мелом в знак того, что они должны быть очищены к определенному сроку. И все же цыгане не проявляли ни малейшего желания подчиниться этому решению и уйти. Наконец роковой день святого Мартина настал, и началось насильственное выселение. Хорошо вооруженный полицейский отряд, вполне достаточный, чтобы сделать всякое сопротивление бесполезным, приказал всем цыганам выбраться не позднее чем к полудню, а так как они не повиновались, полицейские начали срывать с домов кровли, ломать окна и двери. Это был самый решительный и верный способ выселения, который и до сих пор еще применяется в некоторых отдаленных частях Шотландии, когда постоялец отказывается покинуть дом. Цыгане первое время глядели на все это разрушение угрюмо и молчаливо; потом они стали седлать и выючить ослов и готовиться к отъезду. Им легко было это сделать, потому что у всех у них была привычка к кочевой жизни, и они пустились в путь, чтобы найти где-нибудь новые земли, владелец которых не был бы ни заседателем, ни мировым судьей.

Какое-то тайное смущение удержало Элленгауэна от того, чтобы лично присутствовать при изгнании цыган. Он предоставил исполнение этого дела полицейскому отряду под непосредственным руководством Фрэнка Кеннеди, таможенного чиновника, который за последнее время стал частым гостем замка и о котором нам придется еще говорить в следующей главе. Сам же Бертрам решил в этот день нанести визит одному из своих друзей, жившему довольно далеко от Элленгауэна. Но вышло так, что, несмотря на эту предосторожность, он не смог избежать встречи со своими бывшими подопечными в то время, когда они уходили из его владений.

Бертрам встретил процессию цыган на пустынном крутом перевале, у самой границы Элленгауэна. Четверо или пятеро мужчин шли впереди; все они были закутаны в широкие серые плащи, скрывавшие очертания их худых, высоких фигур; надвинутые на самые брови широкополые шляпы роняли тень на их дикие, загорелые лица и черные глаза. Двое из них были вооружены длинными охотничьими ружьями, у третьего был палаш, и, кроме этого, у каждого было еще по шотландскому кинжалу, спрятанному под плащом. За ними следовала вереница навьюченных ослов и небольших телег, или повозок, на которых ехали больные и немощные, старики и маленькие дети. Женщины в красных плащах и в соломенных шляпах и

¹³ Не трогай города Камерина* (*лат.*)* *Камерин* – греческий город на юге Сицилии; основанный в 599 г. до н. э., он несколько раз разрушался и восстанавливался и окончательно был razoren, как карфагенское владение, римлянами во время Первой пунической войны (258 г. до н. э.). Вопреки совету дельфийского оракула жители Камерина осушили болото, преграждавшее путь врагам, и погубили город. Выражение, приведенное в романе, – латинский перевод греческой поговорки, употреблявшейся в смысле: «Не связывайся».

дети постарше, почти совершенно нагие, босые и ничем не защищенные от солнца, присматривали за маленьким караваном. Узкая дорога проходила между двумя песчаными холмами. Слуга Бертрама поехал вперед, самоуверенно щелкая бичом и делая цыганам знак потесниться и пропустить лэрда. Никто не обратил на него внимания. Тогда он крикнул мужчинам, которые лениво шагали впереди:

– Уберите ваших ослов и дайте дорогу лэрду!

– Хватит ему и так дороги, – ответил один из цыган, поднимая глаза из-под низко надвинутой шляпы, – больше ему не положено: проезжая дорога для всех – и для наших ослов и для его лошадей.

Так как сказано это было мрачно и даже с угрозой в голосе, Бертрам решил, что лучше всего будет особенно не настаивать на своих правах и объехать караван в том месте, где ему уступили дорогу, как бы узка она ни была. Для того чтобы скрыть под видом равнодушия огорчение, что к нему отнеслись так неуважительно, Бертрам обратился к одному из цыган, который прошел мимо, даже и не поклонившись ему и сделав вид, что его не узнал:

– Джайлс Бейли, ты знаешь, что сыну моему Габриелю живется совсем неплохо? (Слова его имели в виду того парня, который был взят в матросы.)

– Если бы я узнал, что это не так, – сказал старик, подняв на лэрда суровый, полный гнева взгляд, – то и ты бы тоже об этом узнал. – И он побрел своей дорогой, не дожидаясь других вопросов¹⁴.

Когда лэрд с трудом пробивался сквозь толпу хорошо знакомых ему людей, которые в прежние времена всегда встречали его с почтением, обычно воздаваемым особам знатным, он увидел, что на их лицах можно было прочесть только ненависть и презрение. Выбравшись из их толпы, он невольно повернул лошадь и оглянулся на уходивший караван. Все это шествие могло бы послужить прекрасным сюжетом для какого-нибудь офорта Калло^[86].

Шедших впереди уже не было видно, а остальные постепенно исчезали в низенькой рощице у подножия горы и один за другим скрывались за деревьями, пока наконец не исчезли и последние путники.

Чувство горечи охватило Бертрама. Люди, которых он так, ни с того ни с сего, выгнал из их древнего убежища, действительно были ленивы и порочны, но сделал ли он хоть что-нибудь, чтобы они переменялись к лучшему? Они ведь вовсе не стали хуже по сравнению с тем, чем были тогда, когда им было позволено находиться под покровительством и под властью его предков; так неужели же одно только назначение на должность судьи могло заставить его отнестись к ним иначе? Следовало, по крайней мере, испробовать какие-то средства к исправлению их, прежде чем пускать сразу по миру семь семейств, лишив их даже той более или менее устойчивой жизни, которая, как бы то ни было, удерживала их от самых тяжких преступлений. В сердце его закрадывалась грусть оттого, что теперь приходится расставаться с множеством таких привычных и знакомых людей. Такого рода чувства особенно легко овладевали Годфри Бертрамом, потому что, в силу ограниченности своего ума, он всегда искал развлечений в мелочах повседневной жизни. Когда он уже поворачивал лошадь, чтобы продолжать свой путь, Мег Меррилиз, отставшая от своего каравана, неожиданно появилась перед ним.

Она стояла на одном из крутых холмов, которые окаймляли дорогу: таким образом, она оказывалась выше Элленгауэна, хотя тот сидел верхом на лошади. Ее высокая фигура на фоне ясного голубого неба, казалось, приняла какие-то нечеловеческие очертания. Мы уже говорили, что в одежде ее, вернее, в том, как она ее носила, было что-то иноземное, то ли искусно придуманное, чтобы усилить действие ее заклинаний и прорицаний, то ли просто взятое из традиционной национальной одежды цыган. На голову она в виде тюрбана намотала большой лоскут красной материи; из-под него ее черные глаза сверкали каким-то особенным блеском.

¹⁴ Этот рассказ основан на действительном происшествии. (Примеч. авт.)

Ее длинные, всклокоченные черные волосы беспорядочно выбивались из-под этого убора. У нее был вид сивиллы, охваченной безумием; в правой руке она держала только что вырванное из земли деревцо.

– Провалиться мне на этом месте, – сказал слуга, – если она не срезала наши саженцы в Дьюкитском парке.

Лэрд ничего не ответил, продолжая глядеть на фигуру, возвышавшуюся над ним.

– Ступай своей дорогой, – сказала цыганка, – ступай своей дорогой, Годфри Бертрам! Сегодня ты погасил очаги в семи домах; смотри, будет ли тебе от этого теплее в твоём доме! Ты сорвал солому с семи крыш; смотри, крепче ли от этого станет твоя крыша! Теперь ты можешь устроить стойла для скота в Дернклю, там, где жили люди; смотри только, чтобы зайцы не завелись у твоего камелька! Ступай своей дорогой, Годфри Бертрам, нечего глядеть на наш табор. Там тридцать душ, которые готовы были голодать, чтобы ты мог лакомиться вволю, и пролить свою кровь, чтобы ты себе пальца не поцарапал. Да, тридцать душ, от столетней старухи до малютки, который родился всего неделю назад, и ты согнал их с места, чтобы они спали с жабами да с тетеревами на болотах! Ступай своей дорогой, Элленгауэн! Усталые, мы тащим на спинах наших детей; смотри, веселее ли от этого будет качаться люлька у тебя в доме! Не думай только, что я хочу зла маленькому Гарри или ребенку, что должен родиться... Боже упаси! Пусть они растут добрыми к бедным людям и пусть будут лучше, чем их отец! А теперь ступай своей дорогой, потому что слова эти последние; больше ты никогда ничего не услышишь от Мег Меррилиз, и больше я никогда не притронусь ни к одному деревцу в густых лесах Элленгауэна.

С этими словами она переломила деревцо, которое держала в руке, и бросила его на дорогу. Маргарита Анжуйская^[87], проклиная своих торжествующих врагов, и та не могла бы отвернуться от них с таким гордым презрением. Лэрд собрался что-то ответить цыганке и опустил руку в карман, чтобы достать оттуда полкроны, но она не стала ждать от него ни ответа, ни подачки и, сойдя с холма, большими шагами пустилась догонять караван.

Элленгауэн возвращался домой в задумчивости. И примечательно, что об этой встрече он ни словом не обмолвился ни с кем из своих домашних. Слуга его не был так молчалив: он рассказал эту историю с начала и до конца всему народу, собравшемуся на кухне, и заключил ее уверением, что «если дьявол и говорил когда-либо устами смертного, то в этот проклятый день он говорил устами Мег Меррилиз».

Глава IX

*Шотландия, с чертополохом,
С ее печалью, с тяжким вздохом...
Акцизный буйствует за кружкой;
Его сапог крушит что хочет,
Как ракушку, как черепок.*

Роберт Бёрнс

В пылу своего служебного рвения Бертрам не забыл и о таможенных делах. Контрабанда, для которой на острове Мэн условия были тогда особенно благоприятны, распространилась по всему юго-западному побережью Шотландии. Почти все местные жители принимали в ней участие, дворяне потворствовали ей, и таможенные чиновники чаще всего не встречали никакой поддержки со стороны населения.

В тот период времени таможенным инспектором на этом участке был некий Фрэнсис Кеннеди, о котором уже упоминалось в нашем рассказе. Это был высокого роста мужчина, человек решительный и энергичный; он уже задержал немало контрабандистов, и в силу этого его, естественно, ненавидели в душе все те, кто наживался на *вольной торговле*, как называли тогда контрабанду. Кеннеди был побочным сыном одного именитого дворянина; по этой причине, а также потому, что он был веселым малым и к тому же хорошо пел, его принимала местная знать, и он даже стал членом нескольких дворянских спортивных клубов, где с большим успехом занимался атлетикой.

В замке Элленгауэн Кеннеди был частым и всегда желанным гостем. Его веселый нрав избавлял Бертрама от необходимости думать и от труда, который ему всегда приходилось затрачивать, чтобы точно выразить свои мысли; смелость Кеннеди и тот риск, которому он ежедневно подвергался, являлись постоянной темой их разговора. Все приключения, связанные с ловлей контрабандистов, очень занимали лэрда Элленгауэна, и то удовольствие, которое он получал от общества Кеннеди, располагало его покровительствовать и помогать веселому рассказчику в исполнении его опасных и ненавистных всем обязанностей.

– Фрэнк Кеннеди, – говорил Бертрам, – все же дворянин, хоть и не совсем чистокровный: он приходится сродни Элленгауэнам через Гленгаблов. Последний лэрд Гленгабл оставил бы свои владения Элленгауэнам, да вот случилось ему раз в Хэрригейт поехать и повстречать там мисс Джин Хэдэуэй... Между прочим, нет кабака лучше, чем хэрригейтский «Зеленый дракон»... Но Фрэнк Кеннеди как-никак дворянин, и мне просто стыдно было бы не помочь ему ловить этих мошенников контрабандистов.

Уже после того как этот союз между исполнительной и судебной властью был заключен, капитан Дирк Хаттерайк выгрузил неподалеку от замка Элленгауэн целую партию водки и других контрабандных товаров и, полагаясь на равнодушие, с которым лэрд относился прежде к его торговле, нимало не позаботился ни о том, чтобы спрятать свой товар, ни о том, чтобы его поскорее сбыть. Все это привело к тому, что Фрэнк Кеннеди, заручившись письменным распоряжением Элленгауэна и взяв себе в помощь кое-кого из слуг лэрда, хорошо знавших местность, и целый отряд солдат, налетел на выгруженную Хаттерайком контрабанду и после отчаянной схватки, во время которой та и другая сторона понесли тяжелые потери, сумел наложить клеймо на все бочки, тюки и ящики и победоносно препроводить их в ближайшую таможню. Дирк Хаттерайк божился по-голландски, по-немецки и по-английски, что жестоко отомстит и самому Кеннеди, и его подстрекателям, и все знавшие его были убеждены, что слова эти не брошены на ветер.

Через несколько дней после того, как ушли цыгане, Бертрам спросил за утренним завтраком жену, не сегодня ли день рождения маленького Гарри.

– А ведь и вправду сегодня; ему исполнилось пять годиков, и теперь мы можем вскрыть конверт и прочесть, что ему там написал англичанин.

– Нет, дорогая, подождем лучше до завтра, – сказал Бертрам, любивший всегда настаивать на своем в мелочах. – Последний раз, когда я ездил на судебную сессию, шериф^[88] сказал нам, что *dies*... что *dies inceptus*¹⁵, короче говоря, ты ведь не понимаешь по-латыни, так вот это значит, что, пока день не кончился, срок еще не настал.

– Послушай, милый, это ведь сущая бессмыслица.

– Может быть, и так, дорогая, но все-таки закон есть закон. А если уж мы заговорили о сроках, так я хотел бы, как говорит Фрэнк Кеннеди, чтобы троицын день убил день святого Мартина и был сам за это повешен... А то я получил тут письмо насчет дела Дженни Кэрнс, и хоть бы один черт явился в замок аренду платить, да и не явится никто до самого сретения... Но что до Фрэнка Кеннеди, то я уверен, что он сегодня будет у нас, он ведь поехал в Уигтон предупредить капитана таможенного судна, которое стоит в заливе, что люгер Дирка Хаттерайка снова у берега. Сегодня Фрэнк обязательно вернется, и мы с ним разопьем бутылку бордоского за здоровье маленького Гарри.

– Лучше бы Фрэнк Кеннеди оставил Дирка Хаттерайка в покое, – ответила леди Бертрам. – Чего ради он больше всех об этом хлопочет? Мог бы ведь он распевать свои песенки, пить вино и получать жалованье, как делает сборщик податей Снэйл; вот действительно славный человек, он никогда никому вреда не сделал. И я удивляюсь, чего ты вообще впутываешься в это дело. Когда Дирк Хаттерайк спокойно мог приводить свое судно в гавань, нам ведь никогда не приходилось посылать в город ни за водкой, ни за чаем.

– Ничего-то вы, миссис Бертрам, в этих делах не смыслите. Неужели ты в самом деле думаешь, что человек, занимающий должность мирового судьи, может позволить себе укрывать в собственном доме контрабанду? Фрэнк Кеннеди объяснит тебе, что за это следует по закону, а ты ведь отлично знаешь, что они раньше всегда складывали свой груз в старом замке.

– Друг мой, а что за беда, если даже кто-нибудь и спрятал в подвале замка бочку с водкой? Право же, ты мог и не знать об этом. Неужели королю хуже будет оттого, что какой-нибудь лэрд по сходной цене себе водку достанет, а жена его – чай? Разве не стыдно им, что все такими сборами обложено! Кому же это, интересно, хуже было оттого, что я ходила в фламандских чепчиках и в кружевах, которые Дирк Хаттерайк привозил из Антверпена? Не дожидаться ведь, когда король соизволит что-нибудь прислать, или тот же Фрэнк Кеннеди. Да еще вот и с цыганами ты завел эту историю. Теперь, того и гляди, они амбар подожгут.

– Еще раз говорю тебе, дорогая, ты ничего в этих делах не смыслишь. А вот и Фрэнк Кеннеди скачет по аллее.

– Ладно, ладно, Элленгауэн, – сказала леди, возвысив голос, как только лэрд вышел из комнаты, – хотела бы я, чтобы ты в них больше меня понимал.

Лэрд был рад, что ему удалось избавиться от этих супружеских нравоучений, и пошел встречать своего лучшего друга Кеннеди, который явился в отличном расположении духа.

– Бегите скорее в замок! – крикнул Кеннеди. – Вы увидите, как гончие его величества травят эту старую лису Дирка Хаттерайка. – С этими словами он соскочил с лошади, кинул поводья слуге и побежал вверх, в старый замок; следом за ним бросился и лэрд и еще кто-то из домочадцев, перепуганных пушечными выстрелами, доносившимися с моря; теперь эти выстрелы были уже отчетливо слышны.

¹⁵ День, день начатый (лат.).

Добравшись до той части развалин, откуда открывался широкий вид на окрестности, они увидели люгер, который, подняв все паруса, спасался от корвета; орудия, расположенные на носу корвета, обстреливали его, а он отвечал им выстрелами с кормы.

– Корвету пока еще далеко до него, – кричал Кеннеди в большом волнении, – но, увидите, немного погодя он его догонит. Ух, проклятый, выбрасывает груз за борт! Смотрите, они отличный нанц выкидывают, бочку за бочкой. Нет, не дело это, Хаттерайк, и ты еще увидишь, во что это тебе обойдется. Глядите-ка, глядите-ка, совсем уж подошли, вот это да, вот это да! Здорово, здорово, бери его, бери! Вперед, молодцы, вперед, держите его!

– Эх, корчи какие начались, знать уж и смерть близехонько, – сказал старый садовник служанке. Простой народ привык считать всякие судороги верным предвестием смерти.

Преследование, однако, все еще продолжалось. Люгер, управляемый очень искусно, пользовался всеми возможными средствами, чтобы уйти; он достиг уже мыса, который выдавался по левую сторону залива, и начал огибать его, когда ядро ударило прямо в рею и грот-мачта повалилась на палубу. Последствия этого неминуемо должны были быть роковыми, но зрители не могли их увидеть: к тому времени люгер обогнул мыс, потерял управление и скрылся из виду. Корвет поднял все паруса и пустился догонять его, но, так как он шел слишком близко от берега, ему грозила опасность сесть на мель, и он вынужден был выйти в море, чтобы сделать разворот и лишь после этого зайти за мыс.

– Упустят они его, ей-богу же, или груз, или люгер, или то и другое вместе, – сказал Кеннеди. – Надо скакать побыстрее на Уорохский мыс (это был тот самый мыс, который не раз уже нами упоминался) и сигнал им дать, в какую сторону люгер отнесло. Ну, пока, до свидания, Элленгауэн, через часок я вернусь. Велите-ка большую чашу для пунша приготовить да лимонов побольше, а о французском товаре^[89] я уж сам позабочусь. Мы тогда с вами за здоровье молодого лэрда такую чашу осушим, в которой и лодка, пожалуй, поплывет. – С этими словами он сел на лошадь и ускакал.

В расстоянии мили от замка, у самой опушки леса, покрывавшего, как уже говорилось, выступ горы, называемой Уорохским мысом, Кеннеди встретил маленького Гарри Бертрама, которого сопровождал его наставник Домини Сэмсон. Фрэнк не раз уже обещал мальчику покатасть его на своей гэллоуэйской лошади^[90]; он был любимцем маленького Гарри и всегда развлекал его своим пением, пляской и разными играми. Не успел Кеннеди подняться наверх, как мальчик стал громко требовать, чтобы он исполнил свое обещание. Кеннеди, не видя в этом никакой опасности для ребенка и решив подразнить Домини, на лице которого он прочел явное неудовольствие, подхватил Гарри, посадил перед собою на лошадь и продолжал свой путь. Слова Сэмсона: «Может быть, все-таки, мистер Кеннеди...» были заглушены стуком копыт. Воспитатель сначала раздумывал, не пойти ли ему вслед за ними, но, так как Кеннеди пользовался в семье лэрда полным доверием, а самому Сэмсону общество этого молодого человека не доставляло ни малейшего удовольствия, «потому что он часто отпускает грубые и непристойные шутки», он продолжал идти своей дорогой, пока не возвратился в Элленгауэн.

Зрители, столпившиеся у развалин замка, все еще следили за корветом, который в конце концов, потеряв, правда, немало времени, сделал разворот, достаточный, чтобы обойти Уорохский мыс, и затем исчез из виду за лесистой горой. Вскоре вдали послышались раскаты пушечных выстрелов, а потом вдруг еще более сильный грохот, означавший скорее всего, что корабль взорвался, а вслед за тем целое облако дыма поднялось над лесом и растаяло в голубом небе. Тогда люди разошлись, продолжая обсуждать на все лады, что могло случиться с люгером, причем большинство было уверено, что если он еще не пошел ко дну, то его неминуемо захватят в плен.

– Пора бы обедать, милый, – сказала госпожа Бертрам мужу. – А что, Кеннеди скоро вернется?

– Я жду его с минуты на минуту, друг мой, – сказал лэрд. – Может быть, он прихватит с собой кого-нибудь из морских офицеров.

– Ах, боже мой! Как же ты мне раньше об этом не сказал. Я велела бы большой круглый стол накрыть. Солонина им всем уже надоела, надо было бы их свежей говядиной угостить. Я бы другое платье надела, да и тебе не худо было бы галстук переменить. Но ты ведь никогда вовремя ни о чем не скажешь, а потом каждый раз такая кутерьма получается. Видит бог, я больше этого не выдержу! Вот не будет меня, тогда, может быть, лучше поймешь.

– Ну, хватит, хватит! К черту все, и говядину, и платье, и стол, и галстук! Поверь, что все будет хорошо. Джон, а где же Домини? (Слова эти относились к лакею, который хлопотал у стола.) Где Домини, где наш малыш?

– Мистер Сэмсон уже часа два как дома, а то и больше, но только сдается, что Гарри с ним не вернулся.

– Не вернулся! – вскричала леди Бертрам. – Скажи, чтобы мистер Сэмсон сейчас же сюда пришел.

– Мистер Сэмсон, – сказала она, как только тот явился, – слыханное ли это дело, живете здесь на всем готовом, да еще двенадцать фунтов в год получаете за то, чтобы за мальчиком присматривать, а вы вдруг на несколько часов бросили его неизвестно где?

Сэмсон низко кланялся каждый раз после того, как разгневанная леди упоминала то или иное свое благодеяние, делая это как бы для придания большего веса всему, что она говорила; а потом словами, повторять которые мы не будем, чтобы его не обидеть, объяснил, как Фрэнк Кеннеди неожиданно увез маленького Гарри, несмотря на все возражения, которые он, Домини, ему представил.

– Ну, не очень-то я благодарна Фрэнсису Кеннеди за такую затею! – раздраженно воскликнула миссис Бертрам. – А что, если ребенок упадет с лошади и сломает себе ногу? А что, если пушечное ядро долетит до берега и убьет его? А что, если?..

– А что, если, – возразил Элленгауэн, – случилось самое вероятное из всего: они оба сели на корвет или на захваченный люгер и войдут в бухту вместе с приливом?

– И еще, того гляди, утонут, – добавила леди.

– Право же, – сказал Сэмсон, – я был уверен, что господин Кеннеди уже давно вернулся. Мне действительно казалось, что я слышал топот его лошади.

– Да это Гризл, – сказал Джон, улыбаясь во весь рот, – она комолую корову из сада выгоняла.

Сэмсон покраснел до ушей – не от насмешки Джона, которой он никогда бы и не заметил, а если бы и заметил, то оставил бы без внимания, но от какой-то мысли, которая вдруг его осенила.

– Это моя вина, – сказал он, – конечно, мне надо было дожидаться маленького Гарри. – Сказав это, он схватил трость с костяным набалдашником и шляпу и побежал в сторону Уорохского леса так быстро, как никогда не бегал ни до этого дня, ни после.

Лэрд продолжал пререкаться с женой, высказывая свои догадки по поводу того, что могло случиться. Наконец он увидел, что корвет появился вновь, но, не подходя к берегу, шел на всех парусах на запад и скоро скрылся из вида. Вечные страхи и опасения жены были явлением настолько привычным для ее супруга и повелителя, что он совершенно уже перестал обращать на них внимание, но растерянность и смятение слуг его встревожили. И тревога эта усилилась, когда его отозвали потихоньку в другую комнату и сообщили, что лошадь Кеннеди вернулась в конюшню без седока, с седлом, съехавшим под брюхо, и с порванными поводьями и что какой-то фермер сказал, будто люгер контрабандистов горит, как порох, по другую сторону Уорохского мыса, а сам он, хоть и только что проходил лесом, нигде не видел ни Кеннеди, ни маленького лэрда и ничего о них не слышал.

– Там один только Домини Сэмсон бегаёт как оглашенный да ищет их.

Смятение охватило все поместье Элленгауэн. Лэрд вместе со всеми слугами и служанками кинулся в Уорохский лес. Соседние крестьяне и фермеры последовали за ним. Одни усердно предлагали свою помощь, других туда влекло простое любопытство. Спустили несколько лодок и стали обыскивать морской берег, поднимавшийся напротив мыса высокими зубчатыми скалами. Явилось смутное подозрение – слишком ужасное, чтобы говорить о нем вслух, – что мальчик разбился, упав с одной из этих отвесных скал.

Начинало уже смеркаться, когда люди, разделившись на группы, бросились в лес и рассеялись в разных направлениях, разыскивая малютку и Кеннеди. Темнеющее небо, глухие завывания ноябрьского ветра среди голых деревьев, шуршанье сухих листьев, которыми были усыпаны лесные прогалины, далекое ауканье людей, шедших навстречу друг другу в надежде отыскать пропавших, – все это создавало зловещую и вместе с тем величественную картину.

Наконец, обшарив тщательно, но совершенно бесплодно весь лес, разбредшиеся по нему люди стали сходить вместе и делиться друг с другом своими опасениями. Бертрам уже не мог скрыть своего горя, но казалось, что Сэмсон переживал случившееся еще сильнее. «Лучше бы мне самому умереть вместо него!» – в глубочайшем отчаянии повторял несчастный учитель. Те, кого это все не так близко касалось, пустились в шумные пересуды о том, что могло стрястись с ребенком. Высказывались различные предположения, и каждая новая догадка сразу начинала казаться самой вероятной. Одни думали, что мальчик увезен на корвете, другие – что Кеннеди и он в деревне в трех милях отсюда; иные шепотом говорили, что, может быть, они оба были на борту люгера: остатки его мачт вместе с отдельными досками только что выбросило на берег приливом.

В это мгновение с берега донесся крик, такой громкий, такой пронзительный, такой душераздирающий, такой непохожий на все крики, раздававшиеся в этот день в лесу, что никто ни минуты не сомневался, что он возвещал о чем-то страшном. Все кинулись в ту сторону и, не задумываясь, стали спускаться вниз по такой крутизне, на которую в другое время было бы страшно даже взглянуть, пробираясь в ущелье у подножия скалы, где к тому времени из одной лодки уже высадились люди.

– Сюда, сюда! Здесь, сюда вот, бога ради? Сюда! Сюда! – кричали оттуда снова и снова.

Элленгауэн пробрался сквозь толпу людей, собравшихся у этого рокового места, и там увидел, чем был вызван этот всеобщий ужас. То было мертвое тело Кеннеди. С первого взгляда могло показаться, что он погиб, упав со скалы, отвесно поднимавшейся футов на сто над морем. Тело лежало наполовину на берегу, наполовину погруженное в воду: волны нахлынувшего прилива шевелили руки и вздували одежду, придавая ему на расстоянии видимость движения, так что те, кто первый увидел тело, решили, что в нем были еще признаки жизни. Но Кеннеди давно уже испустил последний вздох.

– Дитя мое! Дитя мое! – кричал обезумевший от горя отец. – Где ты? Где?

С десятков людей открыли было рты, чтобы ободрить его словами надежды, которой в действительности уже не было. Наконец у кого-то вырвалось:

– Цыгане!

Элленгауэн мгновенно вскарабкался наверх, вскочил на первую попавшуюся лошадь и во весь опор помчался в Дернклю. Мрак и запустение царили там. Сойдя с лошади, с тем чтобы более тщательно все осмотреть он наткнулся на обломки разной утвари, выброшенной из хижин, на валявшиеся всюду доски и на солому, по его же приказанию сброшенную с крыш. В это мгновение пророчество или проклятие, слышанное им из уст Мег Меррилиз, пронеслось вдруг в его сознании: «Ты сорвал солому с семи домов; смотри, стала ли от этого крепче крыша твоего дома».

– Верни, – вскричал он, – верни мне моего ребенка! Верни мне сына, и я все забуду и все прощу! – В то время как он, словно в каком-то бреду, повторял эти слова, он вдруг увидел в одной из разрушенных хижин какой-то мерцающий огонек – это была та самая хижина, где

прежде жила Мег Меррилиз. Свет этот шел, должно быть, от очага и виден был не только сквозь окно, но и между стропилами, в местах, где была сорвана крыша.

Он кинулся к хижине, дверь была заколочена; отчаяние удесятерило его силы: он навалился на дверь всем телом и с такой яростью, что она мгновенно поддалась.

Хижина была пуста, однако носила следы недавнего пребывания человека: в очаге догорал огонь, и в котле были остатки еды. В то время как он пристально оглядывал помещение, надеясь увидеть хоть какой-нибудь след, который укрепил бы в нем надежду, что ребенок еще жив, хотя и находится во власти этих страшных людей, в хижину вошел человек.

Это был его старый садовник.

– Не думал я, сэр, – сказал старик, – что мне доведется переживать такую ночь, как сегодня! Спешите скорее в замок!

– Значит, малютку нашли? Он жив? Вы нашли Гарри Бертрама? Эндрю, вы нашли Гарри?

– Нет, сэр, но...

– Тогда, значит, его украли! Это так, Эндрю, это так же верно, как то, что я сейчас живу. Это она его украла – и я с места никуда не сойду, пока не узнаю, где мой сын!

– Ступайте домой, сэр, ступайте домой! Мы послали за шерифом и будем караулить всю ночь, не вернутся ли цыгане, но вам, вам надо быть дома, сэр: леди кончается.

Бертрам поглядел на старика, сообщившего ему об этом новом несчастье, бессмысленными, неподвижными глазами и повторил слово «кончается», как будто не понимал его значения. Он дал ему посадить себя на лошадь. По пути домой он только повторял: «Жену и ребенка, обоих, мать и сына, обоих вместе, сразу...»

Но к чему описывать горе, которое его ждало дома. Известие об участии, постигшей Кеннеди, было неосторожно принесено в Элленгауэн с добавлением, что «маленький лэрд, без сомнения, упал вместе с ним с обрыва и тело ребенка осталось в море, – он ведь такой крошка, волны его за единый миг унесли».

Миссис Бертрам услышала эти слова. Она была уже на исходе беременности, у нее начались преждевременные родовые схватки, и, раньше чем Элленгауэн успел понять все случившееся и хоть сколько-нибудь освоиться с потерей сына, он стал отцом дочери и вдовцом.

Глава X

*Лицо черно и кровью налилось,
Глаза навывкате, как будто кем-то
Задушен он, и в них остался ужас;
Раздуты ноздри, волосы кругом
Разметаны, и распластались руки,
В последней обессилевшие схватке.*

«Генрих VI», ч. II^[91]

На следующий день, на рассвете, в Элленгауэн прибыл шериф графства. Шотландский закон наделяет этих провинциальных должностных лиц значительной судебной властью и вменяет им в обязанность расследовать все преступления, совершенные на территории графства, арестовывать и заключать в тюрьму подозрительных лиц и т. д.¹⁶

В это время шерифом графства *** был человек благородный и образованный; несмотря на некоторую сухость свою и педантичность, он пользовался всеобщим уважением как деятельный и умный чиновник. Первым делом он допросил всех свидетелей, чьи показания могли пролить свет на это загадочное преступление, и составил *prose-verbal*¹⁷, или акт дознания, как его принято называть, который в Шотландии обычно заменяет следственное дело. Внимательное и разумное расследование вскрыло многие обстоятельства, не совместимые с первоначально сложившимся мнением, что падение Кеннеди со скалы было простой случайностью. Мы вкратце остановимся на некоторых из них.

Труп Кеннеди был перенесен в ближайшую рыбацкую хижину и оставлен там в том же положении, в каком он был найден. Им-то шериф в первую очередь и занялся. Тело было сильно повреждено и обезображено падением с большой высоты, но тем не менее на голове можно было ясно обнаружить глубокую рану, которая, по мнению вызванного туда опытного хирурга, была нанесена палашом или саблей. Врач нашел на теле и другие подозрительные признаки. Лицо сильно почернело, глаза закатились, шейные вены вздулись. Цветной платок на шее несчастного был повязан не совсем обычно и слишком свободно свисал, узел же был сдвинут с места и очень крепко затянут; платок был сильно смят, и можно было подумать, что убитого схватили именно за этот платок и так и тащили потом к пропасти.

С другой стороны, кошелек бедного Кеннеди был в полной сохранности, и, что казалось еще более странным, заряженные пистолеты, которые он обычно брал с собой, пускаясь в какое-нибудь опасное предприятие, оказались в его карманах. Это было особенно странно, потому что контрабандисты знали его как человека бесстрашного и хорошо владеющего оружием, чему доказательств было немало. Шериф осведомился, не носил ли Кеннеди какого-либо другого оружия. Большинство слуг Бертрама припоминало, что убитый всегда имел при себе *couteau de chasse*¹⁸, или тесак, но на трупе его обнаружено не было, а из тех, кто видел Кеннеди утром этого рокового дня, никто не мог с уверенностью сказать, взял ли он его с собой.

На трупе не было больше обнаружено никаких *indicia*¹⁹, позволявших судить о том, какая участь постигла Кеннеди; хотя одежда его и была в большом беспорядке, а руки и ноги переломаны, первое казалось вероятным, а второе даже и несомненным последствием падения. В

¹⁶ В Шотландии шерифы выполняют в подобных случаях обязанности следователя. (Примеч. авт.)

¹⁷ Протокол (фр.).

¹⁸ Охотничий нож (фр.).

¹⁹ Признаков (лат.).

крепко стиснутых руках убитого были зажаты дерн и земля, но и это могло быть истолковано по-разному.

После этого шериф отправился на место, где был найден труп, и заставил тех, кто обнаружил его там, дать подробные показания о том, в каком положении он находился. Там же лежал большой обломок скалы, оборвавшийся сверху и упавший, по-видимому, вместе с телом Кеннеди или сразу же вслед за ним; обломок этот был настолько плотен и тверд, что при падении совсем почти не изменил вида, и шериф, измерив его, смог установить сначала его вес, а затем уже на основании формы решить, какой стороной он примыкал к скале, от которой потом оторвался. Это легко было определить, потому что с этой стороны камень, не подвергавшийся действию воздуха, выглядел совсем иначе. Потом все поднялись на скалу и осмотрели место, откуда оторвался обломок. Внешний вид скалы позволял сделать вывод, что, если бы на выступе находился только один человек, веса его было бы недостаточно, чтобы обломить этот камень, который, упав, и увлек его за собой. В то же время положение отломанного куска позволяло думать, что его можно было сдвинуть каким-нибудь рычагом или соединенными усилиями трех-четырех человек. Низенькая травка у самого края пропасти была вся смята, как будто ее топтали несколько человек, то ли учинявших там какое-то насилие, то ли схватившихся не на жизнь, а на смерть. Такие же следы, только менее отчетливые, привели проницательного следователя к лесу, который в этом месте поднимался высоко над берегом и доходил до самой вершины скалы.

Упорно и терпеливо шериф вместе со своими помощниками добрался по этим следам до глубокой чащи. Такую дорогу могли выбрать только люди, стремившиеся скрыться от преследования. Здесь уже на каждом шагу видны были следы насилия и борьбы. Тут и там валялись мелкие ветки, как будто оторванные несчастным, которого насильно куда-то волокли и который хватался за все, что только попадалось на его пути; на земле, в местах, где она была сырой и мягкой, осталось много отпечатков ног. Наконец, кое-где попадались пятна, как будто от запекшейся крови. Во всяком случае, очевидно было, что несколько человек пробивались в чаще среди дубов, орешника и сплетавшегося с ними кустарника; в иных местах земля выглядела так, как будто по ней тащили что-то грузное и большое – то ли мешок с зерном, то ли труп. В глубине леса оказалась болотистая низина. Почва в этом месте была беловатого цвета, вероятно от примеси мергеля в глине. Одежда Кеннеди сзади тоже была покрыта белыми пятнами.

Наконец, на расстоянии четверти мили от рокового обрыва, следы привели к маленькой поляне, которая была вся истоптана и забрызгана кровью, хотя потом место это было заброшено сухими листьями и видно было, что преступники старались тем или иным способом скрыть все, что могло говорить о происходившей здесь отчаянной борьбе. У самой поляны был найден тесак погибшего: по-видимому, он был закинут в кусты; по другую сторону поляны были обнаружены ремень и ножны, спрятанные более обдуманно и тщательно.

Шериф приказал точно измерить и описать следы ног, обнаруженные на этом месте. Некоторые из них совпадали с величиной ноги несчастного Кеннеди; иные же были больше или меньше, и это доказывало, что в схватке участвовало не меньше четырех или пяти человек. К тому же там, и только там, были заметны следы детских ног, и, так как их нигде больше не было, а проезжая дорога, проходившая через Уорохский лес, была совсем близко, естественно было предположить, что в минуту общего смятения мальчик мог убежать и спастись в лесу. Но, ввиду того что узнать о нем ничего не удалось, шериф, тщательно сопоставив все эти данные, пришел к заключению, что Кеннеди был предательски убит и что убийцы, кто бы они ни были, похитили маленького Гарри Бертрама.

Было сделано все возможное, чтобы разыскать преступников. Подозрение падало на контрабандистов и на цыган. Судьба люгера Дирка Хаттерайка не вызывала никаких сомнений. Два человека с противоположного берега Уорохской бухты (так называется узенькая бухта к югу от Уорохского мыса) видели, хотя и на большом расстоянии, как люгер, обогнув мыс,

направился на восток; насколько можно было судить по его ходу, он был сильно поврежден. Вскоре он сел на мель, был охвачен дымом, а потом и пламенем. Судно, по словам одного из очевидцев, вспыхнуло, как стог сена, и в ту же минуту они увидели, как из-за мыса показался корвет, который шел к нему на всех парусах. Пушки люгера, когда пламя добралось до них, начали стрелять сами собой, и видно было, как при звуках оглушительного взрыва корабль взлетел на воздух. Корвет осторожности ради держался поодаль и ждал; после того как люгер взорвался, он поднял паруса и пошел в южном направлении.

Никто не сомневался в том, что погиб именно люгер Дирка Хаттерайка. Судно это было всем хорошо известно на берегу, и приход его ожидался как раз в эти часы. Письмо капитана королевского корвета, к которому шериф обратился за разъяснениями, не оставляло никаких сомнений на этот счет. Капитан прислал также выписку из своего вахтенного журнала с записями всех событий этого дня, из которых явствовало, что корвет следил за контрабандистским люгером Дирка Хаттерайка в соответствии с указаниями и по требованию Фрэнсиса Кеннеди, королевского таможенного, и что Кеннеди сам собирался наблюдать с берега на случай, если бы Хаттерайк, которого местные власти знали как человека отчаянного и не раз уже объявляли вне закона, попытался посадить преследователя на мель. Около девяти часов утра они увидели судно, которое, по всем признакам, было люгером Хаттерайка, погнались за ним, потребовав от него несколько раз сигналами, чтобы он остановился и поднял флаг, и, когда это не было исполнено, открыли огонь. Люгер выкинул тогда гамбургский флаг^[92] и ответил стрельбой. Бой продолжался три часа, после чего, в то самое время, когда люгер огибал Уорохский мыс, они заметили, что стропы грот-рея были прострелены и судно повреждено. В течение некоторого времени корвету не удавалось воспользоваться этим обстоятельством, потому что он слишком близко подошел к берегу и ему негде было развернуться, чтобы зайти за мыс. После двух попыток они наконец этого добились и тогда увидели, что преследуемый ими люгер охвачен огнем и людей на нем, по-видимому, не осталось. Как только огонь достиг бочек с водкой, сложенных на палубе вместе с другим горючим, скорее всего, не без умысла, пламя разгорелось так яростно, что лодкам нельзя было подойти к судну, тем более что заряженные пушки стреляли от жара сами собой. Капитан был уверен, что экипаж люгера поджег судно и спасся на лодках. Дождавшись, когда судно взорвалось, корвет его величества взял курс к острову Мэн, с тем чтобы преградить дорогу контрабандистам, которые день или два могли скрываться в лесах, а потом при первой возможности, вероятнее всего, стали бы искать пристанища на этом острове. Но они никого не видели и ничего о них не узнали.

Таково было донесение Уильяма Притчарда, капитана корвета его величества. В конце письма он выражал глубокое сожаление, что ему не довелось встретиться лицом к лицу с недобряками, осмелившимися стрелять по королевскому флагу, и заверял, что, если только когда-нибудь столкнется в море с Дирком Хаттерайком, он немедленно завадит его и доставит на берег, чтобы тот понес за все свои преступления заслуженную кару.

После этого стало очевидным, что экипаж люгера спасся бегством, и гибель Кеннеди теперь легко было объяснить, если допустить, что он встретился с контрабандистами в лесу как раз в тот момент, когда они были разъярены и потерей корабля, и личным участием таможенного во всем этом деле. Не исключено было также, что эти жестокие люди могли в своем неистовстве пойти на все, вплоть до убийства ребенка, отец которого стал преследовать контрабандистов с таким неожиданным упорством: известно ведь, что Хаттерайк произносил страшные угрозы по его адресу.

Это предположение опровергалось тем, что экипаж, состоявший из пятнадцати или двадцати человек, не мог укрыться на берегу, где сразу же после гибели корабля были предприняты тщательные поиски; во всяком случае, если даже они и скрылись в лесу, лодки их должны были быть обнаружены у берега. К тому же вряд ли можно было ожидать, что в таком тяжелом положении, когда спастись бегством было трудно или даже невозможно, они из одного

только чувства мести пошли бы на столь бессмысленное убийство. Сторонники этого мнения полагали, что либо спущенные с люгера лодки ушли в море незамеченными, пока внимание всех было поглощено пожаром на корабле, и, таким образом, контрабандисты сумели спастись от опасности прежде, чем корвет зашел за мыс, либо же лодки были еще до этого выведены из строя или совсем уничтожены выстрелами с корвета, и тогда экипаж, решив не сдаваться, погиб вместе с кораблем. Предположение, что они совершили этот отчаянный поступок, было до некоторой степени вероятным, так как ни Дирк Хаттерайк, ни кто бы то ни было из его матросов, – а местные жители покупали у них товары и поэтому всех их знали в лицо, – больше не появлялись нигде на берегу, и на острове Мэн, где велись самые тщательные розыски, о них тоже никто ничего не слышал. К берегу был прибит волнами всего только один труп – по-видимому, это было тело матроса, убитого во время перестрелки. Итак, теперь следовало только составить поименный список людей с люгера с описанием их наружности, а затем назначить награду за поимку всех или хотя бы одного из них. Награда была также обещана всякому, кто даст сведения о местонахождении преступников, убивших Фрэнсиса Кеннеди.

Другие считали, и тоже не без основания, что виновниками этого страшного злодеяния были прежние обитатели Дернклю. Известно было, что поступок лэрда Элленгауэна глубоко их возмутил, и они ответили на него угрозами, которые, как все были убеждены, им ничего не стоило привести в исполнение. На похищение ребенка были всего скорее способны они, а не контрабандисты, случайный же покровитель малютки – Кеннеди мог быть убит в момент, когда он защищал дитя. При этом вспомнили, что Кеннеди еще два-три дня тому назад принимал деятельное участие в изгнании табора из Дернклю и что в этот день в ответ на свои бесцеремонные распоряжения он слышал зловещие угрозы из уст цыганских патриархов.

Шериф записал также показания несчастного отца и его слуги обо всем, что произошло, когда на дороге они повстречались с ухившимся табором. Особенно подозрительной показалась ему речь Мег Меррилиз. Здесь имели место, как судья выразился на юридическом языке, *damnum minatum* – угроза, сулящая несчастье или беду, и *malum secutum* – несчастье, следовавшее вскоре за этой угрозой. Молодая женщина, собиравшая в этот роковой день орехи в Уорохском лесу, была убеждена, хоть и отказалась подтвердить свои слова под присягой, что видела, как Мег Меррилиз, или, во всяком случае, женщина ее роста и обличья, неожиданно вышла из чащи леса; она говорила, что окликнула ее по имени, но та повернулась к ней спиной и ничего ей не ответила; она не могла даже с точностью сказать, была ли это цыганка или только ее призрак, и не решилась подойти ближе, боясь, как и все местные жители, нечистой силы. Этот сбивчивый рассказ подтверждался тем, что вечером того же дня в покинутой хижине Мег Меррилиз был обнаружен догоравший в очаге огонь. Свидетелями этому были сам Элленгауэн и его садовник. Все же казалось неправдоподобным, что цыганка, если она действительно была причастна к такому страшному преступлению, могла вернуться в тот же вечер на то самое место, где ее скорее всего стали бы разыскивать.

Тем не менее Мег Меррилиз все же задержали и допросили. Она решительно утверждала, что в день смерти Кеннеди она не была ни в Дернклю, ни в Уорохском лесу, и несколько цыган клятвенно подтвердили, что она в этот день не покидала табора, который расположился милях в десяти от Элленгауэна. Правда, клятвы их не слишком-то много значили, но на чем же еще можно было основываться в подобных случаях? При допросе выяснился один факт, и весьма примечательный: на руке у нее была рана, нанесенная острым оружием, и перевязана эта рана была платочком маленького Гарри Бертрама. Но старейший табора заявил, что это он ударил ее кинжалом за какой-то проступок; сама она и все остальные цыгане давали такое же объяснение, а что касалось платка, так за последние месяцы, пока цыгане еще жили в Дернклю, из замка Элленгауэна было украдено столько разного белья, что платок сам по себе не мог служить уликой.

При допросе было замечено, что, говоря о смерти Кеннеди, или «таможенного», как она его называла, она была совершенно невозмутима, но, когда узнала, что ее считают виновницей исчезновения маленького Бертрама, она преисполнилась негодования и презрения. Ее долгое время держали в тюрьме в надежде, что какие-нибудь новые обстоятельства прольют свет на это мрачное, кровавое преступление. Ничего, однако, больше узнать не удалось, и Мег была в конце концов выпущена на свободу, но тут же изгнана из пределов графства, как бродяга, воровка и нарушительница общественного порядка. Никаких следов мальчика обнаружено не было, и событие, наделавшее вначале столько шума, стало привлекать к себе все меньше и меньше внимания, как случай совершенно необъяснимый.

В памяти людей осталось только название «Могила таможенного», которое дали с тех пор скале, откуда упал или был сброшен несчастный.

Глава XI

*Появляется Время.
Кому-то счастье, но, со счастьем споря,
Всем, злым и добрым, приношу я горе.
Вот крылья вам, чтоб все вы наравне
Со мной летели. Время – имя мне.
Моя ль вина, что так сейчас я мчалось,
Что на пути шестнадцать лет осталось
Пустым пробелом.*

«Зимняя сказка»^[93]

Теперь нам приходится сделать большой скачок вперед и пропустить около семнадцати лет. В течение этого времени не произошло ничего такого, о чем стоило бы здесь говорить. Промежуток этот, правда, немалый, но если собственный жизненный опыт нашего читателя позволяет ему оглядываться на столько лет назад, то в воспоминании его долгие годы пролетят с такую же быстротою, с какой он переворачивает сейчас эти страницы.

Итак, спустя почти семнадцать лет после трагического события, о котором рассказывалось в предыдущей главе, холодным и ненастным ноябрьским вечером несколько человек собралось у очага «Гордонова щита», небольшой, но довольно уютной гостиницы в Киппл-трингане, хозяйкой которой была миссис Мак-Кэндлиш. Разговор, завязавшийся там между ними, избавит меня от труда рассказывать о тех немногих событиях, которые произошли за этот промежуток времени и о которых нашему читателю необходимо знать.

Миссис Мак-Кэндлиш, восседая в удобном кожаном кресле, угощала соседок настоящим китайским чаем. В то же время она зорко следила, чтобы сновавшие туда и сюда служанки занимались как следует своим делом. Причетник, он же и регент хора, сидя поодаль, с видимым наслаждением раскуривал субботнюю трубку, время от времени запивая ее приятный дым глотком водки с водой. Церковный староста Берклиф, влиятельное лицо в деревне, сочетал оба вида удовольствия – и трубку и чашку чая с добавленной туда водкой. В сторонке от них сидели двое крестьян за кружками дешевого пива.

– Ты все как следует для них приготовила в зале, и огонь в камине развела, и труба не дымит? – спросила хозяйка одну из служанок.

Получив утвердительный ответ, она продолжала, обращаясь к Берклифу:

– Как я хотела бы, чтобы им было хорошо здесь, особенно теперь, когда у них беда такая.

– Разумеется, миссис Мак-Кэндлиш, разумеется. Если бы им понадобилось что-нибудь из моей лавки, хоть на семь, хоть на восемь, хоть даже на десять фунтов, – я бы отпустил им все в долг, как самым почетным покупателям. А что, они в старой карете приедут?

– Вряд ли, – сказал регент. – Мисс Бертрам каждый день в церковь на белой лошадке ездит, ни одной-то она службы не пропустит, а псалмы петь начнет, так просто заслушаешься.

– Да, и молодой лэрд Хейзлвуд каждый раз после проповеди ее полдороги верхом провожает, – добавила одна из кумушек. – Удивляюсь, как старый Хейзлвуд это терпит.

– Не знаю, как теперь, – сказала другая гостья, – а было время, когда Элленгауэну и самому бы не очень понравилось, чтобы за дочерью его молодой Хейзлвуд увивался.

– Да, *было*, – ответила первая кумушка, сделав особенное ударение на последнем слове.

– Уверяю вас, милая соседushка, – сказала хозяйка, – Хейзлвуды из Хейзлвуда, хоть это и очень древний и знатный род, лет сорок назад и думать не могли, чтобы с Элленгауэнами равняться. Да, милые мои, Бертрамы из Элленгауэна – это потомки древних Дингауэев, об

одном из них еще песня сложена, как он на дочери мэнского короля жениться хотел; помните, как она начинается?

Бертрам в чужую плыл страну,
Чтоб там найти себе жену...

Мистер Скрей нам, наверно, ее споет.

– Хозяюшка, – ответил Скрей, вытянув губы и с невозмутимым спокойствием попивая свой пунш, – таланты наши даны нам вовсе не для того, чтобы в субботний вечер веселые песни петь.

– Ой ли, мистер Скрей, что-то помнится мне, вы недавно еще субботним вечером веселую песенку распевали, а что до кареты, так знайте, уважаемый мистер Берклиф, что ее из сарая не вывозили с самого дня смерти миссис Бертрам, то есть уже лет шестнадцать-семнадцать. Джок Джейбос за ними с моим экипажем поехал, да вот что-то еще нет его. Темно сейчас, правда, хоть глаз выколи, но на дороге только два опасных места и есть. Да, впрочем, мост через речку Уорох, коли правой стороны держаться, хорошо можно проехать. А вот Хевисайдский спуск – это смерть для почтовых лошадей, но Джок, тот отлично дорогу знает.

Раздался громкий стук в дверь.

– Это не они, не было слышно, чтобы кто-нибудь подъехал. Гризл, да поворачивайся же поживее, открывай дверь.

– Там какой-то господин, – пискливым голосом сказала Гризл. – Прикажете провести его в зал?

– Чего это тебе на ум взбрело, видно, англичанин какой-нибудь заезжий. Явиться в такое время, да еще без слуги! А лошадь отвели в конюшню? Принеси-ка огня в красную комнату.

– Вы разрешите мне, сударыня, здесь у вас погреться, вечер такой холодный, – сказал вновь прибывший, входя на кухню.

Наружность незнакомца, его голос и манеры сразу расположили к себе хозяйку. Когда он скинул плащ, то все увидели, что это был высокий, статный и красивый мужчина. Одет он был во все черное; ему можно было дать лет сорок – пятьдесят. Лицо его было выразительно и серьезно; видом своим он походил на военного. Каждая черта его и каждое движение выдавали в нем дворянина. Большой жизненный опыт помог миссис Мак-Кэндлиш выработать особое чутье, которое позволяло ей распознавать звание и характер каждого вновь прибывшего и в соответствии с этим его принимать.

Гостей подчас съезжалось к ней немало,
И всех она по чину принимала.
Одним лия смиреннейший елей,
Была с другими проще и смелей.

На этот раз она была до чрезвычайности учтива и рассыпалась в извинениях. Незнакомец попросил, чтобы приглядели за его лошадей, и она сама пошла отдать распоряжение конюху.

– Ни разу еще такого доброго коня у нас в конюшне не стояло, – сказал тот.

Слова эти вселили в хозяйку еще большее уважение к седоку. Вернувшись, она увидела, что незнакомец отказался перейти в другую комнату (в которой действительно, как она должна была признать сама, было и холодно и дымно). Она заботливо усадила его у очага и спросила, что он хочет заказать себе на ужин.

– Если можно, сударыня, налейте мне чашку чая.

Миссис Мак-Кэндлиш засуетилась; она заварила самый лучший чай и старалась услужить гостю как могла.

– Знаете, сэр, у нас есть очень удобная комната для людей знатных, но на эту ночь туда должен приехать один джентльмен с дочерью. Сейчас они совсем покидают наши места; я уже послала за ними экипаж, и скоро они прибудут сюда. Жизнь их переменялась к худшему, но ведь такое с кем угодно может случиться, и ваша милость, должно быть, это хорошо знает. А табачный дым вас не беспокоит?

– Нисколько, сударыня, я старый солдат, и мне к нему не привыкать. Но мне хотелось бы у вас разузнать об одном семействе, живущем здесь неподалеку.

Послышался стук колес, и хозяйка кинулась к дверям, чтобы встретить гостей, но тут же вернулась вместе с кучером, который был послан за ними.

– Нет, они не смогут приехать: лэрд сильно занемог.

– Боже мой! Что же они теперь будут делать? – воскликнула хозяйка. – Завтра истекает срок, а ведь им не позволят больше оставаться в замке, там все будет продано с молотка.

– Да, но они никак не смогут приехать; говорю вам, что мистер Бертрам с места не может двинуться.

– Какой это Бертрам? – спросил незнакомец. – Надеюсь, не Бертрам Элленгауэн?

– Он самый, сэр, и если вы с ним в дружбе, то знайте, что вы приехали в тяжелую для него пору.

– Я долго жил за границей и ничего о нем не знаю; неужели же его здоровье так пошатнулось за эти годы?

– Да, и дела его тоже, – сказал Берклиф. – Заимодавцы завладели его поместьем, и теперь оно будет продано. И есть люди, которым он много добра делал, а они-то как раз – я не буду их называть, но миссис Мак-Кэндлиш знает, кого я имею в виду (тут хозяйка многозначительно кивнула головой), – от них-то ему теперь все горе. Он, правда, и мне задолжал немного, но пусть уж лучше все пропадет, чем старика перед смертью из дома выгонять.

– Да, – заметил регент, – Глоссин, тот только и ждет, чтобы избавиться от старого лэрда, и торопит с продажей: боится, чтобы не объявился наследник. Я слышал, что, если бы у него в живых сын был, они не имели бы права продавать имение за долги старого Элленгауэна.

– Давно когда-то у него был сын, – сказал незнакомец. – Должно быть, он умер?

– А этого никто не знает, – таинственно ответил регент.

– Умер? – повторил Берклиф. – Надо думать, что давно умер, уж лет двадцать как о нем ни слуху ни духу.

– Ну, двадцати-то еще не прошло, я это хорошо знаю, – вставила хозяйка. – В конце этого месяца только семнадцать минет. Шума эта история много тогда наделала. Ребенок ведь пропал в тот самый день, когда таможенный Кеннеди погиб. Если вы бывали когда-то в этих местах, вы должны были знать таможенного инспектора Фрэнка Кеннеди. Это был славный малый, и дружил он с самыми знатными людьми нашего графства; уж и веселый же он был парень! Я тогда молода была и только еще вышла замуж за бейли Мак-Кэндлиша, царство ему небесное (она вздохнула)... Много мы тогда тут повеселились с Кеннеди. Да, он свое дело знал. Он-то умел попридержать контрабандистов! Только уж больно сорвиголова был. Так вот, видите ли, сэр, в Уигтонской бухте стоял тогда королевский корвет, и Фрэнк Кеннеди приказал ему гнаться за люгером Дирка Хаттерайка... Помните Дирка Хаттерайка, Берклиф? Вы же, наверно, тоже с ним дела имели (церковный староста кивнул головой и что-то пробурчал в ответ). Это был моряк удалой, и он до последнего свое судно отстаивал, пока оно на воздух не взлетело... А Фрэнк Кеннеди собирался первым взойти на борт люгера, но его отбросило на целую четверть мили, и он упал в воду у самого Урохского мыса под скалой; теперь эта скала так и зовется «Могила таможенного».

– Ну а что же с сыном Бертрама? – спросил гость. – Какое это все имеет отношение к нему?

– А вот какое. С мальчиком тут целая история была, Кеннеди его с собой забрал. Думали, что они вместе на корабль поднялись, дети всегда ведь лезут куда не надо.

– Нет, не так было дело, – возразил Берклиф, – вы, видно, запамятовали, хозяйюшка; молодого лэрда похитила цыганка по имени Мег Меррилиз, я ее хорошо помню. Она мстила Элленгауэну; он ведь осрамил ее на всю деревню за то, что она у него серебряную ложку украла.

– Извините меня, мистер Берклиф, – сказал регент, – но вы тоже ошибаетесь, как и наша хозяйюшка.

– А как же, по-вашему, все было? – заинтересовался незнакомец, обернувшись к нему.

– Об этом, пожалуй, и говорить бы не следовало, – многозначительно сказал регент.

Но когда ему все-таки пришлось согласиться рассказать о том, что он знал, он пустил несколько густых клубов дыма и из-под их облачной завесы, предварительно откашлявшись и подражая, как мог, красноречию, которое каждое воскресенье гремело с церковной кафедры прямо над его головой, начал так:

– То, о чем мы будем говорить сейчас, братья мои... Гм, гм... я хотел сказать, друзья мои, содеяно было не втайне и может послужить хорошим примером защитникам ведьм, атеистам и всем прочим нечестивцам. Надо вам сказать, что наш уважаемый лэрд не очень-то старался очистить свои земли от ведьм (а ведь о них сказано: «Не оставь в живых чародея») и от тех, кто духов вызывал, от разных прорицателей, колдунов и гадалок, а ведь всем этим как раз и занимаются так называемые цыгане и разные другие Богом обиженные люди. А лэрд три года был женат, и детей у него не было. И он так скрытен был, что все считали, что не иначе как у него завелись какие-то дела с этой самой Мег Меррилиз, колдуньей, которая была известна на все Гэллоуэйское и Дамфризское графства.

– Да, это действительно так было, – сказала хозяйка. – Я еще помню, как он тут у нас в гостинице для нее два стакана водки заказывал.

– Ну, вот видите, хозяйюшка, значит, я верно говорю. Словом, у леди родился наконец ребенок, и в ту самую ночь, когда она должна была разрешиться, вдруг к ним в дом, в замок Элленгауэн, как его тут называют, является некий старец, странно очень одетый, и просится на ночлег. Хоть и зимой дело было, он пришел босым, с голыми руками и с непокрытой головой; борода у него была вся седая и до самых колен. Ну что же, его пустили в дом, а когда он услышал, что леди мальчика родила, он сразу захотел узнать час и минуту, когда это случилось. И тогда он вышел из дома и стал гадать по звездам. А потом вернулся и сказал лэрду, что ребенком, который в эту ночь родился, нечистая сила завладеет, и наказал ему воспитывать дитя в страхе Божьем, и чтобы при нем непременно какое-нибудь духовное лицо состояло и молилось за него, да и его бы молитвам научило. А потом этот старец исчез, и больше о нем ни слуху ни духу не было.

– Нет, не так было дело, – сказал кучер почтовой кареты, который, сидя поодаль, следил за его рассказом. – Не в обиду вам будь сказано, мистер Скрей и вся честная компания, только борода у этого колдуна была не больше, чем у вас, господин регент, а на ногах у него были отличные сапоги, да и перчатки у него тоже были, а я в то время уже мог отличить сапоги от чего-нибудь другого.

– Молчи ты, Джок, – сказала хозяйка.

– Эх, да ты-то что обо всем это знаешь? – презрительно спросил регент.

– Не очень много, это верно, мистер Скрей, но только я жил тогда в двух шагах от аллеи, что к замку вела, и помню, как вечером, как раз в ту ночь, когда молодому лэрду на свет появиться, кто-то к нам в дверь как застучит, и мать послала меня – а я тогда еще был мальчишкой – проводить приезжего в замок. Уж если бы он был такой колдун, так, надо думать, он и без меня сумел бы дорогу найти, а это был мужчина молодой, благородный, хорошо одетый, и походил он на англичанина. И, могу вас уверить, у него и шляпа, и сапоги, и перчатки – все было; словом, одет он был как самый настоящий дворянин. Что верно, то верно, он странно

как-то посмотрел на старый замок, и вправду он там что-то ворожил, я об этом слыхал; ну а насчет того, что он исчез, так ведь я же сам держал ему стремя, когда он уезжал, и он дал мне тогда полкроны. А ускакал он на коне, что ему Джордж из Дамфриза одолжил, и звали коня Сэм, и конь был гнедой, чистокровка; помнится, он еще шпатов болел. Коня этого я и раньше видал и после.

– Ладно, ладно, Джок, – примирительным тоном ответил Скрей, – твой рассказ ничем особенно не отличается от моего, я просто не знал, что ты видел этого человека. Так вот, знайте, друзья мои, звездочет этот сказал, что ребенку грозит несчастье, и тогда отец взял к себе в дом ученого богослова, чтобы тот день и ночь неотлучно при мальчике находился.

– Ах, да, его звали Домини Сэмсон, – сказал кучер.

– Это была какая-то бессловесная тварь, – заметил Берклиф. – Мне говорили, что, когда ему пришлось с проповедью выступить, он и двух слов связать не мог.

– Пусть так, – сказал регент, махнув рукой в знак того, что возвращается к прерванному рассказу, – но он денно и нощно был при маленьком лэрде. И вот, когда мальчику было уже лет пять, вышло так, что лэрд понял свою ошибку и решил изгнать цыган из своих владений. Он приказал им убираться вон и послал тогда Фрэнка Кеннеди их выгонять. Тот с ними грубо обошелся, и ругал их, и проклинал, а они ему тем же отвечали. И тогда эта самая Мег Меррилиз, которая больше всех с дьяволом якшалась, ясно сказала, что и трех дней не пройдет, как Фрэнк ей душой и телом за все заплатит. Я это все доподлинно знаю – мне сам Джон Уилсон, что конюхом у лэрда служил, сказывал, что, когда лэрд домой из Синглсайда ехал, Мег взошла на гору Гибби и грозила оттуда всю его семью погубить. Уж была ли это вправду Мег или привидение какое, этого Джон сказать не мог, только такого роста и людей-то не бывает.

– Что же, – сказал кучер, – может быть, это и так, я-то этого и знать не знаю, меня в то время здесь не было. Только ведь Джон Уилсон хвастунишка был большой, да и трус к тому же.

– Так чем же все это кончилось? – спросил незнакомец, и в голосе его послышалось нетерпение.

– Ну вот, дело кончилось тем, – сказал регент, – что в то время, когда все глядели, как королевский корвет за контрабандистами гонится, этот самый Кеннеди, неизвестно зачем, сразу вдруг сорвался с места – тут его никакая бы сила не удержала – и поскакал во весь опор в Уорохский лес. На пути он повстречал маленького лэрда – тот с наставником своим гулял, – схватил ребенка и поклялся, что если на него напустят чары, то и ребенок с ним пропадет; воспитатель бежал за ним что было мочи и почти что не отставал от них, потому что бежал он очень, прытко, и вдруг он видит: Мег, цыганка, или дьявол в ее образе, выскакивает из-под земли и вырывает ребенка из рук Кеннеди. Тогда тот разъярился и шпагу выхватил. Нечестивцам ведь и сам дьявол не страшен.

– Да, это истинная правда, – сказал Джок.

– Ну так вот, она схватила его и сбросила как камень вниз со скалы на Уорохском мысу. Под этой скалой его в тот же вечер и нашли, но что случилось с малюткой, этого я, по правде говоря, не знаю, только священник, что у нас тогда был (сейчас ему получше место дали), думает, что ребенка просто увезли на время в страну фей.

В некоторых местах этого рассказа незнакомец слегка улыбался, но, прежде чем он успел что-нибудь сказать в ответ, послышался топот копыт, и развязный, щеголеватый лакей с кокардой на шляпе быстро вошел в кухню, громко говоря: «Потеснитесь немножко, добрые люди». Но стоило ему заметить незнакомца, как он сразу превратился в скромного и учтивого слугу, мгновенно снял шляпу и подал своему хозяину письмо.

– Семья Элленгауэнов в большом горе, сэр, и они не могут никого принять.

– Я это знаю, – ответил его господин. – А теперь, сударыня, раз уж вам не приходится ждать гостей, может быть, вы разрешите мне занять ту комнату, о которой вы говорили?

– Разумеется, сэр, – ответила миссис Мак-Кэндлиш и поспешила посветить гостю с назойливой суетливостью, присущей в таких случаях хозяйкам.

– Послушай-ка, молодчик, – сказал церковный староста лакею, наливая стакан водки, – тебе не худо было бы выпить после такой дороги.

– Верно, сэр, благодарю вас; за ваше здоровье, сэр.

– Но кто же такой твой хозяин?

– Кто тот господин, который только что здесь был? Это знаменитый полковник Мэннеринг, сэр, из Ост-Индии.

– Что, тот, о ком писали в газетах?

– Да, он самый. Он освободил Кудиберн и защищал Чингалор и разбил главного вождя маратхов Рама Джолли^[94] Бандлмена, я был с ним почти во всех сражениях.

– Господи боже мой, – вскричала хозяйка, – надо скорее спросить, что он захочет на ужин! А я-то еще принимала его в такой тесноте!

– Эх, полноте, мамаша, ему тут еще лучше. Вам на всем свете не сыскать человека проще, чем наш полковник; впрочем, в нем есть что-то, должно быть, и от самого дьявола.

Разговор, которым закончился этот вечер, мало интересен для нашего читателя, и мы, с его позволения, перейдем теперь в зал.

Глава XII

*Людское мнение – глиняный божок,
Людьми же обращенный против Бога.
Не Бог ли запретил кровопролитье?..
А ради славы убиваем мы.
Кто честен, тот не слушает молву
И клеветой не запятнает друга.
Да, тот силен, кто подлости в себе
Страшится, а от чьей-то пострадав –
Страданье стерпит.*

Бен Джонсон^[95]

Полковник в раздумье ходил взад и вперед по залу, когда заботливая хозяйка снова заглянула туда, чтобы узнать, что ему будет угодно. Заказав себе ужин и стараясь всячески поддерживать «интересы ее заведения» своим выбором, он попросил ее на несколько минут остаться с ним.

– Если только я хорошо понял все, что здесь говорили, – сказал он, – то выходит, что Бертрам потерял сына, когда тому исполнилось пять лет.

– Да, сэр, это доподлинно так было, хоть об этом и самые разные толки идут да пересуды, и каждый, у огня сидючи, свое рассказывает, вроде как и мы все сегодня. Но мальчик действительно пропал, когда ему пять годиков минуло, как ваша милость изволили сказать, а леди в то время была в положении, и когда ей об этом проговорились, она, бедная, не выдержала и в ту же ночь преставилась. Да и лэрду с тех пор уж не жизнь была, он на все рукой махнул; правда, когда мисс Люси подросла, она попробовала в доме порядок навести, но только что она могла, бедняжка, сделать? А теперь вот они и без дома и без земли остались.

– Может быть, вы вспомните, какое это было время года, когда мальчик пропал?

Хозяйка подумала немного, что-то припоминая, а потом ответила, что она «хорошо помнит, когда это было», и привела несколько дат, по которым можно было установить, что это было в начале ноября 17... года.

Полковник молча зашагал взад и вперед по комнате, сделав миссис Мак-Кэндлиш знак не уходить.

– Если я верно понял, – сказал он, – имение Элленгауэн продается?

– Какое там продается! Завтра его просто отдадут тому, кто больше заплатит. Боже мой, да что же это я говорю, – не завтра, завтра ведь воскресенье, а в понедельник, в первый будний день. И мебель вся, и все домашние вещи туда же пойдут. У нас тут все думают, что просто стыдно сейчас с продажей спешить, когда в Шотландии из-за этой проклятой американской войны^[96] ни у кого денег нет, и кое-кто на этом деле поживится. Черти проклятые, прости господи! – негодуя воскликнула добрая женщина, которая никак не могла примириться с этой вопиющей несправедливостью.

– А где же состоятся торги?

– Да прямо на месте, так и в объявлении сказано – стало быть, в самом замке Элленгауэн.

– А у кого же все документы, приходо-расходные книги и планы?

– У очень порядочного человека, сэр, у помощника шерифа графства. Он на это судом уполномочен. Может быть, вашей милости угодно будет его повидать, так он как раз сейчас здесь; да он вам и о пропаже мальчика потолкует, чем кто другой, расскажет, потому как я

слыхала, сам шериф, его прямой начальник, в свое время как следует над этим делом потрудился.

– А как его зовут?

– Мак-Морлан, сэр; это человек достойный, его все хвалят.

– Пошлите сказать ему, что полковник Мэннеринг ему кланяется и приглашает к себе поужинать, и пусть он все эти бумаги с собой захватит. Только, пожалуйста, сударыня, никому об этом ни слова не говорите.

– Чтоб я сказала, да ни за что на свете! Мне и самой бы хотелось, чтобы земля вашей милости досталась (тут она сделала ему реверанс) или другому какому-нибудь джентльмену, который, как и вы, за свою страну воевал (еще один реверанс), если уж старым владельцам эти места покинуть придется (тут она вздохнула); только бы не досталась она этому подлому мошеннику Глоссину, который на несчастье ближнего богатство себе сколотить хочет. Ну а теперь я, пожалуй, оденусь, обуюсь да схожу к мистеру Мак-Морлану, он сейчас дома, а это отсюда рукой подать.

– Пожалуйста, сходите, хозяйюшка, я буду вам очень благодарен, да скажите моему слуге, чтобы он мне портфель сюда принес.

Через несколько мгновений полковник Мэннеринг уже спокойно сидел за столом, разложив на нем свои бумаги. Пока он пишет, мы имеем возможность заглянуть ему через плечо и охотно поделимся с нашим читателем тем, что мы прочли. Письмо было адресовано: Уэст-морленд, Ландбрейтвейт, Мервинхолл, Артуру Мервину, эсквайру. Полковник описывал в нем свое путешествие, после того как они расстались, а потом продолжал так:

«Станешь ли ты, Мервин, и теперь еще упрекать меня в том, что я поддавался грусти? Неужели ты думаешь, что после всех сражений, плена и других ударов судьбы, которые постигли меня за эти двадцать пять лет, я могу быть по-прежнему тем веселым и беззаботным Гаем Мэннерингом, который карабкался с тобою на вершину Скиддо и охотился на Кросфеле? И если ты, который все это время был счастлив, окружен семьей и совсем почти не изменился, если ты легко шагаешь по жизни и такими ясными глазами глядишь в будущее, то все это оттого, что здоровье и нераздельно с ним связанный спокойный характер счастливо сочетались у тебя с ровным и безмятежным течением жизни. А на моем жизненном пути были одни только трудности, колебания и ошибки. С самого детства я стал игрушкой в руках случая, и, хотя ветром меня и часто относило в тихую гавань, это редко бывала та гавань, к которой стремился сам кормчий. Позволь же мне напомнить тебе хотя бы в нескольких словах, как нелепо и странно сложилась моя юность и сколько горя мне пришлось испытать потом, уже в зрелые годы.

Ты скажешь мне, что в начале моей жизни ничего плохого со мной не произошло. Хорошего, правда, было тоже мало, но как-никак все было вполне сносно. Отец мой, старший представитель древнего, но обедневшего рода, умирая, оставил меня почти ни с чем, если не считать своего благородного имени, и доверил меня попечению своих более удачливых братьев. Они так меня любили, что готовы были ссориться из-за меня. Мой дядя-епископ хотел сделать из меня священника и предлагал мне приход; другой дядя, который был купцом, хотел засадить меня в контору, собираясь в дальнейшем сделать меня участником фирмы «Мэннеринг и Маршал» на Ломбард-стрит^[97]. Так вот, очутившись между двух стульев, или, пожалуй, двух мягких, богатых и удобных кресел – креслом богословия и креслом коммерции, я не сумел усидеть ни на одном из них, и кончилось тем, что я скатился на драгунское

седло. Но это не все: епископ хотел женить меня на своей племяннице и наследнице линкольнского декана^[98], дядя-коммерсант, близко знавший крупного вино торговца старика Слотерна, который мог мойдоры^[99] мешками считать и разжигать трубку банковыми билетами, прочил меня себе в зятя, а я вот ухитрился выскочить из той и другой петли и женился на бедной-пребедной девушке, Софии Уэлвуд.

Ты, верно, скажешь, что военная карьера в Индии, куда я отправился со своим полком, меня удовлетворяла. Да, так оно и было на самом деле. Ты напомнишь мне и о том, что, если я и не оправдал ожидания моих опекунов, я, однако, нимало не навлек на себя их недовольства и что епископ, умирая, завещал мне свое благословение, свои рукописные проповеди и весьма примечательный портфель с портретами знаменитейших богословов английской церкви, а другой дядя, сэр Пол Мэннеринг, оставил мне все свое огромное состояние. Но все это ничего не значит; на душе у меня лежит тяжелейший камень, и тяжесть эту я, должно быть, унесу с собою в могилу; эта горечь отравляет мне всю жизнь. Сейчас я расскажу об этом подробнее. Когда я был у тебя в гостях, у меня не хватило мужества рассказать тебе все до конца. Вообще ты, наверно, слышал об этом уже много раз, и, может быть, даже с некоторыми подробностями, далеко не всегда, впрочем, верными. Поэтому я сейчас не стану ничего замалчивать, с тем чтобы потом нам никогда уже не возвращаться ни к самому событию, ни к тому чувству безысходной грусти, которое оно оставило во мне.

Ты ведь знаешь, что София поехала со мной в Индию. Она была так же невинна, как и весела, но несчастье нам принесло именно то, что она была так же весела, как невинна. А на мой характер повлияли заброшенные мною потом занятия наукой и привычка к длительному уединению; все это не слишком подходило к моей новой должности командира полка в стране, где все полно гостеприимства и где каждый обязан стать радушиным хозяином, если хочет, чтобы его считали джентльменом. Однажды, в тяжелейший для нас период (ты знаешь, как порою бывало трудно набирать в армию европейцев), некий молодой человек по имени Браун, поступивший волонтером в наш полк, решил, что военная деятельность ему более по сердцу, чем торговля, которой он занимался прежде, и остался служить в полку. Надо отдать должное моей несчастной жертве – поведением своим он каждый раз являл образцы благородства, и первая офицерская вакансия по праву, конечно, должна была принадлежать ему. Я уезжал на несколько недель в дальнюю экспедицию. Вернувшись, я увидел, что этот молодой человек принят в моем доме и стал постоянным спутником моей жены и дочери в их прогулках. Мне это по многим причинам не нравилось, хоть и манеры его и поведение были совершенно безупречны. По правде говоря, я, пожалуй, и примирился бы с тем, что он так запросто бывал в моей семье, если бы в дело не вмешалось другое лицо. Если ты перечтешь «Отелло», пьесу, которую мне теперь страшно взять в руки, ты поймешь, что было дальше, поймешь, какие чувства овладели мной; поступки мои, слава богу, были не столь ужасны. У нас в полку был еще один претендент на офицерскую должность. Он-то и обратил мое внимание на то, что моя жена, как он выразился, кокетничала с этим молодым человеком. Честь Софии ничем не была запятнана, но она была горда, и ревность моя настолько ее задела, что она стала еще настойчивее приглашать его в наш дом, отлично зная, как я неодобрительно к нему

отношусь. У нас с Брауном была какая-то скрытая неприязнь друг к другу. Раз или два он сделал попытку преодолеть мое предвзятое отношение к нему, но я был настолько против него предубежден, что приписал это совсем другим намерениям. Чувствуя, что его отталкивают и даже презирают, он перестал добиваться моего расположения, а так как у него не было ни семьи, ни друзей, он, естественно, обращал особое внимание на то, как вел себя человек, у которого было и то и другое.

Ты не можешь себе представить, какая для меня пытка писать тебе это письмо, и, несмотря на это, мне хочется отдалить конец моего рассказа, как будто этим я могу оттянуть катастрофу, последствия которой отравили всю мою жизнь. Но сказать о ней надо, и я буду краток.

Жена моя, хоть она была не очень уже молода, была еще очень хороша собой. И, добавлю в свое оправдание, ей хотелось нравиться, об этом я тебе уже говорил. В ее верности, однако, у меня никогда никаких сомнений не было. Но своими хитрыми намеками Арчер вселил в меня убеждение, что она мало бережет мой душевный покой и что этот молодой человек, Браун, ухаживает за ней, нисколько не считаясь со мной и даже назло мне. Он же, со своей стороны, может быть, считал меня деспотичным аристократом, который пользуется своим положением в армии и в свете, чтобы издеваться над тем, кто оказался у него в подчинении. И, если он заметил мою нелепую ревность, он, вероятно, намеренно растревлял эту рану, считая, что этим может отомстить мне за мелкие обиды, которые я не раз ему наносил. Но один из моих друзей, человек проницательный, дал другое толкование его поступкам, в свете которого они выглядели более невинными и, во всяком случае, менее для меня оскорбительными. Он считал, что внимание Брауна в действительности относилось к моей дочери Джулии, а если и распространялось на мою жену, то только с целью добиться ее покровительства. Такого рода его намерения отнюдь не льстили моему самолюбию и не могли мне нравиться, так как исходили от человека без имени и состояния, но, конечно, безрассудная страсть к моей дочери не могла так глубоко оскорбить меня, как оскорбляло это ужасное подозрение.

Там, где скопилось много горячего, достаточно бывает одной искорки, чтобы все вспыхнуло. Я начисто забыл, что именно послужило поводом к нашей ссоре, но все началось за карточным столом из-за сущего пустяка; кончилось же это взаимными оскорблениями и вызовом на дуэль. На следующее утро мы встретились по другую сторону крепостного вала, на самой границе расположения полка, которым я командовал. Все было устроено так, чтобы Браун, если он выйдет победителем, мог спастись бегством. Теперь я, кажется, даже хотел бы, чтобы это случилось именно так, хоть и ценой моей гибели. Но от первой же пули Браун упал. Мы все кинулись, чтобы оказать ему помощь, как вдруг на нас напали лутини^[100], местные разбойники, не упускающие случая подстеречь добычу. Арчер и я едва успели вскочить на лошадей, и после ожесточенной схватки, в которой он получил несколько тяжелых ранений, нам удалось пробиться сквозь их ряды. В довершение всех несчастий этого злополучного дня жена моя, которая догадалась, почему я так рано покинул крепость, отправилась в паланкине вслед за мной. Разбойники напали на нее и чуть было не захватили в плен. Наш конный отряд быстро освободил ее, но само собой разумеется, что события этого утра не могли не отразиться на ее и без

того уже подорванном здоровье. Арчер, понимая, что он умирает, признался мне, что некоторые из сообщенных им подробностей он просто выдумал, а другим дал неправильное толкование, чтобы опорочить мою жену. Но ни его признания, ни последовавшее за этим объяснение и примирение с женой не могли остановить ее болезни. Месяцев через восемь она умерла, и все, что у меня осталось, – это дочь, которая сейчас временно находится на попечении доброй миссис Мервин. Джулия тоже тяжело заболела. Состояние ее было таково, что я вынужден был выйти в отставку и вернуться в Европу, где более благоприятный климат и новизна впечатлений вернули ей в конце концов бодрость и восстановили ее силы.

Теперь, когда ты все узнал обо мне, ты не станешь больше доискиваться причин моей грусти и позволишь мне предаваться ей вволю. В том, что я тебе рассказал, достаточно горечи, если не яда, чтобы отравить ту чашу счастья и славы, которую, как ты не раз говорил, мне предстоит испытать в эти годы покоя.

Я мог бы добавить к этому еще некоторые обстоятельства, которые наш старый учитель назвал бы предопределением. Ты, пожалуй, посмеялся бы, если бы я рассказал тебе еще некоторые подробности, тем более что ты знаешь, что сам я в это не верю. Приехав в тот дом, откуда я пишу тебе сейчас, я узнал об одном удивительном стечении обстоятельств, о котором, если только оно подтвердится свидетельством надежных людей, нам с тобой будет интересно потолковать. Но пока я об этом умолчу, так как жду к себе одного человека; я должен говорить с ним о покупке поместья, которое сейчас продается в этих краях. Место это мне чрезвычайно нравится, и я надеюсь, что владельцы его будут довольны тем, что куплю его я, так как здесь кое-кто намеревается завладеть им за полцены. Кланяйся от меня миссис Мервин, и я, так и быть, доверю тебе, хоть ты и хочешь еще считаться молодым человеком, поцеловать за меня Джулию.

*Прощай, милый Мервин. Преданный тебе
Гай Мэннеринг».*

В комнату вошел мистер Мак-Морлан. Имя полковника Мэннеринга было так хорошо известно, что Мак-Морлан, человек порядочный и умный, сразу же решил довериться ему и рассказать обо всем откровенно. Он перечислил все преимущества и все невыгоды покупки.

– Это имение, – сказал он, – во всяком случае, большая часть его, должно перейти к сыну лэрда, а купивший имение имеет право удержать значительную долю его стоимости в случае, если в течение какого-то времени исчезнувший ребенок найдется.

– Почему же тогда так торопятся с торгами? – спросил Мэннеринг.

Мак-Морлан улыбнулся.

– По всей видимости, – сказал он, – для того, чтобы вместо сомнительной ренты с уже разоренного имения можно было получить всю его стоимость; но главная причина, как все полагают, в том, чтобы удовлетворить интересы одного определенного покупателя, который сделался главным кредитором и распоряжается всем, как только ему угодно; он-то, вероятно, и захочет купить имение – ведь платить ему за него ничего почти не придется.

Мэннеринг посоветовался с Мак-Морланом о том, как не допустить, чтобы этот низкий замысел осуществился. Потом они долго обсуждали удивительное исчезновение Гарри Бертрама в тот самый день, когда ему исполнилось пять лет. Исчезновение ребенка именно в этот день подтверждало случайное предсказание Мэннеринга. Однако, как и можно было думать, Мэннеринг о нем не упоминал.

Мистер Мак-Морлан, когда все это случилось, сам в этих местах еще не служил, но он был хорошо знаком со всеми обстоятельствами дела и сказал полковнику, что, если тот действительно думает поселиться в поместье Элленгауэн, он сообщит ему все подробности дела через самого шерифа. На этом они и расстались, довольные друг другом и хорошо проведенным вечером.

В воскресенье полковник Мэннеринг отправился к обедне в приходскую церковь. Из Элленгауэнов в церкви никого не было; прошел слух, что старому лэрду стало хуже. Джек Джейбос, которого снова за ними посылали, вернулся опять один, но мисс Люси Бертрам надеялась, что на следующий день отца ее все же можно будет увезти.

Глава XIII

*Они сказали, что закон велит
Сейчас же взять им все, чем ты владеешь.
Наглец какой-то с каменным лицом
Стоял над драгоценною посудой,
Им в кучу сваленной для распродажи.
Другой, заметив, как горюешь ты,
Глумился над тобой и подло крал
От прадедов доставшиеся вещи.*

Отвэй^[101]

Рано утром на другой день Мэннеринг сел на коня и в сопровождении слуги поехал в Элленгауэн. Ему не пришлось расспрашивать о том, как добраться до замка. Публичная распродажа всегда бывает своего рода развлечением для окрестных жителей, и люди всякого звания стекались туда со всех сторон.

Проехав около часа по живописным местам, он увидел наконец старые башни. Насколько же отличны были его чувства, когда он покидал этот замок столько лет тому назад, от тех, которые он испытывал теперь! Мысль об этом не давала ему покоя. Окрестности не изменились, но как изменились зато все симпатии, надежды и чаяния человека! Тогда и жизнь и любовь были полны новизны, и золотые лучи их озаряли все его будущее. А теперь вот, разочаровавшись в любви, пресытившись славой и тем, что в свете зовется удачей, снедаемый горькими воспоминаниями и поздними сожалениями, он больше всего стремился найти убежище, где бы он мог вволю предаваться грусти, которая стала спутницей всей его жизни. Но вправе ли смертный жаловаться на то, что надежды его оказались тщетными, а расчеты пустыми? Могли разве рыцари былых времен, воздвигнувшие эти огромные, массивные башни, чтобы прославить свой род и увековечить его могущество, думать о том, что когда-нибудь настанет такой день, когда последний потомок этого рода будет изгнан из замка и превратится в бездомного скитальца? Да, неизменны одни лишь благодеяния природы. Солнце так же будет освещать эти развалины – все равно, будут ли они принадлежать неизвестному чужеземцу или низкому мошеннику и плуту, извратившему в своих интересах закон, – как освещало тогда, когда над зубцами замка только что взвилось знамя его основателя.

С этими мыслями Мэннеринг подъехал к воротам, которые в тот день были открыты для всех. Он прошел по комнатам вместе с толпой; одни хотели что-нибудь купить, а другие явились сюда просто из любопытства. В подобных сценах, даже и при более благоприятных обстоятельствах, всегда есть что-то печальное. Всегда неприятно бывает смотреть на мебель, которая составлена в ряд для того, чтобы покупателям удобнее было осматривать ее, а потом выносить из дома. Вещи, которые на своих местах казались вполне годными и даже красивыми, выглядят теперь какими-то жалкими; комнаты, лишённые всего, что украшало их и придавало им жилой вид, носят на себе печать опустошения и разрухи. Тяжело смотреть, как домашняя жизнь семьи становится достоянием любопытных и зевак, слышать их насмешливые и грубые замечания по поводу предметов, назначение которых им непонятно, и привычек, которые им не свойственны. Веселому настроению их немало способствует и виски, без которого в Шотландии не обходится ни одна распродажа. Такое вот впечатление производил в эту минуту Элленгауэн, и даже больше того – вся эта картина свидетельствовала об окончательном разорении древнего и высокого рода, и от этого она становилась еще в несколько раз мрачнее и безысходнее.

Прошло немало времени, пока полковник Мэннеринг смог отыскать кого-нибудь, кто бы ответил на его настоятельные расспросы о лэрде Элленгауэне. Наконец старая служанка, утирая слезы передником, сказала ему, что лэрду немного полегчало и сегодня, кажется, он уже сможет уехать. Мисс Люси ждет, что вот-вот подадут карету, а так как день сегодня выдался ясный, то они вынесли старика в кресле на лужайку перед старым замком, чтобы он хоть всей этой беды не видел. Полковник Мэннеринг пошел проводить его и вскоре увидел неподалеку группу из четырех человек. Поднимался он по довольно крутой тропинке и, по мере того как приближался, мог достаточно хорошо разглядеть этих людей и подготовиться к встрече с ними.

Бертрам, разбитый параличом и почти совсем неподвижный, в колпаке и просторном камлотовом халате, сидел в кресле; ноги его были укутаны шерстяным одеялом. Сзади него, опираясь скрещенными руками на палку, стоял Домини Сэмсон, которого Мэннеринг сразу же узнал. Время его нисколько не изменило, разве только его черный кафтан несколько порыжел, а впалые щеки еще больше ввалились. Рядом со стариком стояла очаровательная, похожая на сильфиду девушка лет семнадцати. Полковник сразу же догадался: это дочь лэрда. Время от времени она беспокойно поглядывала на аллею, как будто с нетерпением ожидая, когда наконец появится почтовая карета, а тем временем то и дело поправляла одеяло, боясь, как бы отец не простудился, и отвечала на его раздраженные, назойливые вопросы. Она не решалась даже взглянуть в сторону дома, хотя гудевшая там толпа неминуемо должна была привлечь к себе ее внимание. Четвертым в этой группе был статный красивый юноша, который, казалось, разделял тревогу мисс Бертрам и старался всячески помочь ей успокоить старика.

Молодой человек первым заметил полковника Мэннеринга и сразу же поспешил ему навстречу, может быть, для того, чтобы не дать ему приблизиться к находившимся в таком жалком состоянии людям. Мэннеринг остановился и объяснил ему, кто он такой.

– Я приехал издалека, – сказал он, – и было время, когда мистер Бертрам радушно и ласково приютил меня у себя в доме. Сейчас, когда он в таком бедственном положении, я ни за что не стал бы тревожить его, если бы не увидел, что его покинули все близкие и друзья. Мне хотелось бы хоть чем-нибудь помочь мистеру Бертраму и его дочери.

Мэннеринг остановился на некотором расстоянии от лэрда, который устремил на него тусклый взор; видно было, что тот не узнает его; Домини был до такой степени погружен в свои размышления, что, должно быть, даже и не заметил прихода Мэннеринга. Молодой человек отозвал в сторону мисс Бертрам, которая робко подошла к полковнику и поблагодарила его за участие.

– Но только, – сказала она, заливаясь слезами, – боюсь, что отец сейчас уже в таком состоянии, что вряд ли сможет вспомнить ваш первый приезд к нам.

Потом она вместе с полковником подошла к старику.

– Отец, – сказала она, – это мистер Мэннеринг, твой давнишний друг, приехал тебя проводить.

– Что же, очень рад, – отвечал лэрд, приподнимаясь в своем кресле и как бы пытаясь поздороваться с ним, причем померкшее лицо его чуть прояснилось от слабой, но приветливой улыбки.

– Послушай, Люси, милая, пойдем-ка домой, гость наш, наверно, уже озяб. Домини, возьмите ключ от винного погреба. Мистеру Мэ... Мэ... как бишь его, не худо бы выпить с дороги.

Мэннеринга глубоко поразило, до какой степени его прежняя встреча с лэрдом была непохожа на сегодняшнюю.

Он не мог удержаться от слез и этим сразу вызвал к себе доверие несчастной молодой девушки.

– Увы, – сказала она, – это все ужасно даже для постороннего человека, но, может быть, и лучше даже, что отец плохо теперь все понимает, а то ему было бы еще тяжелее.

В это мгновение к ним подошел лакей в ливрее и шепотом сказал молодому человеку:

– Мистер Чарлз, миледи хочет, чтобы вы сторговали для нее бюро черного дерева, а леди Джин Деворгойл тоже с ней, они просят вас сейчас же прийти к ним.

– Скажи им, Том, что не нашел меня, или нет, лучше скажи, что я пошел посмотреть лошадей.

– Нет, нет, – решительно сказала Люси Бертрам, – если вы не хотите, чтобы эта тяжелая минута была для нас еще тяжелее, идите сейчас же к ним. Я уверена, что мистер Мэннеринг поможет нам сесть в карету.

– Ну разумеется, сударыня, – ответил Мэннеринг, – ваш юный друг может вполне на меня положиться.

– Тогда прощайте, – сказал молодой Хейзлвуд и, шепнув ей что-то на ухо, быстро побежал вниз, как будто боясь, что у него не хватит решимости уйти.

– Куда же это побежал Чарлз Хейзлвуд? – спросил больной, который, по-видимому, призыв и к его присутствию и к его заботам. – Что там такое случилось?

– Он сейчас вернется, – тихо ответила Люси.

В это время из развалин замка до них донеслись чьи-то голоса. Читатель, вероятно, помнит, что развалины сообщались с берегом, оттуда-то и поднимались сейчас люди.

– Да, вы правы, тут действительно хватает и раковин разных и водорослей для удобрения, а если станем новый дом строить, что, может быть, и не мешало бы сделать, то в этом чертовом логове можно и тесаного камня сколько угодно достать.

– Боже мой! – закричала мисс Бертрам, обращаясь к Сэмсону. – Слышите голос этого негодяя Глоссина? Только бы он сюда не пришел, ведь бедного папу это просто убьет!

Сэмсон повернулся на каблуках и большими шагами устремился навстречу Глоссину, который уже показался под сводом старого замка.

– Отыди, – закричал он, – отыди! Ты что, хочешь сразу и ограбить и убить человека?

– Ладно, ладно, мистер Домини Сэмсон, – нагло ответил ему Глоссин, – если вам не судьба была на кафедре проповедовать, так здесь и вовсе не придется. Мы действуем по закону, милейший, а Библию мы уж вам оставим.

Одно только упоминание имени этого человека повергало несчастного старика в крайнее волнение, а звук его голоса сразу возымел свое действие. Мистер Бертрам весь вытянулся, встал и с какой-то неистовой силой, которая никак не соответствовала его изможденному, страдальческому лицу, воскликнул:

– Прочь с глаз моих, змея, да, подлая змея, которую я отогрел на груди! Теперь ты обратила на меня свое жало! Смотри, не рухнули бы эти вековые стены и не похоронили бы тебя здесь заживо! Смотри, как бы сами своды замка Элленгауэн не раскрыли свою пасть и не проглотили тебя. Не ты ли это был без крова, без друзей, без пенса в кармане, и я тебе подал руку помощи, а теперь вот ты выгоняешь нас, покинутых всеми, бездомных, нищих, из стен, где наш род прожил целое тысячелетие!

Если бы Глоссин был один, он, вероятно, почел бы за благо удалиться, но в присутствии незнакомца, а также землемера, которого он сам привел сюда, он нашел нужным вести себя еще более вызывающе. Как он ни был нагл, он, однако, немного смутился.

– Сэр, мистер Бертрам, не вам меня обвинять, вы сами были неблагоприятны.

Тут Мэннеринг не мог уже сдержать своего негодования.

– Послушайте, – сказал он Глоссину, – не вдаваясь в оценку всех ваших суждений, я должен сказать, что вы избрали совсем неподходящее место, время и обстоятельства, для того чтобы излагать их. И я попрошу вас немедленно удалиться отсюда.

Глоссин был мужчина рослый и крепкий; он скорее готов был напасть на незнакомца, которого надеялся этим запугать, чем подкреплять свои подлые поступки какими-либо доводами.

– Я не знаю, кто вы такой, сэр, – сказал он, – но я никому не позволю так дерзко со мной обращаться.

Мэннеринг по натуре был человек горячий; в глазах его вспыхнул огонек, он закусил нижнюю губу, так что выступила кровь, и, подойдя к Глоссину, сказал:

– То, что вы меня не знаете, не имеет значения, я ведь вас знаю, и если вы сию же минуту не уберетесь, – клянусь вам самим Господом Богом, я мигом спущу вас вниз!

Повелительный тон Мэннеринга, охваченного справедливым негодованием, сразу же одернул нахала. Подумав немного, он повернулся на каблуках, процедил что-то сквозь зубы о том, что не хочет беспокоить молодую леди, и избавил всех от своего присутствия.

Кучер миссис Мак-Кэндлиш, который подошел как раз вовремя, заявил во всеуслышание:

– Пусть бы он только немножко помешкал, я б ему показал его место, подлецу этакому!

А потом он доложил, что лошади для лэрда и его дочери поданы.

Но лошади уже были не нужны. Вспышка негодования унесла с собой последние силы Бертрама, и, рухнув в кресло, он тут же испустил дух, без всякой борьбы, без единого слова. Это мгновение почти совсем не изменило его лица, и только когда дочь, заметив, что взгляд старика потух и пульса больше нет, громко вскрикнула, все окружающие узнали о его кончине.

Глава XIV

*Час пробил. Так мы время узнаем,
Навек с ним расставаясь. Не напрасно
Вдруг голос подает оно. То ангел
Зовет нас грозно...*

Юнг^[102]

Тот несколько необычный вывод, который поэт сделал из обычного измерения времени, применим и к пределам человеческой жизни. Мы видим на каждом шагу людей старых, больных или подвергающихся постоянной опасности по роду своих занятий – живущих в трепете, ступающих по самому краю бездны, но мы не извлекаем для себя урока из этого примера бренности земного существования, пока оно вдруг не приходит к концу. Тогда, во всяком случае, на мгновение

...Наши чаянья и страхи
Оледенеют у черты последней,
Вниз глянув. Что ж там? – Пропasti зиянье
И вечный мрак. И наш удел – туда!

Любопытные и зеваки, собравшиеся в Элленгауэне, продолжали развлекаться, или, как они сами считали, заниматься делом, не слишком-то заботясь о чувствах тех, кто страдал от этого непрошеного вторжения. Мало кто из них знал семейство Элленгауэнов: уединенный образ жизни, несчастная участь и слабоумие старика привели к тому, что окрестные жители совершенно перестали помнить о нем, а дочери его они и вовсе не знали. Но когда распространилась весть о том, что несчастный мистер Бертрам умер с горя, покидая места, где жили все его предки, целый поток сочувствия залил сердца людей, как будто хлынув из скалы, которой пророк коснулся своим жезлом^[103]. Все стали с уважением вспоминать незапятнанную чистоту древнего рода Элленгауэнов. К этому примешивалось также то особое расположение, которое в Шотландии всегда вызывают к себе люди, несправедливо пострадавшие.

Мистер Мак-Морлан поспешно объявил, что продажа поместья и всего имущества приостанавливается и все передается в распоряжение молодой леди, которая должна сначала посоветоваться с друзьями и похоронить отца.

Глоссин, как только все начали выражать молодой девушке свое сочувствие, смутился было немного, но потом, видя, что толпа не проявляет к нему никаких враждебных чувств, потребовал, чтобы торги продолжались.

– Я прекращаю распродажу, – заявил помощник шерифа, – и отвечаю за все последствия. О дне возобновления торгов я всех извещу. Общий интерес требует, чтобы имение было продано по самой высокой цене, а теперь об этом думать не приходится. Я за все отвечаю.

Глоссин быстро вышел из комнаты и незаметно скрылся; должно быть, он хорошо сделал, так как наш приятель Джок Джейбос собрал уже целую ватагу босоногих ребят, чтобы закидать его камнями и выгнать вон.

Тут же были приведены в порядок несколько комнат; в одну из них положили покойника, другие отвели для молодой леди. Мэннеринг решил, что дальнейшее его присутствие неуместно и может быть даже неправильно истолковано. Он к тому же заметил, что несколько дальних родственников покойного лэрда, вся знатность которых зиждилась на степени их род-

ства с Элленгауэном, решили теперь отдать последний долг человеку, к несчастьям которого они всегда были глубоко равнодушны. Право распоряжаться похоронами Годфри Бертрама оспаривало теперь семеро богатых помещиков (подобно тому как семь греческих городов оспаривали право называться родиной Гомера^[104]). Но ни одному из этих семи родственников перед тем и в голову не приходило приютить у себя старика. Поэтому-то Мэннеринг решил не оставаться здесь дольше и уехать недели на две, то есть на то время, по истечении которого распродажа должна была возобновиться.

Но, прежде чем уехать, он хотел повидаться с Домини. Когда последний узнал, что какой-то джентльмен желает говорить с ним, несказанное удивление отразилось на его вытянутом лице, которое от горя стало еще мрачнее. Он несколько раз низко поклонился Мэннерингу, а потом весь вытянулся и стоял прямо, терпеливо ожидая его распоряжений.

– Вы, должно быть, не догадываетесь, мистер Сэмсон, зачем вы могли понадобиться совершенно незнакомому человеку?

– Вероятно, вы хотите, чтобы я преподавал кому-нибудь словесность и классическую филологию. Только нет, никак не могу: у меня есть еще одна обязанность, я должен ее выполнить.

– Нет, мистер Сэмсон, я далек от этой мысли – сыновей у меня нет, а единственная моя дочь вряд ли окажется для вас подходящей ученицей.

– Ну разумеется, нет, – ответил простодушный Сэмсон. – Однако же я обучал мисс Люси всем наукам, и только таким ни на что не нужным предметам, как кройка и шитье, ее учила экономка.

– Как раз о мисс Люси-то я и собирался поговорить с вами, – сказал Мэннеринг. – Вы ведь меня не помните?

Сэмсон, всегда отличавшийся рассеянностью, не только не припоминал юного астролога, с которым встречался в столь давние времена, но даже не узнал в нем того незнакомца, который заступился за лэрда перед Глоссином, – до такой степени спутались все его мысли после кончины его благодетеля.

– Но это неважно, – продолжал полковник, – я старый приятель покойного мистера Бертрама, и я имею возможность помочь его дочери в ее теперешнем тяжелом положении. К тому же я намерен купить это поместье, и мне хочется, чтобы в замке все осталось как есть. Возьмите, пожалуйста, вот эти деньги на расходы по дому, – и он подал Домини кошелек с деньгами.

– У-ди-ви-тель-но! – воскликнул Домини. – Но если вам угодно обождать...

– Это совершенно невозможно, – сказал Мэннеринг, уходя.

– У-ди-ви-тель-но! – еще раз воскликнул Домини Сэмсон, выбежав за ним на лестницу с кошельком в руке. – Но эти деньги...

Мэннеринг поспешно сошел вниз по лестнице.

– У-ди-ви-тель-но! – в третий раз воскликнул Домини Сэмсон, стоя уже в дверях. – Но только эти...

Но Мэннеринг уже вскочил на лошадь и ничего не слышал. Хотя сумма эта и не превышала двадцати гиней, Домини, которому никогда, ни при каких обстоятельствах не приходилось держать в руках даже и пяти, решил, как он сам выразился, «посоветаться» о том, как лучше всего поступить с полученными деньгами. По счастью, Мак-Морлан дал ему разумный и совершенно бескорыстный совет употребить эти деньги на нужды мисс Бертрам, так как именно для этой цели они и предназначались самим Мэннерингом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Песнь последнего менестреля» (1805) – поэма В. Скотта.

2.

Вскоре после того, как определился успех «Уэверли», в 1823 г., Вальтер Скотт приступил в своему второму роману – «Гай Мэннеринг, или Астролог» – и закончил его в шесть недель. За первые два дня было распродано две тысячи экземпляров книги – явление в то время необычное. Удача «Астролога» побудила Вальтера Скотта отказаться от поэзии и пойти другим путем, который принес ему мировую славу создателя исторического романа в Англии.

3.

Предисловие было написано Вальтером Скоттом спустя четырнадцать лет после выхода романа, при издании собрания романов писателя.

4.

Гэллоуэй – местность на юго-западе Шотландии.

5.

Лэрд – владелец поместья в Шотландии.

6.

Гороскоп – чертеж в виде двух концентрических окружностей (или двух квадратов с параллельными сторонами и общим центром), рисовался астрологами для предсказания судьбы человека или хода событий. Гороскоп составлялся по расположению планет в момент рождения человека (или начала события), так как считалось, что небесные светила, главным образом планеты, влияют на судьбы людей и события.

7.

...родители Самуила, которые посвятили своего сына служению храму. – Библейский пророк Самуил родился и был воспитан при храме.

8.

...нечестивую жену Иова... – Иов – праведник, испытавший много несчастий но не потерявший веры. После того как Иова постигли бедствия, жена оставила его.

9.

Бэкон Роджер (ок. 1214–1294) – английский естествоиспытатель и философ, который выступал против схоластической средневековой науки и видел цель подлинной науки в овладении тайнами природы. Однако, отдавая дань предрассудкам своего времени, Бэкон верил в астрологию, философский камень и т. п.

10.

«Блэквуд мэгэзин» – ежемесячный эдинбургский литературно-публицистический журнал, орган шотландских консерваторов; был основан под названием «Эдинбургский ежемесячный журнал» («Эдинбург мансли мэгэзин») в 1817 г. шотландским публицистом и издателем Уильямом Блэквудом (1776–1834) и с седьмого номера стал называться, по имени своего основателя, «Блэквуд мэгэзин».

11.

Якобиты – сторонники изгнанного из Англии во время государственного переворота 1688 г. Иакова II Стюарта и его преемников.

12.

...после 1746 года... – то есть после восстания 1745–1746 гг., поднятого внуком Иакова II, принцем Карлом Эдуардом, с целью восстановления династии Стюартов. При поддержке горцев Верхней Шотландии претендент одержал ряд побед, занял Эдинбург и был провозглашен королем Шотландии под именем Иакова VIII. Но в дальнейшем, не получив широкой поддержки, он был разбит при Каллоден-муре (16 апреля 1746 г.) и бежал во Францию. Якобитское восстание 1745–1746 гг. явилось последней попыткой Шотландии отделиться от Англии. Подавление восстания сопровождалось жестокими репрессиями. После 1745–1746 гг. патриархально-родовой, клановый строй горных районов Шотландии стал быстро распадаться под натиском капиталистического развития. Действие первого романа В. Скотта «Уэверли» относится ко времени этого восстания.

13.

Джонсон Сэмюел (1709–1784) – известный английский писатель, журналист и лингвист.

14.

«Путешествие Уильяма Марвела» («Бездельник», № 49) – Журнал «Бездельник» издавался в 1761 г. Сэмюелом Джонсоном.

15.

Дамфриз – одно из южных графств Шотландии, граничащее с Англией.

16.

«Генрих IV», ч. I – историческая хроника Шекспира. В. Скотт цитирует слова Хотспера (акт III, сц. 4).

17.

Филдинг Генри (1707–1754) – английский драматург и романист, представитель демократического крыла просветительства, творчество которого оказало заметное влияние на европейскую литературу.

18.

Брей – герой народной песни. При Генрихе VIII и его преемниках был пастором; чтобы сохранить свое место в приходе, несколько раз переходил из католичества в протестантство и обратно.

19.

Дуглас Роберт (1694–1770) – историк, автор книг «Пэры Шотландии» (1764) и «Баронеты Шотландии» (вышла после смерти автора в 1798 г.).

20.

...маркизом Монтрозом... – Джеймс Грэм Монтроз (1612–1650) во время гражданской войны (с 1644 г.) командовал войсками короля Карла I в Шотландии, потерпел поражение (при Филифо 12 сентября 1645 г.) и бежал за границу. После казни Карла I в 1649 г. Монтроз высадился в Шотландии с отрядом иностранных наемников – сторонников Стюартов, но был

разбит при Инверкарроне (27 апреля 1650 г.), взят в плен, приговорен к смерти и 21 мая повешен в Эдинбурге. Этой странице истории Англии посвящен роман В. Скотта «Легенда о Монтрозе».

21.

Злонамеренные – сторонники английской церкви и монархии Стюартов.

22.

Резолюционисты – шотландские пресвитериане, разделявшие политические взгляды роялистов и во время второй гражданской войны поддерживавшие принятое шотландским парламентом (26 апреля 1648 г.) ультимативное послание Долгому парламенту, требовавшее запрещения всех пуританских течений, кроме пресвитерианского, возвращения короля в Лондон и т. п.

23.

...одного из видных фанатиков тех времен, заседавших в Государственном совете... – После казни короля Карла I и провозглашения республики вся полнота исполнительной власти в стране (акт от 13 февраля 1649 г.) была передана Долгим парламентом Государственному совету, состоявшему из индпендентов или сочувствующих им.

24.

...представить тайному совету Карла II... жалобу на вторжение северошотландских горцев в 1678 году. – Карл II – сын казненного во время революции короля Карла I, король Англии и Шотландии с 1660 по 1688 г. Карл II восстановил тайный совет как орган управления. Горцы Верхней Шотландии неоднократно совершали набеги на Нижнюю (равнинную) Шотландию – более богатую часть страны. В 1678 г. произошло одно из самых значительных вторжений горцев, продолжавшееся почти три месяца.

25.

Аргайл Арчибальд (1629–1685) – во время гражданской войны сражался на стороне Карла II в Шотландии и до 1681 г. оставался верным сторонником Стюартов. В дальнейшем, выступив против наместника Шотландии, брата короля герцога Йоркского, был вынужден бежать за границу, где сблизился с вигами-эмигрантами. Когда герцог Йоркский стал королем Иаковом II, Аргайл принял участие в заговоре Монмаута, высадился почти одновременно с последним в Шотландии, но после нескольких неудачных стычек был взят в плен и казнен в Эдинбурге 30 июня 1685 г.

26.

Пещера вигов. – Вигами (вигаморами), еще до того как это название с XVII в. стало принятым для одной из двух английских политических партий, назывались шотландские пресвитериане, выступавшие против англиканской церкви.

27.

Оглторп Теофил (1650–1702) – генерал, после поражения Стюартов, как якобит, был вынужден эмигрировать, но с 1698 г. присягнул Вильгельму III Оранскому и возвратился в Англию.

28.

Тернер Джеймс (1615–1686?) – генерал-роялист, активно боровшийся на стороне Стюартов во время революции.

29.

...присоединился к Клайверсу в Киллиенкрэнки. – Джон Грэм Клайверс (Клеверхауз), виконт Данди, во главе горных кланов выступил в защиту свергнутого в 1688 г. Иакова II. Поддерживая феодальную монархию Стюартов, кланы надеялись отстоять свою патриархальную организацию и культуру и сохранить свои земли. Клайверс был убит в сражении с войсками Вильгельма III при Киллиенкрэнки 27 июля 1689 г.

30.

В схватке при Данкелде... – При Данкелде (Шотландия) 26 августа 1689 г. был отражен натиск нескольких тысяч горцев, примкнувших к якобитскому восстанию в Шотландии.

31.

Камеронец – сторонник религиозной секты пресвитерианского толка, основанной в конце XVII в. Ричардом Камероном. Последний был убит в схватке с правительственными войсками в 1680 г.

32.

...с лордом Кенмором в 1715 году... если бы графу Мару не удалось свергнуть протестантскую династию. – Восстание против первого короля из Ганноверской династии Георга I произошло вскоре после его воцарения (1714). Целью восстания было восстановление династии Стюартов в лице сына Иакова II – Иакова III, который в январе 1716 г. короновался в Сcone как шотландский король Иаков VIII, но вскоре потерпел поражение и бежал на континент. Возглавлял якобитское восстание граф Мар. Из других вождей восстания выделялись англичанин Девенуотер и шотландцы Найтсдел и Кенмор. После подавления восстания Кенмор и Девенуотер были казнены.

33.

Ювенал Децим Юний (ок. 60 – после 127) – римский поэт-сатирик.

34.

...своему тезке-силачу и не унес с собою ворот колледжа. – Имеется в виду легендарный библейский богатырь Самсон, отличавшийся необыкновенной физической силой. Уходя из города Газы, где он был застигнут своими врагами – филистимлянами, Самсон поднял городские ворота и отнес их на вершину горы.

35.

«Гудибрас» – сатирическая поэма Сэмюэла Батлера (1612–1680), направленная против пуритан.

36.

...отец мой был якобитом и участвовал в восстании Кенмора, поэтому он никогда не принимал присяги... – см. коммент. к с. 29. Речь идет о присяге, утвержденной шотландским парламентом и не признававшей его противниками.

37.

Пифагор (ок. 580–500 до н. э.) – древнегреческий математик и философ, считавший число сущностью всех вещей, а вселенную – гармоническим сочетанием чисел.

38.

Гиппократ (ок. 460–377 до н. э.) – выдающийся греческий врач, основоположник античной медицины.

39.

Диоклес – греческий геометр (V в. до н. э.).

40.

Авиценна – латинизированное имя среднеазиатского ученого, врача, философа и поэта Абу Али Ибн Сины (980–1037).

41.

Хейли – имя нескольких арабских астрологов X–XI вв.

42.

Мессагала Маха Аллан – еврейский астроном и астролог (IX в.).

43.

Гвидо Бонат (Бонатус) де Форливио – итальянский астролог XIII в.

44.

Ньютон Исаак (1643–1727) – гениальный английский физик, механик, астроном и математик, открывший закон всемирного тяготения. С 1695 г. Ньютон был смотрителем, а с 1696 г. – директором Монетного двора в Лондоне.

45.

Дариот Клод (1533–1594) – французский медик и астролог.

46.

Птолемей Клавдий (II в.) – греческий астроном и географ, разработавший геоцентрическую систему мира (его труд «Альмагеста» в течение почти тысячи лет был энциклопедией астрономических знаний).

47.

Дитерик Гельвиус (1601–1655) – немецкий врач и астролог.

48.

Найбоб Валентин – автор нескольких астрологических книг.

49.

Заэль Бенбрир (IX в.) – арабский астролог.

50.

Агриппа Неттесгеймский (Генрих Корнелиус, 1448–1535) – немецкий врач, философ, алхимик.

51.

Дурет (Дуретус, 1590–1650) – французский астроном, среди работ которого – «Новая теория планет» (1635).

52.

Магинус – Жан Антуан Маджини (1555–1617), итальянский математик, астроном, астролог, известный как мастер составления гороскопов.

53.

Ориген (185–235) – христианский богослов и философ, прозванный Адамантом.

54.

Арголь – Джованни Арголи (1609–1660), итальянский поэт и автор ряда работ по археологии и филологии.

55.

Знаки зодиака и планеты в шестерном, четверном и тройном соединении или противостоянии, дома светил с фазами луны, часами, минутами... – Знаки зодиака – созвездия, расположенные по большому кругу небесной сферы, по которому солнце совершает свое видимое годичное движение. В древности круг этот был разбит на двенадцать частей (в каждой части солнце находится один месяц). При составлении гороскопа астрологи разделяли чертеж (круг или квадрат) на двенадцать частей – зодий, где находились знаки зодиака, и двенадцать частей – домов планет, куда помещались планеты в том положении на небе, в каком они находились в момент рождения человека (или начала события); в зависимости от их расположения производилось «предсказание». Каждая планета могла быть в различных соединениях (двойных, тройных и т. д.) с другими планетами или небесными телами. В отличие от соединения планет (нахождение их по одну сторону от Земли) расположение планет в противоположных сторонах от Земли называлось противостоянием.

56.

Альмутен, альмоходен – астрологические термины.

57.

Анахибазон (анабибизон) – название восходящего узла лунной орбиты.

58.

Катахибазон (катабибизон) – нисходящий узел лунной орбиты.

59.

Мэн – остров в Ирландском море, был известен своей контрабандной торговлей, принявшей особенно большие размеры в 1756–1765 гг. (в связи с Семилетней войной).

60.

...Венера все прекрасное дарит... – слова полковника Макса Пикколомини из драматической поэмы Ф. Шиллера «Валленштейн» («Пикколомини», ч. I, действие III).

61.

Хейдон Христофор (ум. в 1623 г.) – автор ряда книг по астрологии. Между ним и виндзорским каноником и астрологом Джоном Чемберсом (Чамбером, 1546–1604), выпустившим в 1601 г.

«Трактат против юдициарной астрологии», завязалась полемика. Хейдон ответил книгой «Защита юдициарной астрологии».

62.

Колридж Сэмюел Тейлор (1772–1834) – английский поэт и драматург, представитель романтической «Озерной школы».

63.

Лили Уильям (1602–1681) – английский астролог, автор книги «Введение в астрологию».

64.

Марс, господствуя над двенадцатым домом, угрожал новорожденному... – Планету Марс, названную в честь римского бога войны, в астрологии обычно связывали с различными несчастьями.

65.

Просперо – герой драмы Шекспира «Буря», миланский герцог, живший в изгнании на острове со своей дочерью Мирандой. После счастливого завершения событий в своем последнем монологе Просперо отрекся от магии, искусством которой владел.

66.

Дин Ричард (1610–1653) – сподвижник Кромвеля и английский адмирал. В феврале 1649 г. в числе трех комиссаров Долгого парламента Дин командовал флотом и в 1650 г. крейсировал в Северном море, чтобы воспрепятствовать сношениям Шотландии с Голландией. Погиб в сражении.

67.

Хи-чун и су-чонг – сорта китайского чая, зеленого и черного.

68.

«Ричард II» – драма Шекспира. В. Скотт приводит слова Болингброка (акт III, сц. 1).

69.

Капер – частное лицо, которое с разрешения правительства воюющей державы снаряжает вооруженное судно для захвата в море неприятельских торговых кораблей.

70.

...рэмзейский бандит... – Город Рэмзи находится на острове Мэн.

71.

М. С. – то есть мировой судья.

72.

...в Иерусалим и в Иерихон, со всем своим кланом... – то есть участвовали в крестовых походах (свидетельство древности дворянского рода).

73.

Ямайка – остров в Вест-Индии, захваченный англичанами у Испании в 1658 г. и ставший одним из крупнейших центров торговли рабами.

74.

Аваддон – согласно библейской легенде, падший ангел, сатана.

75.

«Как вам это понравится?» – комедия Шекспира (цитируются слова из монолога герцога, акт II, сц. 7).

76.

Эскавайр – первоначально оруженосец рыцаря, потом почетный титул, присваивающийся в Англии по праву рождения или по занимаемой должности.

77.

Герцог Хамфри (1391–1447) – младший сын короля Англии Генриха IV, военный и политический деятель, жизнь которого изобиловала различными приключениями, а смерть произошла при таинственных обстоятельствах.

78.

Капитан Уорд – герой английских и шотландских песен и баллад.

79.

Бенбоу Джон (1653–1702) – английский адмирал, участник многих морских сражений; погиб от раны, полученной в бою с французами во время войны за испанское наследство. О Бенбоу было сложено много легенд и песен.

80.

Паписты – католики, признающие своим духовным главой Римского Папу.

81.

«Куст нищего» – пьеса английского драматурга Джона Флетчера (1579–1625).

82.

...один из шотландских королей... – Речь идет о короле Иакове V (1512–1542).

83.

Флетчер из Солтуна (1655–1716) – шотландский политический деятель, автор ряда работ историко-политического характера.

84.

«Сцены детства» – поэма Джона Лейдена (1775–1811), английского поэта, ориенталиста, переводчика с восточных языков. Лейден был другом В. Скотта и помогал ему собирать произведения народной поэзии для «Песен шотландской границы».

85.

...маронской войны... – Мароны – беглые негры-невольники в Вест-Индии и Гвиане, которые, скрываясь в горах, вели борьбу с плантаторами. Особенно ожесточенными их войны с белыми были на Ямайке.

86.

Калло Жак (ок. 1592–1635) – французский художник-график, автор офортов, в которых реалистические наблюдения сочетались с острым гротеском («Бедствия войны», «Нищие» и др.).

87.

Маргарита Анжуйская (1430–1482) – супруга английского короля Генриха VI Ланкастерского, вдохновительница ланкастерской партии в ее борьбе за трон с Йоркской династией (война Алой и Белой розы). После поражения 1461 г. она сделалась пленницей Йорков. Через пять лет была выкуплена Людовиком XI и возвратилась во Францию. В. Скотт имеет в виду сцену (акт V, сц. 3) из исторической хроники Шекспира «Генрих VI», ч. III, в которой королева Маргарита проклинает Йорков, убивших ее сына.

88.

Шериф – должностное лицо в Англии и Шотландии, выполняющее главным образом административные и судебные функции. В Шотландии шерифы выполняли и обязанности следователей.

89.

...о французском товаре... – то есть о контрабандном коньяке.

90.

...гэллоуэйской лошади... – Округ Гэллоуэй в Юго-Западной Шотландии издавна славился особой породой низкорослых лошадей – пони.

91.

«Генрих VI», ч. II – историческая хроника Шекспира; цитируются слова графа Уорика.

92.

...гамбургский флаг... – С 1510 г. Гамбург получил права вольного города и вел широкую торговлю с различными странами.

93.

«Зимняя сказка» – романтическая драма Шекспира. Отрывок цитируется из монолога Времени, изображающего хор (акт IV, сц. 1).

94.

Он... разбил главного вождя маратхов Рама Джолли... – Маратхи – один из крупнейших народов Индии, создавший в XVII в. в борьбе против Великих Моголов сильное государство в Махараштре (северо-западная часть Декана). В XVIII в. государство маратхов превратилось в конфедерацию княжеств. Феодалные усобицы и поражение, понесенное от афганцев (1761), ослабили государство маратхов и облегчили его завоевание британской Ост-Индской компанией в результате трех войн: 1775–1781, 1803–1805 и 1817 гг. В романе речь идет о первой маратхской войне. Подробности рассказа слуги вымышлены, так же как и имя вождя маратхов во время первой войны. В действительности им был Рам Раджа, пешва (титул главного министра и фактического правителя у маратхов) у Рагхунатха Рао и Мадхава Рао II.

95.

Бен Джонсон (1573–1637) – английский драматург, современник Шекспира.

96.

...американской войны... – Речь идет о войне американских колоний Англии за независимость (1775–1783).

97.

Ломбард-стрит – торговая улица в Лондоне.

98.

Декан – в католической и англиканской церкви духовное лицо, возглавляющее капитул; в англиканской церкви декан стоит во главе соборного духовенства.

99.

Мойдор – название золотой португальской монеты, чеканившейся с 1640 по 1732 г. и еще долго обращавшейся в Западной Европе и Вест-Индии.

100.

Лутии (от англ. loot – грабеж) – грабители.

101.

Отвэй Томас (1652–1685) – английский драматург; в своих пьесах «Спасенная Венеция», «Дон Карлос», «Сирота» и др. он уделяет главное внимание переживаниям героев, а не гражданским, политическим проблемам. В. Скотт высоко ценил Отвэя.

102.

Юнг Эдуард (1683–1765) – английский поэт-сентименталист. Эпиграф взят из наиболее известного произведения Юнга – поэмы «Жалобы, или Ночные думы». Далее в тексте четверостишие из того же произведения Юнга.

103.

...хлынув из скалы, которой пророк коснулся своим жезлом. – Библейская легенда рассказывает о том, как во время странствия евреев по пустыне пророк Моисей ударом жезла извлек из скалы источник для своего измученного жаждой народа.

104.

...как семь греческих городов оспаривали право называться родиной Гомера. – Согласно античной традиции, честь называться родиной легендарного эпического певца Древней Греции Гомера (автора «Одиссеи» и «Илиады») оспаривали города Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос и Афины.